

Г е н н а д и й Ф Р О Л О В



С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я  
и  
П О Э М Ы

Москва  
Буки Веди  
2023

УДК 821.161.1(093.3)(092)Фролов Г.В.  
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8Фролов Г.В.  
Ф91

Составление и комментарии  
Инны Фроловой

# Н Е С В О Е В Р Е М Я



С т и х о т в о р е н и я  
И  
П О Э М Ы

**Фролов, Геннадий Васильевич.**

**Стихотворения и поэмы** : – М. : Буки Веди, 2023. – 588 с.

Ф91 ISBN 978-5-4465-3724-2

Геннадий Фролов (1947–2021) – поэт, принадлежащий к поколению, пришедшему в литературу в начале 1970-х. Он поступил в Литературный институт вскоре после школы и там познакомился с Николаем Рубцовым и с Юрием Кузнецовым, с которым дружил. Но литературная судьба поэта, несмотря на ранний дебют, складывалась непросто. Верный классической традиции, он нашел свою интонацию, свои краски и темы, держался собственных путей духовных исканий и не поступался найденным ради легкости публикаций. В то же время, в его стихах лирическая мысль, не чужающаяся современности, наполнена психологизмом, стремлением дойти до конца, каким бы неутешительным ни был вывод. И трагическая нота, серьезность замысла, внятность живого, захватывающего слова звучат в его лучших стихах с неповторимым обаянием.

Настоящее издание впервые представляет творчество поэта с высокой полнотой. Открывает его итоговая книга «Не свое время» (2011), подготовленная самим поэтом, а во второй раздел включены стихотворения из книг разных лет, неизданное и несобранное, а также ранние и незавершенные стихи.

УДК 821.161.1(093.3)(092)Фролов Г.В.  
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8Фролов Г.В.

© Г. В. Фролов, наследники, 2023  
© И. Е. Фролова, сост., коммент., 2023  
© Д. В. Логинов, оформ., 2023

ISBN 978-5-4465-3724-2

\* \* \*

Се вид жизни скоротечной!  
Сколь надежда нам ни лъсти,  
Все потонем в бездне вечной,  
Дружба и любовь, прости.

*Г. Р. Державин*

Се вид жизни скоротечной.  
(Понимаешь? – понимай!)  
Мне бы домик с русской печью  
Да аржаный каравай.  
Да стакан чайку покрепче,  
Да твои послушать речи,  
Да под вечер в тишине  
Для забавы, для веселья  
Скромно справить новоселье  
И довольным быть вполне.

Но увы! Судьба иная  
Нам с рождения дана.  
(Принимаешь? – принимаю!)  
Не изменится она.  
И не волен я, не волен  
Умереть в широком поле  
И свободу обрести.  
И напрасно мысль лелею:

Ничего я не сумею,  
Сколь надежда мне ни льсти.

Все потонет в бездне вечной.  
Но пока еще живой,  
И иду к тебе навстречу,  
И киваю головой.  
Но пока утешь кручину;  
От причины до причины  
Нам с тобой еще брести,  
Нам еще идти дорогой,  
Чтоб промолвить у порога:  
Дружба и любовь, прости.

1967

\* \* \*

Сегодня лето кончится  
И гуси полетят.  
Живи не так, как хочется,  
А так, как все хотят.  
Я истины не выскажу,  
И ты суди меня  
За лживость и за искренность  
Минувшего огня.

Сквозь треугольник стаи  
Горит одна звезда.  
Твоя улыбка тает,  
Растает без следа.

Так выпьем по стакану  
За детский жар в груди.  
За птичьи караваны,  
Пронзающие дни!..

1968

## СОН I

*В. Игнатенко*

А он стреляет из ружья,  
А ты стреляешь из ружья,  
А я стреляю из ружья –  
    Никто не попадает!  
А там стоят его друзья,  
А тут стоят твои друзья,  
И все вокруг – мои друзья, –  
    А друга не хватает!  
А ночь повисла над тобой,  
А ночь повисла надо мной,  
А ночь повисла над страной –  
    Как долго не светает!  
И он идет, смеясь, домой,  
И ты идешь – к нему домой,  
И я иду – к себе домой, –  
    А дома нет как нет!..

1968

## СОН II

Старик, идущий по дороге,  
Был жалок мне. Его рукав  
Болтался тряпкою, а ноги  
Дрожали. Времени река  
Его минуты уносила.  
Раздумий тягостная сила  
Меня за ним влекла. Я шел,  
Ступая вслед оцепенело,  
И в сердце жалобно звенела  
С ума сводящая струна...  
А ночью я увидел сон:  
Отца, пришедшего с работы.  
Сестру и мать... мы что-то ели...  
И просыпаться не хотел!..

1969

## СЕСТРЕ

Здесь небо синее, чем море,  
И море синее небес.  
А это и счастье, и горе.  
И ты ожидаешь чудес.  
И ты наглядеться не можешь  
На этот бескрайний простор,  
Где волны веселые гложут  
Подножья зеленые гор.  
Следи же, как падает чайка,  
И слушай, как ветер поет,  
Пока еще не замечая,  
Что время уходит твое,  
Что скоро наступит ненастье  
И зимние близятся дни,  
Что это минутное счастье.  
И долгая жизнь впереди!..

1968

\* \* \*

Добирался поздно ввечеру,  
Пил чай с оранжевым вареньем.  
Самовар, вмещавший по ведру,  
Напевал о радостях творенья.

Чуть заметно под моей рукой  
Яблоки пружинили боками.  
Пахло в окна сыростью густой,  
Травами ночными и цветами.

Ночью с неба падала звезда,  
Плыли сопредельные планеты,  
Выпадала синяя вода  
И листва шумела до рассвета.

Засыпал я, странных полон дум,  
Полон весь предощущеньем чуда.  
И вплетался сада влажный шум  
В жизнь мою, неясную покуда.

1968

## САД

Опять начиналась заря  
Почти ненароком, случайно.  
И утро, в тумане горя,  
Осенней прохладой встречало.  
Стояли вершины деревьев  
Уже золотые. И точно  
Терялось в студеной траве  
Сырое дыхание ночи.  
Я вышел в редеющий сад,  
В напиток густого настоя.  
Последняя ныла оса  
И не нарушала покоя.  
Но, стоя пред хладным огнем,  
Я вдруг ощутил на мгновенье  
Всю краткую прелесть творенья  
И смерть, заключенную в нем.  
...И крыльями била душа,  
И звонкие перья летели  
Туда, где рыдали и пели  
Высокой любви голоса!..

1968

## В ДЕРЕВНЕ

Осеннее поле воды,  
Холстина промозглого ветра.  
Подмерзшие к ночи следы  
Куда-нибудь выведут, верно.  
Иду, подминая жнивье,  
Налипшая грязь тяжелеет,  
Колотится сердце мое...

А небо с закатом нежнее.  
И звездная россыпь блестит,  
Как тающий лед на ладони.  
И мир утомившийся спит,  
Как ты, глубоко и спокойно.

1968

\* \* \*

Дожди идут не день  
С глухого небосвода,  
И от такой погоды  
Вставать с постели лень.

Но все-таки встаешь  
И открываешь окна.  
Крыжовник, словно еж,  
Нахмурился и мокнет.

И яблоня, устав,  
В своей печали дремлет,  
И, прошумев в листьях,  
Плоды стучат о землю.

И только этот шум  
Да гул воды на крыше.  
И жизнь почти не дышит,  
И засыпает ум...

1969

## В ОСЕННЕМ ЛЕСУ

И деревья, что были людьми,  
Как деревья роняют листву,  
И качаются ветви одни,  
И сороку видать за версту.

Я пройду по морозной тропе,  
По седой от мороза траве.  
Как живет в холодном огне?  
Как задумчива осень во мне...

На задумчивый стук топора,  
На прощальное хлопанье крыл...  
За пожар золотого пера,  
За любовный безудержный пыл!

За шальную удачу – любить!  
За рябину в овраге сыром! –  
И не помнить, не знать, позабыть,  
Что случится со мною потом...

1969



\* \* \*

Наше веселье и наша печаль  
В мире разумных растений.  
Ты выходи меня завтра встречать  
В светлом наряде осеннем.

Ты улыбнись мне, как солнечный луч,  
Осени поздней подарок,  
Что, пробиваясь, летит из-за туч,  
Ласков и тих и неярок.

Эти последние стройные дни –  
Скорых ненастий примета.  
Видишь, как листья скользят впереди  
Маревом желтого света.

Видишь, как тонкие ветви голы,  
Как подмерзает аллея,  
Видишь, как смотрят печально стволы,  
Яркие платья жалея.

Будь же под стать им строга и светла  
В светлом осеннем уборе,  
Леса подруга и листьев сестра,  
Дочь ожидания и воли.

*1969*

\* \* \*

С ветвей осыпается иней,  
Печальны просторы полей,  
И елка, как девочка в синем,  
Стоит у дороги моей.

И долго, покуда не скроюсь,  
Все смотрит внимательно вслед...  
Как будто читаю я повесть,  
Которой названия нет!..

*14 октября 1969*

## НАД КНИГОЙ

Сверкает сад туманною  
Студеною росой,  
И облака прозрачные  
Плывут над головой.

Листва берез подернулась  
Какой-то восковой,  
Необычайно тонкою  
И нежной желтизной.

Такие дни случаются  
Порою в октябре.  
И ты сидишь над книгою  
На лавке во дворе.

В закрытом темном платице,  
С печальным детским ртом, –  
Жалеешь дни ушедшие  
Или грустишь о ком?

А сад от ветра легкого  
Редает и шумит...  
И на забытой книге  
Сквозная тень дрожит.

*22 октября 1969*

## АВГУСТ

Вьется старая дорога,  
По кюветам бахрома  
Светлой пыли. Солнца много.  
Вдалеке видны дома.

Их соломенные крыши  
Укрывают тополя.  
И полдненным жаром дышат  
Раскаленные поля.

Жаркий август! Воздух горький.  
Ослепительная синь.  
Словно дым, по низкой горке  
Серо-белая полынь.

И такая тишь... От зноя  
Всё попряталось и спит.  
Только ястреб надо мною  
В зыбком мареве висит.

Только он, как демон жажды,  
Крылья выпрямив свои,  
Трется с шелестом бумажным  
О воздушные слои.

*25 октября 1969*

## ВОЗДУШНЫЕ ШАРЫ

Стекло в окне дрожало,  
И поздней весной  
Телега дребезжала  
Разбитой мостовой.

И возчик в телогрейке  
Вываливал дары:  
За кости и копейки –  
Воздушные шары.

Воздушные, тугие,  
Как небо голубые,  
Зеленые, и красные,  
И желтые – любые!

Они из рук взлетали  
В распахнутый простор.  
Они преображали  
Весенний грязный двор...

И, тая в небе синем,  
С собою уносили  
В темнеющую даль  
Мелькнувшую печаль.

1969

\* \* \*

У домов и у оград  
Прячется сирень в тень.  
В сумерки плывет сад,  
Ночь идет сменить день.

Переулок мой пуст.  
Тополь синеву пьет.  
Как стеклянных роз куст,  
Засверкал небес свод.

Вот уже земли сон  
В блеске их уснул сам.  
И со всех сторон звон  
Нежный их летит к нам.

1969

## ЧИТАЯ СТАРУЮ КНИГУ...

Ты живешь здесь одна. Ты читаешь романы  
У огня. Ты грустишь о любви.  
В полумраке свечи на стене задремали  
Непутевые предки твои.

Их никто не тревожит. В закрытые ставни  
Третий месяц зима да метель.  
Нынче к вечеру тени холодные стали  
На дворе заводить карусель.

Нынче к вечеру в поле слепая поземка  
Не оставила конских следов...  
Ну, так что же, давай поскучаем в потемках,  
Коли нас ненароком свело.

Деревенская барышня, дочь отставного  
Бригадира – ну, что ты ждала  
В одинокой усадьбе средь парка глухого,  
На краю небольшого села?

И о чем ты мечтала, проснувшись до света,  
Когда лень вылезать из-под теплых перин, –  
Об усатом гусаре в густых эполетах,  
Что, заехав, уедет уже не один?

Или, может быть, грезился тонкий и томный,  
В черном фраке столичный лихой кавалер?  
Ну, да что там! Лишь ветер за окнами дома  
И в деревьях шумел, и по трубам гудел.

Так промчалася жизнь. словно миг, промелькнула.  
Отшумела с метелью, отзвенела с весной!  
Отчего же, скрипя надоедливый стулом,  
Я полночи грущу над тобой?

Отчего же дыхание жизни далекой,  
Незначительной, странной, пустой,  
Вдруг пронзает какой-то щемящей, высокой,  
Обжигающей душу тоской?..

1969

## ПОСЛЕ СОРОКОВИН

Где недавно художники пылко  
Говорили, метались, шумели,  
Этой ночью пустые бутылки  
Одиноко в буфете гремели.

И обои – заляпаны краской  
Золотою, зеленой и синей –  
Бормотали: искусство напрасно!  
Убеждали: искусство бессильно!

А когда я проснулся – рассвета  
Мне смеялись веселые пятна,  
И приятна была сигарета,  
И проснуться мне было приятно!

*18 декабря 1969*

## НА РАСПУТЬЕ

У дороги истертый сапог из сафьяна,  
Истлевающий череп коня.  
И угрюмо торчит из седого бурьяна  
Белый камень – на камне змея.

Но лишь стоит проезжему здесь появиться,  
Торопливой угрозы полна,  
Исчезает с шипеньем она,  
И дрожащее жало двоится.

И читают, читают в раздумии люди:  
Коль направо – коня потерять,  
Коль налево – костей не собрать,  
Ну, а прямо – неясно, что будет!

И подолгу стоят, опустивши главу.  
И молчат, и не видят, не слышат,  
Как змея, подползая, все ближе колышет  
Опаленную зноем траву...

*25 марта 1970*

## В РОЩЕ

Спокойней и проще  
Давай подойдем ко всему  
В березовой роще,  
В осеннем ее терему,

Где наших свиданий  
Таится прозрачная тень,  
Где нету страданий  
И долог томительный день.

Забудем о горе,  
Обиды друг другу простим,  
Не плача, не споря,  
Меж белых стволов постоим,

Где, кажется, дремлет  
Вся жизнь, как в стакане воды,  
И легкое время  
Листвою заносит следы.

*1970*

## НА БЕРЕГУ

С тобой ли говорить о том, что не вернется?  
И мне ли горевать, что на сердце легко?  
У самых ног твоих прибой тяжелый бьется,  
А берег пуст морской, и видно далеко.

Так видно далеко, что, кажется, до края  
Вся жизнь видна моя, вся жизнь твоя видна,  
Где чайки узкий серп проносится, срезая  
Лохмотья пены с волн, и тает без следа.

*25 марта 1970*

## НАД РЕКОЙ

Где ветер осоку колышет,  
Спокойно гляжу на закат.  
И, кажется, явственно слышу,  
Как листья с водой говорят.

И, кажется, явственно чую,  
Но только понять не могу,  
Что шепчет в прохладе речную  
Трава на речном берегу.

И верится: через мгновенье,  
Лишь стоит склониться, прилечь,  
И снова поймешь в озаренье  
Родную забытую речь!

*25 марта 1970*

## СТИХИ О ЛУННОМ ВЕЧЕРЕ

Часов в одиннадцать хандра меня заела;  
Был душный вечер; горстка мотыльков  
У лампочки кружилась очумело;  
В окне луна виднелась далеко.

Она плыла, огромная, чужая,  
И были странны в розовом дыму  
Полтополя у низкого сарая  
И женщина, пришедшая к нему.

В своей цветной белеющей одежде  
Она казалась бабочкой ночной,  
В немой тоске, в томительной надежде,  
Как лампой, привлеченная луной.

Я знал ее дневную оболочку,  
Но не ее. И, может, потому –  
Она сейчас казалась мне непрочной  
И неподвластной трезвому уму.

Потом ее окликнули из дома.  
Уже не помня и уже смеясь,  
Она скользнула в сумрак невесомый –  
Еще в последних отблесках светясь.

А лунный свет, густея постепенно,  
Менял весь мир. Куда ни кинешь взгляд –  
Везде происходили перемены.  
Вся ночь шумела, как огромный сад!

*Сентябрь 1970*

## ДОМ

Опять мне снится по ночам  
Дорога через сад.  
Деревья старые скрипят  
И сучьями стучат.

Опять я вижу по ночам  
Пустой угрюмый дом.  
Вороны грузные кричат,  
Сбивая снег крылом.

Над крытым входом петухи,  
На крыше флюгера,  
А из сугробов лопухи  
Подняли веера.

На заметенное крыльцо  
Я подымусь теперь.  
Берусь за ржавое кольцо  
И открываю дверь.

Давно здесь, видно, не живут,  
Повсюду сор и гниль.  
В слепые окна ветви бьют,  
И оседает пыль.

Везде обрывки от бумаг  
И битое стекло,  
Как будто все разрушил враг, –  
Но в зал войду – светло!

И елка – снежная еще! –  
В гирляндах и звездах,  
И пол прозрачный навощен,  
И длинный стол в свечах,

И тихо музыка поет,  
И стулья вокруг, и свет,  
Как бы справляют Новый год,  
А приглашенных нет.

И в забытии я подхожу –  
И пью стакан вина.  
И вдруг бледнею и дрожу –  
Колелется стена.

И со стены из янтаря,  
И муча, и маня,  
Глаза огромные, горя,  
Вперяются в меня.

В венце терновом и цветах  
Цветет одно лицо!  
И не стакан в моих руках,  
А тонкое кольцо.

И понимаю в страхе я  
Больною головой,  
Что этот дом – душа твоя,  
Измученная мной.

И просыпаюсь, и молюсь  
Неведомо о чем.  
И плеч белеющих боюсь  
Дотронуться плечом.

*24 октября 1970*



\* \* \*

Миг между тьмою и светом,  
Чистый предутренний час.  
Тихим дыханьем согрета,  
Ты не проснешься сейчас.

Что тебе снится, не знаю.  
В этот предутренний час  
Бережно запоминаю  
Чистые тени у глаз.

Бережно запоминаю  
Детский измученный лик,  
Словно на память читаю  
Неповторимый дневник.

Милая, где мы и что мы?  
Души прозрачно, как дым  
От золотистой соломы,  
Ветер уносит в сады.

Прошлое непостоянно,  
Мы изменяем его.  
Вот и растаяла тайна,  
Вот уже нет ничего.

Милые воспоминанья,  
Соединявшие нас.  
Наше ль, иное дыханье?  
Не догадаться сейчас.

Что же осталось? Остались  
Долгие ночи вдвоем,  
В чувствах и мыслях усталость,  
Тени на лице твоём.

И ощущение такое,  
Словно бы оборвалась  
С временем, жизнью, тобою  
Невозвратимая связь.

*31 октября 1970*

Я боюсь – в одной из тихих комнат,  
 В ровном свете матовых огней,  
 Соберутся все, кого я помню,  
 От чужих – до близких и друзей.

И никто не вымолвит ни слова,  
 Но пойму я, что любой из них  
 Знает подоплеку и основу  
 Самых лучших помыслов моих.

Знает все мгновенные желанья,  
 Все мечты, что мучили меня,  
 Все – о чем не вырвали б признанья  
 И угрозой вечного огня.

...Но еще ужаснее подумать,  
 Что когда-нибудь наступит миг:  
 Я узнаю помыслы других  
 И войду – и близких мне не будет.

*1965; 1970*

Это только весенняя слякоть,  
 Это только туман за окном.  
 Оттого-то и хочется плакать  
 Просто так, ни о чем, ни о ком.

Плакать так, как кулик на болоте.  
 Плакать так, как под снегом ручей.  
 Оттого, что блестят в позолоте  
 Облака от последних лучей.

Оттого, что на сердце свобода,  
 Оттого, что не жаль никого,  
 И пылает закат с небосвода,  
 Как последняя ласка его...

*1971*

\* \* \*

Кто там? Кому ответил  
Голос издалека?..  
Вечер сентябрьский светел,  
Тихо шумит река.

Вечер сентябрьский светел,  
Тихо река шумит.  
Еле качает ветер  
Ветви густых ракии.

Видно, как за рекою  
Под гору, вдалеке,  
Вытянувшись тропою,  
Люди идут к реке.

Видно: вдали над лугом  
Маленький самолет  
Медленно, круг за кругом,  
Белую нить прядет.

Я посижу на камне,  
Я погляжу вокруг,  
Чтобы впитала память  
Этот вечерний луг,

Эту причастность тайне,  
Тихий напев воды,  
Светлого увяданья  
Призрачные следы.

Медленный ход природы,  
Холод сырых ветвей...  
Эту печаль свободы  
Первых осенних дней.

*8 марта 1971*

## ЖГУТ ЛИСТВУ

Жгут листву – и дым клубами;  
Словно пух, садится пепел –  
Стаю птиц вздымает ветер  
Над домами, над садами.

На зеленом небосклоне  
Стая мечется кругами  
И проносится наклонно  
Над садами, над домами.

Все следишь за ней часами,  
Забываешь, вспоминаешь...  
Все кружишь – не улетаешь –  
Над домами, над садами.

*1971*

\* \* \*

Черна ограда, а за нею,  
Блестя убором ледяным,  
Высокий сад в ночи синееет,  
И пахнет снегом молодым.

И выступают из тумана,  
И приближаются ко мне  
Деревья, словно великаны  
В как бы светящейся броне.

Их неумолчное движенье,  
Ночной волнующийся сад –  
Какие в нем идут сраженья,  
Какие силы в нем кипят?

Какая в нем хранится тайна  
И что она преобразит?  
О чем шумит он неустанно,  
О чем со мною говорит?..

*27 апреля 1971*

\* \* \*

Июль окислялся, как медный кувшин,  
Вкус меди держался во рту.  
От хриплого рева идущих машин  
Я не высыпался к утру.

И долгой бессонницы тягостный дым  
Кружил, застилая глаза.  
И только урывками снились сады,  
В которых кипела гроза.

Тогда подымался и шел в палисад,  
Где мокрые ветви кустов  
Клонились от ветра вперед и назад,  
Светлея изнанкой листов.

И там, в шелестящей высокой траве,  
Средь плеска тяжелой воды,  
Казалось мне, будто в моей голове  
Бескрайние плещут сады.

И маленький домик – петух на дворе,  
И тихая льется река,  
И ползает жук по горячей коре,  
Не зная, что это рука.

*1971*

## НОЧЬ

Ночь опускалась угрюмою птицей  
С грудью широкой и сизым пером.  
Я говорил: посмотри, как дымится  
Туча над лесом и над горой.

Словно собрались там великаны,  
Скоро ударят в литые щиты,  
Высекут звезды над темной поляной, –  
Что же задумалась ты?

Выйдет луна, как слепая царевна,  
Призрачно станет кругом.  
В полночь проснется русалка, наверно,  
Омут взволнует хвостом.

И за клубится туман по низинам,  
Леший задует в рожок.  
Тонкие руки вздымая, осины  
Выйдут плясать на лужок.

В это мгновенье войди неприметно  
В медленный их хоровод.  
Тающей тенью прозрачнее света  
Танец тебя унесет.

Так отчего же ты смотришь печально,  
Что ж ты томишься душой,  
Светлая птица в уборе венчальном,  
Иволга в чаще лесной?..

*8 июля 1971*

## СНЕГ

Ну что ж, давай напишем  
В который раз про снег:  
Как он летит – неслышен –  
В садах любимых, тех,  
Где сквозь туман, рисуясь,  
Восторженная юность,  
Беспечна и легка,  
Манит издалека.  
Ну что ж, давай припомним:

Снежинки на ладони  
Садятся, щекоча,  
Белеют на плечах.  
Деревья по колени  
В тумане и снегу.  
И сумерки синели  
На близком берегу.  
И мы с тобой бежали,  
Веселые, одни,  
На этот близкий берег  
И дальние огни.

Как все идет на убыль,  
Уходит навсегда!  
Трубят в литые трубы  
Минувшие года –  
И только снег – неслышен –  
Над нами, над тобой,  
Над садом –

тише, тише –  
Кружится молодой!

*9 июля 1971*

## Г А Д А Н И Е

Смерть и вечность... Жизнь и доблесть!  
Поле. Санний след.  
Что манило? – Только отблеск,  
Только легкий свет.  
Что томило? – Только чувство!  
Как его назвать?  
Юность? Родина? Искусство?  
Птица? Ветер? Мать?  
Ты? Любовь? – Тасуй колоду:  
Расставание. Свободу.  
Вечер. Галок на снегу.  
Одиночество. Пургу.

*4 сентября 1971*

\* \* \*

Еще не чувствуя беду,  
Всю ночь о юности и мае  
Листва шептала, облетая,  
В тобой покинутом саду.

Но снова утро. Я иду,  
Росу студеную сбивая,  
Где тень аллеи вырезная  
Дрожит в желтеющем пруду.

Где сквозь редяющие своды  
Высоких лип – пронзает воду  
Лучами солнечными день.

Где все: любовь, тоска, свобода,  
Как эта тающая тень,  
Вытягивающаяся на годы.

*19 сентября 1971*

## СОЛОВЕЙ

Певца любви...  
А. С. Пушкин

Когда зальется соловей  
Среди темнеющих ветвей  
Томительно и страстно  
И в роще сонной над рекой  
Пахнет разлукой и тоской, –  
На свете жить прекрасно!

И что любовь, которой нет,  
И что судьба, которой след  
В тумане исчезает,  
Что все ненужные слова,  
Когда кружится голова  
И сердце замирает?!

О, как прекрасно в мире жить!  
К кому идти, куда спешить,  
Кто наши дни считает?  
И все, что было, все, что есть –  
Лишь эта длящаяся песнь,  
Она не умирает!

*14 октября 1971*

## ЗИМНИЙ ГОРОД

Зимний город. Дым густой мороза.  
Наледь близких крыш.  
На стекле бледнеющие розы.  
Куришь и молчишь.

Резко тянет холодом из щели,  
Заметён карниз.  
Сердце, словно детские качели,  
Вверх и вниз!

Оттого, что одинок и молод,  
И опять, опять  
Все метет декабрь, заносит город, –  
Оттого не спать!

Все ловить в кружении метели,  
Звонкий, ледяной,  
О тебе тоскующей свирели  
Голос молодой!..

*16 октября 1971*

\* \* \*

Мне воды в горсти твоей напиться,  
Губ твоих дышать морозной вьюгой,  
И кружит душа моя, как птица,  
Над своей покинутой подругой.

Вышивай мне, память ледяная,  
Золотым узором расставанья.  
Ночь стоит высокая, чужая,  
Под мохнатой шапкой мирозданья.

Но трубят метели молодые  
Не о смерти – о любви и страсти.  
И горят глаза твои слепые,  
Словно звезды в мраке и ненастье.

*1971*

\* \* \*

Неясный возглас. Шелест платья.  
Как бы двойное воспрятье:  
И сердца стук, и звук шагов!  
К окну! За ними! Никого...

Лишь ночь июльская, густая,  
В высоких звездах и цветах  
Стоит в пыли двора, босая,  
С туманным месяцем в руках.

Но сердце тянется навстречу  
Совсем иному бытию:  
Излить и музыкой, и речью  
Любовь мгновенную свою!..

*29 декабря 1971*



## УТРО

Ночи вьюжны в декабре,  
Я проснулся на заре,  
Дверь открыл – увидел солнце  
И сугробы во дворе.

Все искрилось и пылало  
В алом пламени пожара.  
Уходила в синеву  
Жизнь моя клубами пара.

А навстречу, над Москвой,  
Лучезарной, молодой,  
Утро новое вставало  
Чернобровою вдовой.

Что пред вечною природой  
Наши временные годы,  
Если льется с небосвода  
Луч пронзительной свободы,

В синеве сверкают розы,  
И горит зима над нами  
На витых столбах мороза  
Ледяными куполами.

*16 февраля 1972*

## ГРИБНИК

*Г. Иванову*

Но все, что имеет начало,  
Имеет конец. И о том  
Сегодня ему прокричала  
Кукушка скупым языком.

Он думал о смерти, что ею  
Нельзя ничего объяснить.  
Он думал о том, что стареет,  
О том, что не хочется жить.

Что прежние мысли и чувства  
Ушли навсегда от него.  
Что нету любви, а искусство  
Не значит почти ничего.

Он взвесил всю жизнь пред собою  
И честно хотел отыскать  
Хотя бы мгновенье какое,  
Которое жаль отдавать.

И, сев на траву у дороги,  
Без всякого смысла в глазах  
Смотрел отстраненно и строго  
На пыль на своих сапогах.

*3 марта 1972*

## ПЧЕЛЫ

На двери колеблется марлевый полог,  
Колышется легкая тень на полу,  
И роз на столе перепутанный ворох  
Невольню влечет за пчелою пчелу.

Девчонка приносит ведро из колодца.  
Она в босоножках, в халате цветном.  
Букет составляет – и слышно потом,  
Как струйка в графин приготовленный льется.

Выходит старушка, глядит на часы.  
– Ну что же, пора! Подождем у дороги!  
Идут. И, сырая еще от росы,  
Трава холодит обнаженные ноги.

Но нет. Не дождалась. Вернулись назад.  
Сидят на веранде. – Теперь уже к ночи.  
Старушка вздыхает и что-то бормочет.  
И слышно, как в комнате пчелы звенят.

*27 июня 1972*

## В ХОСТЕ

Холодное «Цоликаури»,  
Спускается вечер густой.  
Ряды кипарисов, ликуя,  
Уходят в безбрежный покой.

Сливаются небо и море.  
Не видно стеклянных валов.  
И странно скользят на просторе  
Огни кормовые судов.

В беседке, увитой лозою,  
Свисает со стен виноград,  
И зыбко трепещет листвою  
Во мгле исчезающий сад.

От свечки колеблются тени,  
Хозяйский шипит патефон.  
Доносится тихое пенье  
И кружок наполненных звон.

Случайная встреча, забава,  
Глаза из-под темных ресниц.  
Любовь, и разлука, и слава,  
И юность, и жизнь без границ!

...Но вечер окончен. Потушат  
Свечу, как полет мотылька.  
И ночь распускается душной,  
Белеющей чашей цветка!..

*1972*

## ГРАД

Внезапно без дождя густой ударил град.  
Поднялся ветер вдруг, и синий свет, густея,  
Прекрасно изменил в жару пылавший сад,  
И шумно ожила дремавшая аллея.

Какой-то гул возник, какой-то странный стон.  
Сжимается душа, неясным звукам внемля.  
И чудится, вокруг стоит стеклянный звон  
Горошин ледяных, дробящихся о землю.

Все стихло через миг. Опять сквозной простор  
Привычно засиял над потрясенным садом,  
И солнца луч упал на лиственный ковер,  
Расшитый серебром дымящегося града.

Зной силу набирал, и душный ветерок  
Пыль завивал жгутом на высохшей дороге.  
Но все витал вокруг неясный холодок  
Совсем иной любви, совсем иной тревоги,

Как будто жизнь одна осталась позади...  
И вот сейчас в саду, шумящем надо мною,  
Рождалось – до тоски, до ужаса в груди! –  
Стремленье – но куда? желанье – но какое?

*1–6 сентября 1972*

## СТРАСТЬ

Султаны моркови пронизаны светом,  
И лук малахитовый тускло блестит.  
Лиловой пчелою дремучее лето  
Цветы прогибает и в травах гудит.

Оно отменяет, как вздор, возраженья,  
Сгорая в тяжелом июльском бреду,  
И наши случайные прикосновенья  
Кругами расходятся в душном саду.

Колышется воздух янтарнее меда,  
И разум впустую толчется впотьмах,  
Где страсть, как хозяйка, идет с огорода  
С неясной улыбкой на влажных губах.

*6 сентября 1972*

## НИМФА

Небо белесо – и ветер незрячий  
Кровь лихорадит, листвою гремит;  
Пахнет полынью, – но так ли, иначе –  
Жизнь продолжается, сердце стучит!  
Юркие бесы мелькают в малине,  
Пчелы гудят, собирая нектар,  
Грузные яблони в блеклом сатине  
С плеч отряхают белеющий жар.  
Там, в глубине, среди сытого сада,  
Где козлоногий охотник живет,  
Пухлая нимфа в лукавой досаде  
К солнцу подьемлет свой чувственный рот.  
Машет руками, сверкает глазами,  
Силясь проникнуть в сплетенье ветвей,  
И в раздраженье топчет ногами,  
Жарче пожара и снега белей!..

*Декабрь 1972*

\* \* \*

Пронзительный холод. Осенняя мгла. Листопад.  
Шуршащие тени устало ползут за обрыв.  
Сгибаются ветви. В багровой рубахе закат  
Лениво уходит, пунцовые губы скривив.

И ночь красноглазой волчицей с луною в зубах  
Бесшумно ступает по следу морозной тропой,  
Лиловую шерсть оставляя на голых суках,  
Роняя из пасти кровавой звезду за звездой.

*1972*

\* \* \*

Медовых зрачков равнодушная ложь  
И ночи соленой тяжелые волны  
Уносят в пучину, – забудешь, уснешь –  
И снова очнешься, предчувствием полный!

Неясный испуг овладеет вконец,  
Растут, вырастают и рушатся горы,  
И пот выступает, и ты, как беглец,  
Заслышавший лай настигающей своры.

Возьми мое тело и душу возьми!  
Лиши меня зрения, слуха и знания!  
Сомни, словно ветошь в кровавой грязи,  
Под тяжким чугунным катком мирозданья!

Мне руки твои холодны, как ручьи  
В языческих травах дремучего леса,  
Мне губы твои, как огонь, горячи,  
Как порох, сухи и кислы, как железо!

Моим ли плечам удержать этот груз?  
Растет мое сердце, сливаясь с землею,  
Соленою ночью, колючей травой,  
Кровавой луною и пением Муз!

Мы все нераздельны в желанье одном!  
Зрят звезды и звери божественным зраком.  
И смерть наклоняет лицо в водоем,  
Где страсть отраженьем всплывает из мрака!..

*10 июля 1973*

\* \* \*

Дни проходили, шаг чеканя,  
И поступь кованых сапог,  
Их скрежетание о камень  
Уже не слышать я не мог.

В каком-то тягостном кошмаре  
Мне все мерещилось одно:  
Сухой колючий запах гари  
И дыма кислое вино.

Угар побед и поражений  
Был одинаково тяжел,  
И не являлся чистый гений,  
Чтоб осенить рабочий стол.

Я звал его, но чуткий шепот  
Терялся в возгласах команд,  
И доносился только топот  
– Куда? – шагающих солдат.

Иные тени прилетали,  
Дыша чумою и огнем.  
Их крылья глухо скрежетали  
В мозгу измученном моем.

Они нашептывали нежно,  
Очами сытыми дразня,  
О власти слова и железа,  
О вкусе крови и огня;

О том, как радостно слиянье  
С ревущей дикою толпой,  
О том, как сладко обладанье  
Своей поруганной душой!..

*10 июля 1973*

## ДЫШИТ ПОЛЕ ПОКОЕМ...

Дышит поле покоем,  
Легким ветром небес.  
За холмом, за рекою  
Рыжим облаком лес.

Осень, взяв на колени  
Сон вечерних равнин,  
Ткет прозрачные тени  
Серебром паутин.

Что же сердце томится,  
Что же дым над костром,  
Словно белая птица  
С перебитым крылом?

Здравствуй, холод осенний!  
Здравствуй, горечь полей!  
Никаких потрясений  
Нету в жизни моей.

И легко, как природа  
Облетает листвой,  
В новом времени года  
Я утихну душой.

Мокрым снегом укроет  
Край пронзительный мой,  
И ресницы прикроет  
Голос тающий твой.

Над лесами, лугами,  
Над полями тоски и любви,  
Просвистав облаками,  
Ледяные споют соловьи.

И над жизнью холодной,  
Словно жизни неведомой тень,  
Молодой и свободный  
Встанет новый сияющий день!..

*20 августа 1973*

\* \* \*

Тик-да-так, да-так, да-тик –  
Ходит-бродит маятник!

За секундами секунды,  
За минутами – часы.  
Вот уже скопились груды –  
Перевесили весы.

Вот уже весь пол завален –  
Шагу некуда шагнуть...  
Дом души моей печален,  
Заметен из дому путь.

Край далекий, снег глубокий,  
Две синицы на кусту.  
Над трубой дымок высокий  
Замерзает на лету.

Дай мне воли в чистом поле  
На последние деньки,  
Звонкий бор на косогоре,  
Ласку дружеской руки.

И еще мне дай надежду,  
Что, когда пора придет,  
Предо мною сад забрезжит,  
Среди сада – водомет.

Я увижу: между кленов  
Ручеек в траве бежит,  
На траве темно-зеленой  
Стол из мрамора стоит.

И сидят в любезном круге  
Все, ушедшие давно,

И лукавые подруги  
Подливают им вино.

Здесь отец певцов российских;  
С ним беседует другой –  
С первым ветром мусикийским  
Над безумной головой.

Здесь в распахнутых мундирах  
Двое с сумрачной судьбой  
Говорят о вьюге мира,  
Глядя в вечер голубой.

Там найду я жадным взором  
Среди братьев одного –  
И вздохну его простором,  
Ветром вольности его!..

*7 сентября 1973*

\* \* \*

Так, наверно, лучше.  
Так, наверно, легче.  
Сыплет снег колючий,  
Засыпает плечи.  
Мечется поземка  
Средь домов угрюмых.  
Хорошо в потемках  
Ни о чем не думать,  
В подворотне стоя,  
Как огонь от ветра,  
Замирать душою  
На границе света,  
Где в воронках вьюги  
Тьма, как ворон, кружит.  
Где лицо подруги  
Заметает ужас.

1973

## БЛУДНЫЙ СЫН

### 1. Птица странствий

Птица странствий поет в груди,  
Пыль босые щекочет ноги.  
Догорает закат впереди,  
Как забытый костер у дороги.  
Спят поля в голубой тишине,  
Дышит сыростью ночи долина.  
Кто здесь нынче скакал на коне,  
Чьи копыта впечатались в глину?  
Торопился ли царский гонец,  
Мчался воин на битву с драконом?  
Спит твой брат. Чуть забылся отец.  
Светят звезды над брошенным домом.  
Путь уводит – неведом и нов, –  
Развиваясь, как свиток Гомера.  
Дремлют тайны во мраке лесов,  
И несчастий неведома мера.  
Не страшны ни погибель, ни плен,  
Крепки мускулы юного тела,  
Блещет Троя, цветет Карфаген,  
И судьба улыбается смелым!..

### 2. Звезда любви

В чем смысл пути? В неведомом, неясном  
Желании не дать судьбе своей предел.  
Лежит земля – богата и прекрасна! –  
Но все вперед, иных не зная дел,



Идти, идти лесами и полями,  
Встречать рассвет и провожать закат,  
Лечить тоску – волшебными краями  
Занять свой ум, насытить жадный взгляд.

Порой увидишь: луг темно-зеленый –  
На нем стада. В траве бежит ручей.  
Остаться? Нет! И, солнцем опаленный,  
Уходишь ты – свободный и ничей.

В каком краю окончится дорога?  
И чья рука уронит горсть земли?  
Твои пути вели тебя от Бога.  
И к Богу все пути тебя вели.

Но есть другие, те, кто знает цену  
Краюхе хлеба, знает горький пот,  
Кто пашет землю, воздвигает стены,  
Растит детей и нищим подает!

Стоят дубы, как рыцари в убранстве,  
Тяжелый бор, как воинство, шумит.  
Горит, как мысль, звезда тоски и странствий!  
И, как душа, звезда любви горит!

### 3. Возвращение

Дом далек. Отдохни у дороги.  
У глубокой присядь колеи,  
Как когда-то на отчем пороге  
Ты сидел в незабвенные дни.

Скрылся город во мраке долины,  
За спиной горизонт без огней.  
Знал ты яства земные и вина,  
Знал ты голод и вкус отрубей.

Знал ты дружбу солдат и поэтов,  
Ласку женщин – на что же пенять!

Только было ли, было ли это?  
И с тобой ли? – Уже не понять.

Жизнь прошла, как июньские грозы,  
Словно глина, иссохло лицо.  
И все явственней видятся розы,  
Что склонялись тогда на крыльцо.

Но мертва возвращений дорога.  
Брат забыл. Не увидит отца.  
И погонят тебя от порога  
Псы отчизны, узнав беглеца.

Ты омоешь последние раны  
На измученном теле своем  
И пойдешь за белесым туманом  
Одиноким коротким путем.

К ночи сядешь, достанешь припасы:  
Соль в тряпице да хлеба ломоть, –  
И увидишь, взирает – прекрасен! –  
На заблудшего сына Господь.

Здесь средь поля, под старой ветлою,  
Где, как ризы, горят облака,  
Жизнь заблещет прощальной слезою,  
Но слеза эта будет легка!..

*8 сентября 1973*

\* \* \*

Порой забудется,  
Опять припомнится  
В пролете улицы,  
В уюте горницы,

В полете ветреном  
Листа случайного,  
Осенним вечером  
Совсем нечаянно, –

Одно мгновение  
В одно дыхание –  
Одежд скольжение  
И колыхание,

Слова туманные,  
Ресницы скорые,  
Глаза обманные,  
Но невеселые,

Белее инея  
Лицо усталое, –  
Все то, что жизнь моя,  
Надежда слабая!..

*7 сентября 1973*

\* \* \*

Трав искристое сукно,  
На ветвях густая завязь.  
Словно легкое вино,  
Закипает в сердце зависть

К белоснежным облакам  
Над моею головою,  
К зеленеющим холмам,  
Уходящим чередою,

Где, от вечности храним,  
Дышит сон младенца-мира  
Беспечальным, молодым  
Дуновением эфира.

*1973*

## ОСЕННИЕ КОСТРЫ

Ты прости меня за все,  
В чем я виноват!..  
В тишине листвой шумит,  
Облетает сад.

Капли падают с ольхи,  
Клен горит огнем.  
Что придется испытать  
На веку своем?

Что придется перенести  
Нам еще с тобой?  
Сыплет ветер листьев медь  
В голубой покой.

Улетим ли мы вослед,  
Поживем еще?  
Улыбнись, как в первый раз,  
Прикоснись плечом.

Жгут костры в сырых садах,  
В рыжих бликах день.  
Под ногами у тебя  
Все прозрачней тень.

Жизнь пьянит, как сладкий дым,  
Таит в белый свет –  
Никакой иной беды  
Не было и нет!..

Ветер носит звон осин,  
Шелест тополей,  
Отсвет пламени дрожит  
На щеке твоей.

Мы приходим из огня  
И уйдем в огонь.  
Пляшет в мокрой синеве  
Дыма легкий конь.

И стеклянный звон подков  
Над землей стоит,  
Где душа моя тобой,  
Как листва, горит.

*1–9, 10 сентября 1973*

\* \* \*

Когда порой осеннею  
Куда-нибудь спешишь,  
По сторонам рассеянно,  
Невидяще глядишь, –  
Но мысль с неясным умыслом  
Течет своим путем –  
И вдруг: – О чем задумался? –  
И впрямь: о чем? о чем?  
Стоишь, молчишь растерянно,  
Не зная, что сказать.  
Потеряно! потеряно!..  
Но что же? – не понять...  
И подымается испуг:  
Забыл! Забыл! Забыл!  
В каких мирах блуждал твой дух,  
Какой ты жизнью жил!  
Куда тебя твой разум вел  
Без факела в руках,  
Какою бездной ты прошел,  
Не замедляя шаг!..

*4 июня 1974*

\* \* \*

Из праха вышли и были прах!  
Сентябрь – щеголь и вертопрах –  
Сорит деньгами, понять не хочет,  
Что страстной жизни измерен срок! –  
Летите, дни мои. Тянитесь, ночи! –  
Я тоже весел и одинок!

Я тоже щедрой плачу рукой  
За то, что будет, да не со мной!  
С твоей ладони глотаю ветер,  
Ловлю движенья души, лица,  
Кусаю в губы! – А путь мой светел:  
Он ясно виден мне до конца!

*1974*

\* \* \*

Мы исчезнем со временем оба  
За чредою мелькающих дней.  
Так весной исчезают сугробы,  
Растворяясь в печали своей.

Так вдали исчезают устало  
Птичьи стаи в предчувствии вьюг.  
Разве раньше ты это не знала,  
Что сейчас опечалилась вдруг?

Не грусти! Не тверди про усталость!  
Все сомненья оставь за плечом.  
То не сбылось, о чем нам мечталось, —  
Сбылось то, не мечталось о чем!

Не исполнились все ожидания:  
Но ведь все-таки было дано —  
Пусть не мудрости, но пониманья,  
Пусть не сада, но взгляда в окно.

Что ж теперь ты считаешь потери,  
Жизнь к чужой примеряя судьбе?  
И того уже много, поверь мне,  
Что отпущено было тебе!..

1974

\* \* \*

Из долгих странствий возвратясь,  
Припав к земле своей родной,  
Ты можешь, плача и смеясь,  
Пить воздух горький и хмельной.

Но что узнаешь ты, скажи,  
Что сыщешь в пепле и золе?  
И что поймешь о тех, кто жил  
На этой горестной земле?

О тех, кто в сумерках дрожал,  
Кто в страхе пробовал засов,  
Но никуда не уезжал  
От этих пашен и лесов.

Кто предан был и предавал  
Себя, любимых и друзей  
И, умирая, выживал  
На ржавых плацах лагерей.

Чья кровь гудит в моей крови,  
Чьи кости стали костяком  
Моей страны, моей любви!  
— Куда? — летящей напролом.

И, словно люди разных рас,  
Вы разойдетесь стороной,  
Не поднимая жестких глаз,  
Пугаясь истины чужой.

Поскольку есть одна судьба  
И жизни нашей краток срок,  
И глушит времени труба  
Души неслышный голосок!..

23 сентября 1974

\* \* \*

На душе темно и тихо,  
А закат – пунцов.  
Дым мороза на Плющихе  
Опалит лицо.

Я пройду, как тень косая,  
Сквозь арбатский шум,  
Ни к кому не прикасаясь,  
Молод и угрюм.

Я пройду, упорным шагом  
Об асфальт гремя,  
За колючим белым прахом  
Снежного огня.

За поземкой синеокой,  
За ее живой,  
Пробегающей вдоль окон  
Ледяной струей.

Ночь надвинется с востока,  
Заклубится тьма.  
В снег желтеющий глубоко  
Спрячутся дома.

И промерзшие деревья,  
Обретая цель,  
Растопырив веток перья,  
Полетят в метель,

Где за тучей – небо сине  
И – высок как дым –  
Над покинутой Россией  
Плачет Серафим.

И любя, и ненавидя,  
Он скорбит, суров,  
Пред собой круженье видя  
Ледяных ветров.

Но, покуда сердце живо  
И стучится в грудь,  
Путь над бездною обрыва,  
Путь во мраке,  
Путь во страхе, –  
Это тоже путь!

И уже не детство мира,  
А его судьба,  
Ты опять проходишь мимо  
Самого себя...

*1969; 1975*

\* \* \*

Птица дневная услышит ночную  
Птицу, но слов не поймет.  
Ветер, деревья нащупав вслепую,  
В мокрые дебри уйдет.

Мальчик проснется, потянется к окнам.  
В свете возникнет рука,  
Матери сонной развившийся локон.  
Так начиналась тоска.

Время стоит, как вода у плотины,  
Льется за низкий затвор.  
Лунного света зеленою тиной  
Старый подернуло двор.

В доме вздыхающем душно и сыро,  
Сумрак сгущается вновь.  
Сердце одно в одиночестве мира.  
Так начиналась любовь.

Жизнь беспредельна, как поле ночное.  
Дышит отец тяжело,  
Словно плывет сквозь течение шальное,  
В дно упирая весло.

Душу мою разрывала на части  
Несовместимость стихий.  
Счастье и горе. Горе и счастье.  
Так начинались стихи.

1975

\* \* \*

Жизнь сурова, но о том не плачу.  
С противоречивостью людской  
Плачу лишь о том, что быстро трачу  
Эти дни с холодной синевой.

Плачу, что тяжелые мгновенья,  
Как в песок студеная вода,  
Не замедлив мерного движенья,  
Сквозь меня уходят навсегда,

Что одна мучительная милость  
Сердцу, одинокому везде, –  
Гул ветвей и ледяная сырость  
Кипарисов, вымокших в дожде.

7 февраля 1975

## МИНДАЛЬ

В феврале зацветает миндаль, –  
Словно облако легкого дыма  
Уплывает в промытую даль  
По отрогам зеленого Крыма.

И, рождая томленье в крови,  
Отражается в зыби зеркальной  
Ослепительно-горькой, случайной,  
Торопливой улыбкой любви.

*12 февраля 1975*

\* \* \*

Черный дрозд пробегает в траве.  
Дождь прошел – и опять посветлело.  
И в усталой моей голове  
Одинокая птица запела.

И свистит, и клекочет она,  
И рассказ ее нежный несвязан,  
Словно, бедная, снова пьяна  
Ослепительным холодом вязов.

Словно всё, научилась чему,  
Позабыла – и вспомнить не хочет!  
И о счастье птенцу своему  
Торопливо и страстно бормочет!

*13 февраля 1975*



\* \* \*

*Моей бабушке Марии Григорьевне Усиной  
и, приютившей ее с моей маленькой матерью,  
Марии Евграфовне Ермаковой, которая со дня моего  
рождения была мне такой же родной и близкой*

Проезд в снегу глубоком,  
Невзрачный дом, и дым  
Одной струей высокой  
Колеблется над ним.

Закат на небе розов,  
Декабрьский воздух густ.  
И весь покрыт морозной,  
Искристой пылью куст.

Мне все давно знакомо,  
Мне все известно тут.  
Я знаю: в этом доме  
Меня все время ждут.

Я знаю, что ночами,  
Когда ветра гудят,  
Две женщины печальных,  
Два ангела не спят.

Они лежат устало,  
Измотаны за день.  
Скользит по одеялу  
Ветвей густая тень.

Стучат часы, старея,  
Белеет циферблат.  
Опережая время,  
Мгновения летят.

И вечности дыханье  
Поет в гортанях труб,  
Что наша жизнь – страданье,  
Терпение и труд,

Где войны, смерть и голод  
Выходят из углов –  
И льется в окна холод  
Нетающих снегов.

И разум не умеет  
Забиться, не дыша, –  
Но есть любовь – и ею  
Еще жива душа.

Пусть не горит лампада,  
Но в комнате светло –  
И смотрит кротким взглядом  
Мария сквозь стекло,

Прижав к себе Иисуса,  
Она глядит во тьму,  
Не ведая искуса  
Блаженству своему...

1975

\* \* \*

Подкрашен небосклон,  
Приклеен дым к трубе.  
Как в легкий детский сон  
Легко войти тебе!

Спят яблони в снегу,  
В сугробах огород.  
Как бы на берегу  
Густых летейских вод

Ни горя, ни беды,  
Все дремлет в тишине.  
Уводят в дом следы  
По снежной целине.

А в доме – печки жар,  
И треск смолистых дров,  
И елочный пожар,  
И запах пирогов.

И вся семья вокруг,  
И бьют часы, звеня...  
О, радостный испуг  
Бенгальского огня!

О, торопливый смех  
Над времени рекой  
Твоих любимых – всех,  
Которых нет с тобой,

Где молодость твоя,  
Встречая Новый год,  
Из чаши бытия  
Морозный воздух пьет!..

1975

\* \* \*

*А. Лесных*

Высокий дом самоубийц  
Ворота мне открыл.  
Как много здесь знакомых лиц,  
Как многих я любил!  
Как часто думал я порой  
Над той минутой роковой,  
Когда тщета земная  
Является нагая;  
Когда приходит, наконец,  
Пора отбросить бремя  
И обессилевший пловец  
Переплывает время. –  
Но, поднимаясь на крутой  
Откос,

скользя по глине,  
Что он увидит пред собой  
В раскрывшейся пустыне?  
И, переплыв теченье лет,  
Переплывет ли мысль он,  
Что оба – тот и этот свет –  
Не более, чем листья;  
Чем листья, сорванные мной  
В саду соседнем с клена:  
Один сухой, совсем сухой –  
Другой еще зеленый?..

1975

\* \* \*

День да ночь –  
Сутки прочь!  
Снег кружит,  
Собачий брѣх.  
На столе стоит  
Покупной пирог,  
Полстакана чая,  
Рюмка коньяка.  
Над тобой качают  
Крыльями века.  
Начинаешь сразу  
На вопрос ответ,  
А кончаешь фразу  
Через тыщу лет.  
И доносит эхо  
На чужой порог  
Только шорох снега  
Да собачий брѣх.  
Что же неизменно  
Нас гнетет в тиши?  
Овекает стены  
Сквознячок души.  
И в лиловой рюмке  
Расплескав коньяк,  
Подбирая юбки,  
Мысль уходит в мрак.  
Бровь черней, чем уголь,  
Подрисован рот.  
Ледяную вьюгу  
Переходит вброд.  
И, дрожа от стужи  
Средь вершин и бездн,

Отгоняя ужас,  
Прячется в подъезд,  
Где, стуча зубами,  
Ждет шальных гостей,  
Трогая руками  
Холод батарей.

*2 ноября 1975*

\* \* \*

И летит крутая роза быстрая  
На террасу через палисадник.

*Г. Шенгели*

Заката павлинье цветет перо,  
Морозный плывет дымок.  
Как будто черненное серебро,  
На лужах лежит ледок.

И голых деревьев сырой графит  
Лиловым огнем горит.  
Но время твое летит и стоит.  
Стоит и опять летит.

И шаг, что ты сделал, – уже не твой.  
И прожитый миг – не твой.  
И – самая лучшая в мире – она –  
Твоя ли была жена?

И тот, кто любил ее, разве ты? –  
Хоть те же у вас черты.  
Ах, полно, да те ли? Да нет, не те.  
Пожалуй, совсем не те!

Пушинка, скользнувшая в холода,  
Снежинка, в огне руки  
Сверкнувшая каплею! – О, куда  
Уносит нас гладь реки?

Так, может, и радости выше нет,  
Чем радость бегущих строк,  
Где роза, летящая за парашют,  
Не падает на песок,

Где всадник в пути горячит коня,  
От пыли дорожной сер,  
Чтоб вновь услышать на закате дня  
Алкеев тугой размер!

И шлема на солнце пылает медь!  
О, эта шальная власть –  
Движеньем пера отодвинуть смерть  
И розе не дать упасть!

Но чем мы заплатим за этот дар?  
Заплатим за этот дар?  
Ведь даром ничто не дается – не даром  
Бросает нас в дрожь и в жар!

Так жизнью заплатим – а чем еще? –  
Заплатим за все про все.  
Да! жизнью своею, и только ею  
Заплатим за все про все!

Кому же заплатим – а ну, ответь! –  
За то, что верней всего?  
Конечно, не смерти, поскольку смерть  
Не требует ничего...

А той мимолетности бытия,  
Движенью от Я к Тебе  
И дальше, туда, где ни ты, ни я –  
Уже не нужны себе!

*15 ноября 1975*

## СТАРУХА

Старуха идет, спотыкаясь,  
По улице. Следом за ней,  
Крича, хохоча и толкаясь,  
С портфелями пять малышей.

Что им до поникшей фигуры?  
Они и не видят ее.  
Им весело в сумраке хмуром,  
В кругу равноправном своем.

Они говорят торопливо,  
Друг друга не слыша, не в лад.  
На гребне высоком прилива  
Их юные души парят.

В просторе бескрайнего мира  
Им радостны первые дни.  
И смотрит старуха, как мимо,  
Смеясь, пробегают они.

Шаги достаются ей трудно.  
Она отдыхает, дрожа,  
Вцепившись в афишную тумбу,  
Натужно и жадно дыша.

Над ней приглашенья на вечер,  
Портреты певиц, имена.  
На голые бальные плечи  
Невольно косится она.

И страшно от мертвого взгляда  
Бесцветных слезящихся глаз.  
Так что ж ей, зажившейся, надо  
От жизни, летящей на нас?

И надо ли что-нибудь жизни  
От нас, уходящих во тьму?  
Мы жили, мы жили, мы жили!  
Но живы ли мы? – не пойму!

Но живы ль? – не знаю, не знаю...  
Ловлю и теряю опять.  
Ну, кажется, вот! понимаю!  
Да нет, ничего не понять.

И вновь в тишине замираю  
И слышу, как вечность скрипит,  
Как будто замок запирают  
И сторож ключами гремит.

О эта тоска человечья,  
Отвага в неравном бою!  
О эта ребячья беспечность  
У бездны на самом краю!

Где все мы: старуха и дети,  
Афиши, сугробы, дома, –  
Плывем в ледяной круговерти  
Сошедшего с мысли ума!

Плывем задыхаясь, старея,  
Ловя дуновенья тепла, –  
Со свистом проносится время  
Сквозь легкие наши тела!

И в свисте теряется хохот  
Мальчишек, бегущих гурьбой,  
И плач мой, и жалобный шепот  
Старухи, идущей домой!

*25 ноября 1975*

## КОШКА

Большое солнце мутнее крови,  
В дыму морозном верхи дубов,  
И снег колючий, сползая с кровли,  
Метет поземкой среди домов.

Еще не видно огней в деревне,  
Но воздух в хате, как прорубь, синь,  
И в сон склоняет от строчек древних,  
Припорошенных песком пустынь.

Горячий ветер приходит с юга,  
Растет до неба тяжелый смерч,  
Араб срывает коня в испуге,  
За полмгновенья почуяв смерть.

Но все напрасно. Сухие горы  
Ползут безудержно, как века,  
И возникает то череп голый,  
То меч шумерский среди песка.

Я просыпаюсь. Темно в окошке.  
На подоконнике, на стекле  
Белеет иней. Хромая кошка,  
Как сфинкс недвижно, лежит в золе.

Два круглых глаза горят, как угли,  
Усы и морда в седой пыли.  
Что ловит слух ее в ровном гуле  
Деревьев, гнущихся до земли?

Какие царства исчезли в мраке,  
Вожди какие и племена!  
Столицы мира лежат во прахе,  
Твердя забытые имена.

Но разве греет вчерашний пепел?  
Да нет, не греет. Куда ему!  
Я выйду в сени, взметнется ветер,  
Зимой запахнет в пустом дому.

Поленья в брызгах смолы янтарной,  
Перебродивший хмельной настой  
Морозной ночи, лесной поляны,  
Насквозь пропитанной тишиной.

Но хватит, хватит. Достать газету,  
Забить поглубже, потом поджечь.  
Потянет дымом – и в бликах света,  
Как зверь дремучий, задышит печь.

Взметнутся искры стеклянным роем,  
В трубе протяжный возникнет гуд.  
Коробясь, вспыхнут названья строек,  
Речей отрывки – и пропадут.

И тьма приблизится к печке разом,  
Слегка колеблясь вокруг огня.  
Заблещет кошка кровавым глазом,  
Лениво скошенным на меня.

Так что же делать? Опять забыться?  
Шагнуть в ленивый текучий сон?  
Но все быстрее сквозь нас струится  
Дыханье мира, вода времен.

Что в днях идущих удержит память?  
Что я – оставшийся вдалеке? –  
На мертвом надпись надгробном камне  
На всем неведомом языке.

Дрова сгорели. Задвину вьюшку.  
Взгляну на улицу, где бледна,  
Как будто елочная игрушка,  
На темной ели горит луна.

Деревья тонут в снегу глубоком,  
Метель утихла, как началась,  
Почти внезапно, и в свете окон  
Сверкает веток густая вязь.

Весь сад серебрян и фиолетов.  
Вблизи сугробы, а там, вдали,  
В кустах сирени проходит Лето  
В цветах и травах ночной земли.

Проходит Осень в листве багряной  
Среди накрытых больших столов,  
Плодов и дичи. И воздух пьяный  
Весна вдыхает сырых снегов.

Цветут мгновенья, как сад зеленый,  
И распускаются в них века,  
Как розы – путникам утомленным,  
Сюда пришедшим издалека.

Но что я? Где я?.. Тяжелый запах,  
Угаром сладким полна изба.  
Вцепилась кошка хромою лапой  
В ладонь, оставленную у лба.

Ты рада жизни? Ты жизни рада?  
Ну, что ж, ну ладно! долой стекло!  
Угар уходит. Мороз из сада  
Течет струею, как молоко.

И оседает белесой влагой  
На пальцах стиснутых, на столе,  
На клочьях сморщившейся бумаги,  
Слегка отсвечивая во мгле...

1975

\* \* \*

В просторе голубом  
Кружится птичья стая.  
И чист, и свеж мой дом  
В сыром начале мая.

А впрочем, дом – не дом.  
Случайный угол только!  
Мы их сменили столько...  
Но стоит ли о том?

Не стоит! Так о чем  
Я говорить собрался?  
Вот видишь, растерялся...  
Да, вспомнил! За окном,

Распахнутым окном  
Проходит май холодный,  
И чист, и свеж мой дом,  
Как юноша влюбленный.

Над убраным столом  
Струится ветер зябкий.  
И пол, протертый тряпкой,  
Не помнит о былом.

Не помнит о былом?  
Да нет, не забывает!  
А если забывает,  
То как бы и с трудом.

Ему ли, день за днем  
Следившему за нами,  
Забуть о том, о чем  
Мы не забыли сами!

Мы в памяти живем,  
Как бы в кругу огромном,  
Как бы в лесу сожженном,  
И все-таки живом!

.....  
.....

1975

## ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Пароход уходит. Дым  
Лентой вьется за кормою.  
Хорошо быть молодым,  
А веселым – лучше вдвое!

Как шипит морской прибой,  
Разбивается о сваи!  
Солнце всходит надо мной,  
Ничего не узнавая!

Снова ярк мир и чист,  
Снова сердце бьется ровно.  
Но кружится желтый лист,  
Оторвавшийся от кроны.

И следят, следят за ним  
Настороженные ветви,  
Утро, море, старый Крым,  
Черный дым, соленый ветер,

Перевернутый баркас,  
Это небо голубое...  
Словно что-то вдруг иное  
Им привиделось сейчас.

11 июня 1976



## СТИРКА

Бутылка с прокушенной соской,  
Ребенок, а там, за стеной,  
Грохочут стиральные доски,  
И стиркою пахнет большой.

Там женщины рук не жалеют,  
Пар душной плывет пеленой,  
И мыльная пена белеет,  
Как гроздья сирени густой.

Им некогда остановиться,  
Вздохнуть, распрямиться на миг.  
Распарены красные лица,  
Развились локоны их.

Но вот остается немножко.  
Пылает закат вдалеке.  
Пеленки, рубашки, дорожки  
Развешаны на чердаке.

Теперь отдохнуть не мешает,  
И, сидя за узким столом,  
Три женщины тихо болтают  
Чуть слышным за шаг шепотком.

О чем? Все о том же, о том же,  
О вечных заботах своих.  
И жизнь и ясна, и несложна  
В глухом бормотании их.

И смотрит малыш изумленный  
На окна, раскрытые в сад,  
Откуда на свет воспаленный  
Летят мотыльки и летят.

1976

\* \* \*

Дай мне гнева и любви,  
Дай спокойной силы духа,  
Чтоб не жить мне меж людьми  
Ни вползренья, ни вполслуха,  
Чтоб принять мне на себя  
Все, что отдал Ты нам, Боже,  
Чтоб – ничтожного ничтожней! –  
Из грязи поднялся я.

1977

\* \* \*

Все, что так трудно исправлялось,  
То, что навеки зачеркнулось,  
Все где-то срока дожидалось  
И вот опять ко мне вернулось.

Пусть от банальностей не скрыться,  
Теперь желанья никакого  
Нет – на исписанной странице  
И одного исправить слова.

1977

\* \* \*

В колею струящийся песок –  
Радости, разлуки и печали...  
Слава Богу, путь был так далек,  
Что в конце забыли о начале.

И когда опять пришли туда,  
В те края, откуда убегали,  
Так смотрели, словно никогда  
И нигде их раньше не видали.

1977

\* \* \*

Моя любовь горька, остра, –  
Как с сердцем жить моим? –  
Ее порывами, как дым  
Несет весеннего костра,  
  
Как дым от высохшей травы,  
На бледные кусты,  
На слабый проблеск синевы  
Апрельской высоты...

1977

## В СТЕПИ

*А. Ревуцкому*

1

Проскакали кони,  
Улеглася пыль.  
И шумит спокойно  
Эх, да седой ковыль.  
  
И лежит убитый,  
Закусивши рот.  
То ли был бандитом он,  
То ль наоборот.  
  
И глядит, оскалась,  
В небо голова.  
И шумит, качаясь,  
Эх, да ковыль-трава.

1969

2

Пронеслись, столкнулись грудью,  
Конь умчался на свободу,  
Заалела кровь.  
Кто, откуда, что за люди?  
Повстречались, спшиблись с ходу –  
И исчезли вновь.  
  
Разлетелись, словно птицы!  
Лишь один лежит, не дышит,  
Посреди равнин.  
Кто убитый, кто убийца,  
Кто расскажет, кто услышит? –  
Знает Бог один!

1977

*В. Ковде*

Странные люди встречались на свете порой мне.  
 Вот и еще – с сединою, со старым лицом.  
 Хмуро стоит над кровавой водой на пароме.  
 Чуб поредевший рукой завивает в кольцо.  
 И говорит, обратясь на закат воспаленный,  
 На языки огневые в осенней воде:  
 «Долго язвил свою душу железом каленым,  
 Правду искал, но ее не увидел нигде.  
 Бросил жену и детей, позабыл все, чему научился,  
 Или, вернее (смешок), постарался забыть.  
 Сжег документы и в путь по России пустился.  
 Где-то под Гомелем взяли и стали судить.  
 Кто? Да зачем? Да откуда? Да что за причина?  
 Ум повредился? А может, убийца иль вор?  
 Ладно б – калека, а то ведь здоровый мужчина  
 Взял в руки посох да прямо по свету попер.  
 Имя? Фамилия? Должность? – Иван Иванов, отвечаю.  
 Долго рядили, потом порешили – баптист!  
 Дали «червонец» за все! (Улыбнулся печально.)  
 Был молчуном, а теперь вот, как видишь, речист.  
 Скоро ли, нет... но вернулся на родину снова.  
 Те же заботы, привычный, наезженный путь.  
 Дети забыли – и стоит! – есть отчим, и, честное слово,  
 Если порой их жалел, то сейчас не жалею ничуть.  
 Вот и кочую чужой перелетною птицей.  
 Много ли надо? Народ наш жесток, но не скуп:  
 Хлеба краюху подаст, – а студеной водицей  
 Каждая речка богата, ручей или сруб...»

1977

Дождь прошел. Листва черна.  
 Пахнет прелью из фонтана.  
 И пронзительно бледна  
 Дымка слабая тумана.  
 Сад невидим. Только мирт,  
 Из окна залитый светом,  
 Весь сверкает и дрожит  
 Под морским холодным ветром.  
 Словно нынче одному  
 Лишь ему неуютимо  
 Все лететь, лететь во тьму  
 Ледяных предгорий Крыма.

1977

\* \* \*

С гор стекает туман голубой,  
Неподвижное море белесо.  
Кипарисы неровной грядой  
Над мной нависают с откоса.  
В ожидании теплого дня  
Зацветает миндаль – и по веткам  
Словно бледные вспышки огня  
Пробегают, гонимые ветром.  
Как любовь, этот сумрак сквозной,  
Эта ясная сухость аллеи,  
Этот – тронутый чуть желтизной –  
Зеленеющий воздух над нею,  
Этот мартовский тающий дым,  
Этот мох на витой капители,  
Этот вдаль уплывающий Крым,  
Отраженный в соленой купели.

1977

\* \* \*

Путь не дальний, да грязь глубока,  
Почва тяжкая – рыжий суглинок.  
Как старухи, бредут облака  
С полевых бесприютных поминок.  
Пьяный ветер забился в повесть,  
От дождя потемнели заборы.  
Бог не дай никому умереть  
Здесь в глухую октябрьскую пору!  
Это ж сколько мучений родне!  
Грузовик не проедет – на пегой  
Разве что – и в объезд по стерне,  
Да и то не пройдешь за телегой.  
Нет, не дай Бог, не дай никому –  
Даже Каину, даже Иуде –  
Без того нынче в каждом доме  
Затаились притихшие люди.  
Не поверишь, что в часе езды  
Блеск асфальта и грохот трамваев,  
Вида жалкие эти сады  
Да осевшие крыши сараев.  
Нет! Уж лучше не думать! Молчи!  
Недалёко уже и до цели –  
До ворчания русской печи,  
До ее огневой канители.  
Хорошо еще торфа привез!  
То-то славно мне будет порою,  
Как ударит ноябрьский мороз  
И земля загремит под ногою.  
То-то будет в душе благодать  
От нестрашного сердцу испуга,  
Как начнет к Рождеству задувать  
По полям сумасбродная вьюга!

1977

\* \* \*

Прощай мои надежды  
На то, чему не сбыться.  
Уже не та, что прежде,  
По венам кровь струится.  
Уже порой не помнишь  
Того, что было въяве.  
Уже в испуге гонишь  
Мечту о громкой славе.

Прощай, друзья бывшие, –  
Под именами теми ж  
Мы все давно иные,  
И это не изменишь.  
Пускай мы не забыли,  
Но вспоминать их странно,  
Те дни, когда мы пили  
Из одного стакана.

Прощай, любовь с надрывом,  
Поземкой, сквозняками,  
Ночным бессонным дымом  
И мокрыми щеками.  
Смешна попоек смелость,  
Беспутное лукавство –  
Теперь дороже трезвость,  
И труд, и постоянство.

Прощай, бывшие строки,  
И запахи, и краски –  
Пришли иные сроки  
И ждут иной развязки.

Уже душа стремится,  
Как птица, в край далекий.  
Уж в ноги путь ложится  
Прямой и одинокий.

1977

\* \* \*

Где в жизнь прорастает искусства  
Жестокий и радостный сад,  
Нас губит двусмысленность чувства,  
Двоякость, двуликость, разлад.

Мир ясен, покуда не назван,  
Но, скрывшись за словом моим,  
Он форму срывает – и разом  
Становится неуловим.

Напрасно, напрасно, напрасно  
К нему имена мы опять,  
Как ключ, подбираем – опасно  
В неведомое проникать.

Вдруг там, за последнею дверью,  
Что свет разделяет и тьму,  
Таятся такие потери,  
Которых не вынести уму?

1978

\* \* \*

Воздух темных аллей, как гранатовый сок.  
Под ногою твоей розовеет песок.  
Ряд густых тополей тонет в рыжем дыму  
И проходит огонь по лицу твоему.  
Так по ясному небу проходит гроза!  
. . . . .  
И в испуге свои отвожу я глаза!

1978

## ОСИНА

– Отчего, сестра, тебя трясет,  
Что ты брату надрываешь грудь?

– Память тяжелой ноши не дает  
Мне девичьи плечи разогнуть.

1978

\* \* \*

Уезжаю, приезжаю,  
Говорю или молчу –  
Все яснее замечаю  
То, что видеть не хочу.

И глаза я закрываю,  
Опускаю, отвожу:  
Я и этого не знаю  
И об этом не скажу.

Говорю тому, другому,  
Что не вижу, говорю.  
И иду, потупясь, к дому,  
И под ноги не смотрю.

И лежу, уткнувшись в стену,  
И сжимаю веки зря.  
Но повсюду неизменно  
Все яснее вижу я,

Все яснее острым глазом  
Всюду вижу я опять  
То, что мой не может разум  
И ни слить и ни разъять!

1978



## ТРИ СНА

Я сплю, и снится мне, что сплю я в чистом поле  
И вижу сон: со всех сторон земли  
К покатоному холму сошлись по доброй воле  
Живые существа – и прилегли в пыли.  
Кого здесь только нет: лисицы и коровы,  
Верблюды, львы и лошади – они  
Вздыхают и молчат, и лики их суровы,  
Но их глаза горят, как ясные огни.  
А на холме пастух. Он без кнута и дудки.  
Но что в его руках? – я не могу понять.  
И от блаженства их становится мне жутко,  
И напрягаюсь я, чтоб этот сон прервать.

И просыпаюсь вдруг – уже в иной постели,  
И давит низкий свод, и не подынешь рук,  
Чтоб ласково смахнуть пригревшихся на теле  
Белесых слизняков и ядовитых мух.  
Мне дышится легко, но смрад мое дыханье,  
Я счастлив, хоть за ним, за счастьем, видно дно,  
Где в тине золотой таится колыханье  
Того, что мне во сне постигнуть не дано.  
Но радость, что идет оттуда пузырями,  
Щекочет мне виски и рвется, словно смех,  
И я лечу, лечу, как в вывернутой яме,  
Где вверх – и значит вниз, а вниз – и значит вверх!

И я лечу, лечу, и дикий рев обвала  
Мне перепонки рвет, свистит, гудит в трубу,  
И вскакиваю я, и пальцами устало  
По чистой простыне бессмысленно скребу.  
Будильник отзвенел. Девятый час. Из окон  
Струится зимний свет, и облетевший сад –  
Весь черный ввечеру – стоит в снегу глубоком,

И красные лучи в ветвях его горят.  
Какой мне снился сон? А впрочем, что за дело!..  
Поет по венам кровь: забудь, забудь, забудь! –  
Настал прекрасный день на старом свете белом,  
Нас ждет вчерашний хмель – пора пускаться в путь!

1978

\* \* \*

Не все преходяще – и значит,  
Не стоит нам мучить себя!  
Как славно живется на даче  
В последние дни сентября.

Все гости уехали в город,  
Но слышно яснее с утра,  
Как трется колодезный ворот  
И лязгает дужка ведра.

Как бьется зеленая муха  
Меж сдвоенных рам, как звенит;  
Как примус, накачанный туго,  
Под чайником полным гудит.

Как куры кудахчут. Как лает  
В пыли извалявшийся пес.  
Как тонко скрипит, проезжая,  
С дровами сосновыми воз.

1978

\* \* \*

В случайные следы,  
В заснеженные склоны  
Летят, летят плоды  
Ольхи, березы, клена.  
Летят путем одним  
Для продолженья рода  
На дом, на сад, на дым  
За дальним огородом.  
Смотрю на них давно –  
Им нет конца и края.  
Но многим ли дано  
Воскреснуть, умирая?  
Те вымерзнут, а тех  
Склюют со снега птицы.  
Едва ль одно из всех  
Весною возродится.  
Поймаю семя я  
И, подержав немного,  
Пущу – лети! – твоя  
Не кончена дорога.  
Свой путь отмерен всем –  
И что мое сомненье?  
Лети, исполнив тем  
Свое предназначенье!

1978

## БЬЮЩИЙ СВЕТ

Черный перрон,  
Серебристая слякоть;  
Мокрый вагон;  
Горьковатая сладость  
Липкой конфеты;  
Сияние снега;  
Бурки из фетра  
Споткнутся с разбега

И заскользят... От ребристых калош  
Стертый узор наливается влагой.  
Лязгнут колеса. Оранжевый нож  
Дымного света вонзится в овраги,  
Рощу, строенья... И снова во мраке  
Все исчезает. Ищи – не найдешь! –  
Смысла в простуженном лае собаки.  
Ночь. Полустанок. Вселенная. Что ж,  
Ноги промокли, а все же идешь  
По переулку. Вокруг ни мерцанья:  
Топкие лужи, сугробы, кусты, –  
И никого! Лишь визжа в содроганье  
Перелетают дорогу коты.

Так начинается эта баллада,  
Словно побег из бесплодного сада –  
Чуть сладковатый, как свекла с огня –  
Та, кормовая... (Что мы ни таскали  
С грузовиков, что весь день проезжали  
В ОРС через двор наш!.. Ты помнишь меня  
1-я Курская? – Выстоял я!)

Так начинается эта баллада,  
Словно побег из бесплодного сада,  
Словно раскаянье, словно досада,

Словно... – но хватит сравнений, не надо! –  
Версификация тем хороша,  
Что позволяет при должном терпенье  
Выдать подстрочник за стихотворенье, –  
Больше не стоит она ни шиша!

Лучше продолжить. Завязка вначале.  
Сонный герой у проснувшейся чайной,  
«Газов» и «МАЗов» – они до утра  
Здесь проторчали – глухое урчанье,  
Резкие выхлопы, дверок бряцанье;  
В ватниках сальных снуют шофера.  
В комнате длинной, как день без похмелья,  
Запах махорки, «Прибоя», «Дымка»,  
Щей, винегрета... «Подвинься, земля!» –  
Три «Жигулевского» ставит рука, –  
Пена шипит, оседая от соли,  
Кружка щербата, как будто со зла  
Кем-то обкусана, – наискось: «Коля» –  
Синею тушью – и в сердце стрела.  
«Пей! Не стесняйся!» – «Да я не стесняюсь!»  
«Как прозывают?.. Ну, будем, Сергей!» –  
Враз по полкружки. Потом, озираясь.  
Водкой долили – и жить веселей!  
Много ли надо? Пожалуй, немного!  
После холодной, ненастной, сырой  
Мартовской ночи, бессонной дороги –  
Чья-то улыбка в дешевой пивной.  
Чья-то улыбка, вниманье пустое,  
Легкий кивок преходящей любви,  
И ощущение тепла и покоя  
В глухо бегущей по венам крови.  
Кто мы? Откуда? К чему тут вопросы?  
Лучше давай-ка по новой налей!  
«Дернули!.. Слушай, мы все здесь матросы  
В бурном просторе житейских морей!  
Мало ль меня и крутило, и било!

Где только не был! Вернулся назад:  
Кореш продал, а жена изменила,  
Не дождалася!.. Да ну ее, брат,  
На фиг!.. Давай-ка откроем и эту! –  
Вынул пол-литра, сорвал станиоль,  
В кружки разлил, раздавил сигарету, –  
Будем, Серёга!» – «Всего тебе, Коль!»  
Выдохнул... «Слушай, о чем я собрался?  
Вспомнил! Ты видишь, я парень – ого! –  
Баб мне хватало, покуда мотался –  
Много их было! – а вспомнить кого?»  
(Вспомнить... Чего захотел! И себя я –  
Вечно спеша, в суете, на бегу –  
Прошлого! – если еще вспоминаю,  
То догадаться уже не могу:  
Тот ли!.. Да полно! Я был или не был?  
Разве порою всплывают в душе  
Бледною синькой промытое небо  
Да уходящее в солнце шоссе,  
И отрешенное чувство полета,  
И позабытая нежность, и грусть,  
И беззаботная радость, и что-то  
Кроме... но что? Я назвать не берусь!  
Что-то...) «Уснул?» – «Нет, я слушаю!»  
«Пива, может, еще?» – «Погоди, я возьму!» –  
Грязная стойка и надпись: ...долива  
После отстоя! – Да брось, ни к чему!  
Будем?» – «Попробуем!.. Слушай, Серёга!  
Если по-трезвому так рассудить,  
То, понимаешь, пожалуй, и много  
Лет человеку отпущено жить.  
Вот он и гробит их! Слушай, подельник  
Мне на повале – ты выпей! – брехал,  
Будто затеял какой-то бездельник  
Всех оживить, кто до нас проживал!  
Вишь, что удумал ученый зараза!

Вспомню – и веришь ли? – вою с тоски!  
Это ж такая, дери, скотобаза  
Будет, что сам бы пошел в мясники!  
Вдумайся только! Ну, ладно б, которых  
Что отличились, придумали порох  
Или еще чего сделали там! –  
Всех, понимаешь? Куда ж тогда нам?..»  
«Сунут куда-нибудь!..» – «Это, конечно,  
Это ты правильно, место найдут!  
Ладно, пускай!.. Ну, а этим, воскресшим –  
Срок отмотали – и снова дают,  
Так что ли? Тоже, как вдуматься, радость –  
Только отмучился в жизни одной,  
Тут же другую суют тебе! Гадость!  
Ну ее к черту! Давай по другой!  
Лей! Наливай! Я сегодня гуляю!  
Парень я добрый, покуда не злюсь!  
Что-то ты начал косить, замечаю!  
Ладно, не бойся!..» – «Да я не боюсь!»  
  
Странные люди порой мне встречались,  
Странные речи со мною вели  
В тамбуре поезда, в сумрачной чайной,  
Во поле чистом под небом печальным,  
В разных краях необъятной земли.  
Много ли, мало их бродит по свету:  
В Брянске, Тамбове, Калуге, Орле, –  
Выйдет навстречу, стрельнет сигарету  
И, прикурив, исчезает во мгле!..  
Да! Я люблю их по давней привычке!  
Люди есть люди! Но помнится все ж –  
Левой, бывало, даешь ему спички,  
Правой охотничий щупаешь нож!  
Всякое было. По-всякому били!  
Камнем в Подольске, под Сочи – «пером»!

Те ненавидели, эти – любили!  
Так вот мы жили. И так мы живем.  
Солнце восходит над ширью райцентра.  
Вот и согрелись. И славно. Так что ж  
Бредом биолога и геометра  
Куцею схемой ты мне предстаешь?  
Линии четки. Вот тело в разрезе:  
Легкие, печень, прямой пищевод.  
Ладно, я вижу! Но странное лезет  
Полусомненье – и жить не дает!  
Где же?.. Постой, я назвать не умею!  
Это... ну, как же?.. ну, отблеск огня,  
Жизнь, оправдание, смысл бытия...  
Где же она, сумасбродка, Психея?  
Где же? – А впрочем, о чем это я?  
Да ни о чем! Полвосьмого. Из чайной  
Бодро выходит рабочий народ.  
«Что же, покуда!..» – От встречи случайной  
Много ль останется? Время не ждет.  
День продолжается. Кстати, о чае!  
Чтоб заварить его, надо вначале  
Всыпать щепотку в ошпаренный чайник,  
Сбрызнуть холодной водицей; потом,  
Как он разбухнет, долить кипятком.  
Так поучал меня бывший начальник  
Черт-те-чего там – и пей с молоком!  
Вот я и пью. Слышен рокот ленивый.  
Ветер стремительно-неторопливый  
Листья срывает, а там, за спиной,  
Финского волны вздымает залива,  
Словно седую овчину, рукой.  
Пусть и не видеть, но знать! А увидеть –  
И не узнать! – ах, не в том ли беда! –  
Как я любил, в зимних сумерках сидя,  
Слушать, как льется по трубам вода;  
Стонет, струясь по железному ложу,

Бьется, хрипя, в глубине батарей!..  
...Что-то меня все сильнее тревожат  
Мысли о жизни, не нужные ей!  
Все, как дурак, я решаю вопросы  
Те, что нельзя разрешить без потерь...  
Хватит! Пойду отыщу папиросы.  
Все. Закурил. Продолжаю теперь.  
Что ж мой герой? Он идет осторожно  
Узкой обочиной. Через ручьи  
Прыгает... – «Черт подери бездорожье!» –  
5-й... 13-й... – сердце стучит.  
Наст почернел,  
У заборов потоки,  
Гул наводнения  
В голых садах;  
Грач прилетел  
И глядит, одинокий,  
В недоуменье:  
Зачем я сюда?  
Кучи соломы, гнилые отходы,  
Мусор, скелет новогодней сосны  
Крутят, уносят в бесчинстве свободы  
Мутные воды бездумной весны.  
Дом 19 – приземист, но прочен;  
Столб; палисадник; забор – а на нем:  
«Дура-училка!» – старательный почерк  
И восклицательный знак с завитком.  
Грамоту знают. Ну, что же, похвально.  
Трудно начало, а дальше – пойдет!  
Необычайно  
С древа познания сладостен плод!  
Круглый и крепкий меж листьев зеленых,  
Красный, как вспышка живого огня! –  
Как же манил он когда-то влюбленных  
Первых! – и как же он вял для меня!  
Хватит! Шагнем! У крыльца расплескалась

Зябкая лужа – и в ней отражалось  
Небо бездонной своей бирюзой.  
Белое облако в форме верблюда.  
Солнца горящего медное блюдо,  
Дом и герой мой, но вниз головой.  
Прыгай, ну, что ж ты! И тело рванулось,  
Врезалось в облако, перевернулось  
И разлетелось на тысячу брызг!  
Дверь отворилась. Испуганный визг  
Галок поднял. Закружились в обиде.  
Встал мой герой. Утираясь, увидел  
Драную кофту, платок до бровей,  
Взор полоснул ослепительно-синий!  
«Как же!.. – и шепот: – Сережа? Сергей!» –  
Вот появление моей героини.  
Впрочем, оставим. Сумятица встреч  
Всем нам знакома. Об этом ли речь.  
Помню, бывало, внезапно приедешь:  
Полночь ли, за полночь – стол соберет:  
«Только потише... ты знаешь... соседи ж...» –  
И головою на дверь поведет.  
Помню прохладу ладоней печальных,  
Отсвет улыбки на бледных губах;  
Запах тяжелый квартир коммунальных  
В провинциальных глухих городках.  
Утром за дверью кряхтенье и топот,  
Возгласы, рев из уборной воды;  
Тихий, горячий, прощающий шепот  
И на подтаявшем насте следы.  
Впрочем, соврал я сейчас поневоле.  
Помнить откуда мне, слышишь, клянусь,  
Шелест иглы на твоей радиоле  
И итальянского тенора грусть!  
Выдумки все! Нет, я неосторожен!  
Воображенье мешает уму,  
Стонет, струясь по железному ложу

Всю напролет бедолагу-зиму!  
Право, уж лучше сосновые чурки,  
Торф или уголь – над вьюшкой дым.  
От раскаленной гудящей печурки  
Жаром лицо опалает сухим,  
Крепким... И только не стоит с досадой  
Вновь вспоминать, что в декабрьской ночи  
Выдует дом весь до дрожи – и надо  
Шлак и золу выгрести из печи.  
Вот и попробуй добейся, чтоб руки  
Не огрубели! – ты слышишь, прости,  
Муза моя! – но подобной науки,  
Видимо, нам не дано превзойти.  
Да и далёко рассвет еще!.. Туго  
Пламя в печи завивается. Чад.  
Сушится плащ. Бурки брошены в угол.  
Стол под газетой. И двое сидят.  
Но погоди! От сюжета, читатель,  
Вновь отступлю я. Куда нам спешить?  
Стал я болтлив, как любой обыватель,  
Став обывателем в этой глуши.  
Право, есть прелесть в неспешной беседе!  
Только теперь оценил я вполне  
Те разговоры, что к ночи соседи  
Долго ведут, примостясь на бревне.  
Сколько заботы о ближних и дальних,  
Сколько... ну, скажем, внимания! Да,  
Это наследье веков пасторальных  
Не растеряли донныне года.  
Так же, уверен я, в сумерках длинных,  
Чтоб побеседовать – после работ  
Тяжких дневных – собирался в Афинах,  
В Александрии и в Риме народ.  
И говорил о соседкином сыне:  
«Не разбавляет водою? Да ну?!  
Пьет каждый день?! А слышал об Эсхине?»

«Что?» – «Изнасиловал девку одну!»  
«Это пустяк! Вот в Микенах был жуткий  
Случай!..» Ах, что там! Я думал не раз:  
Древние греки и турки-сельджуки,  
Бритты и персы – надень на них брюки,  
Мало б в быту отличались от нас.  
Впрочем, совсем не о них, вспоминаю,  
Я собирался... Да как-то на миг,  
Видно, отвлекся!.. Ну, да! все, что знаю,  
Здесь я хотел о героях своих  
Вам рассказать. Описать их наружность,  
Вкусы, привычки, друзей и семью.  
Пусть говорят: «Устарело! Не нужно!»  
Нужно! Я твердо на этом стою!  
Да! вообще не люблю я манеры  
Новой, подтекста, разболтанных фраз.  
Нечего жадничать! Вспомним Гомера.  
Вот кто на совесть трудился для нас.  
Не говоря уж о мыслях и чувствах,  
Скажем, опишет он щит – так держись! –  
Что там? Размеры? – Не надо! Искусство –  
Это искусство, а жизнь – это жизнь!

Лучше начнем. Но с чего же? Конечно,  
Только с начала! Но где же оно?  
Там ли, где смотрит кривая черешня  
В скрытое темной гардиной окно;  
Где на дверях по четыре запора,  
Где паутина и грязь по углам,  
Где по утрам возле примусов ссоры,  
Ругань и слезы?.. – Наверное, там.  
Там и родился герой мой. В середине  
Мая. Едва отгремела гроза  
Долгой войны. На измятой перине,  
В комнате тесной открыл он глаза.  
Дом был роскошным когда-то, с балконом,  
Весь по фасаду в узоре лепном.

Канувший в месте не столь отдаленном,  
Ставил купец его. Впрочем, потом  
Много сменилось жильцов в нем. Вселялись!  
Мебель вносили, шумели, смеялись,  
Вновь выезжали – но те, что остались,  
Пообжились, наладили быт.  
Там перестроили, тут изменили,  
Лишние двери кой-где заложили  
И постепенно весь дом превратили  
В труднодоступный чужим лабиринт.  
Что же до бабки героя, Полины,  
Та вместе с дочкой ютилась в гостиной,  
Перегороженной ширмой. Амур  
Около двери – с улыбкой невинной,  
С носом разбитым – над люстрой старинной  
Девять летящих по кругу фигур.  
Позже, году уже в пятидесятом,  
Отчим замазал их, но и тогда  
По проступающим розовым пятнам  
Все их припомнить почти без труда  
Мог мой Сережа. И в юности ранней  
Думал всерьез он, что необычайной  
Будет судьба его; что неслучайно  
Он появился на свет по всему,  
Если, едва приоткрыл он ресницы,  
С выбитой фрески волшебные лица –  
Легкие Музы склоняли к нему.  
Мать его звали Надеждой. Красива,  
Чуть безалаберна, чуть суетлива,  
Много претензий, немного ума –  
Пестрые платя, цветные косынки...  
(Их из старья на разбитой машинке  
Перешивала, кроила сама). Пела.  
Любила хмельное застолье  
Вскладчину; танцы, веселье и гам.  
Впрочем, судить ее строго не стоит –

Все мы живем, как отпущено нам.  
Что ж до отца молодого героя,  
То от тебя, мой читатель, не скрою,  
Я никогда его лично не знал.  
Правда, Надежда порой в разговоре  
Упоминала с тоскою во взоре  
О капитане, потом о майоре  
И подполковнике... Что ж, я не спору.  
Может быть, даже он был генерал.  
Чувствую, скажет читатель устало:  
«Что-то наш автор заврался никак!» –  
Но почему бы и нет? Генералы –  
Тоже мужчины! Увы, это так.  
Да и отец ни при чем здесь. Есть отчим –  
Полный брюнет с недовольным лицом.  
Был он – мне рифма бормочет: рабочим! –  
Нет, не рабочим. Он был – продавцом.  
Может, поэтому в детстве Сережа  
Видел все то, что не видели мы:  
Банки сгущенки, и мясо, и рыбу,  
Нежного сыра янтарные глыбы,  
Окорока с золотистой кожей  
И мандарины в разгаре зимы.  
Мальчик рос тихим и вялым. Часами  
В темном углу за большими часами  
Мог он сидеть – пузырьки от духов  
Перебирая, иль пуговиц горстку;  
Иль в забытьи ковыряя известку,  
Иль бормоча окончания слов.  
Шла не Корова, а грузная *Рова*.  
Пела не Птица, а странная *Ца*.  
*Ень* проступал из окна *олубого*.  
*Ающий нег* отряхая с лица.  
Это зимою. Но веяло маем.  
Лезла трава за осевшим сараем  
И, как невеста, юна и бела –

Возле окошка черешня цвела.  
Нет, не скажу, что она потрясала  
Детскую душу, когда отрясала,  
Радости нежной полна и тоски,  
На подоконник свои лепестки.  
В детстве природы мы не замечаем.  
Это потом уже будут ночами  
Сниться иниться в привычном бреду  
Тонкие ветви в уборе венчальном  
В бедном и жалком, как юность, саду.  
Это потом ты из дали неясной  
Силиться будешь приблизить к себе  
Солнечный день, молодой и прекрасный,  
Камень крыльца и ворон на трубе...

.....  
.....

1969–1978



\* \* \*

Бледные сумерки марта,  
Черная сажа ворон.  
Тихо качнулся плацкартный  
Тесно набитый вагон.  
Тихо вздохнула соседка,  
Вынув из сумки роман.  
Пристанционная ветка  
Зябка укрылась в туман.  
И потянулись во мраке,  
Смутно чернея вдали,  
Лесопосадки, овраги –  
Скудость весенней земли.  
Скудость бесснежной равнины,  
Мерзлые кучи песка,  
Избы, сараи, овины,  
Воля, и страх, и тоска.  
Будка за насыпью белой,  
Капли на мутном окне –  
Все, что пока не стемнело,  
Видеть отпущено мне...

1979

\* \* \*

И горделивое, и резкое  
Движение плеч, бровей полет...  
Но вырез губ – в нем что-то детское  
И беззащитное живет.

Ты вновь мне снишься сельской школьницей,  
Большим повязана платком.  
Мороз. Поземка за околицей.  
И солнце в небе ледяном.

Еще ты, право, не красавица,  
Ты не красавица совсем.  
Та красота, что вдруг проявится,  
Пока не видима никем.

Судьба, что ждет, еще не меряна!  
Портфелем машешь ты легко  
И улыбаешься рассеянно,  
Куда-то глядя далеко...

1979



\* \* \*

Ограда. Яблоня за нею.  
В бадье зеленая вода.  
И все отходит, все бледнеет  
И исчезает без следа.

И исчезает. О, не надо!  
Рвануться следом – но куда?  
Ни яблони и ни ограды  
Не сохранили мне года.

Не сохранили. Нет их больше.  
Нигде их нету на земле!  
За ливнем давним, за порошею  
Они растаяли во мгле.

Они растаяли, как юность,  
Что в самолюбье молодом,  
И уходя, не обернулась  
Ко мне заплаканным лицом.

1979

\* \* \*

Что за птица ко мне прилетала,  
Что мне пела, что пела, спеша,  
Чем на песню ее отвечала  
Молодая слепая душа, –  
Я забыл за мельканием быстрым  
Торопливых несчитанных дней.  
Но сегодня, проснувшись на чистом  
На рассвете, вдруг вспомнил о ней.

И с утра все хожу, повторяя,  
Так что кругом идет голова:  
Что за песня – такая простая,  
А никак не припомню слова.

Лишь мотив возникает порою  
И теряется сам по себе  
В бормотании, плаче и вое  
Одинокого ветра в трубе.

1979

## ИЮЛЬ - СЕНОЗОРНИК

Вьются пчелы, висит рукомойник,  
Согревая на солнце бока.  
И блуждает июль-сенозорник  
В мгле левкоев, в глуши табака.

Это жизнь! Это радость соседства  
Птичьих крыльев и дрожи листа.  
Это ветра зеленое детство  
На сухих и колючих кустах.

Это дымная горечь полыни,  
Это сонная память отца,  
Юность деда и прадеда – синий  
Полевого озноб бубенца.

Милой матери губы протянешь  
За улыбкой малины – бери!  
И уснешь оттого, что устанешь,  
И проснешься еще до зари.

Чтоб опять захлебнуться удачей  
Выйти первому в утро земли,  
Легкий след оставляя в горячей,  
Не остывшей и за ночь пыли.

1979

\* \* \*

Удержать ускользнувшую тень  
В отраженном дыханье стиха!..  
Как прекрасен, как солнечен день,  
Как душа и темна, и тиха.

Ветер по полю к дому придет,  
Смоет пыль с молодого лица  
И надолго устало замрет  
На горячей ступени крыльца.

Сон поникшей листвы невесом,  
Мир уснул глубоко до поры,  
Как наденет ночной небосклон  
Спелых звезд золотые шары.

Как мерцаньем подернется гладь  
Потемневшей воды на пруду...  
И очнувшийся ветер опять  
Прошумит и в душе, и в саду.

1979

\* \* \*

Плеск волны, на песок набегающей,  
Исчезающей, гаснущей, – но  
На свету молодой и сияющей,  
Как прекрасен, как радостен – о! –

Мы одни в этом сумраке нежащем,  
В этом мире шаланд и фелюг,  
Уходящими в ночь побережьями  
Обнимает нас царственный Юг.

И баюкает мерным наречием,  
Перекатами волн и песка,  
Укрываясь во мраке, рассеченном  
Бело-синим огнем маяка.

1979

\* \* \*

Улыбнись мне печально и строго  
И рукою взмахни мне легко.  
До последнего смертного вздоха  
Нам покуда еще далеко.

Но разлука не будет нам долгой  
В мысли чистой и страстной о том,  
Что какой бы ни шли мы дорогой,  
Мы друг к другу навстречу идем!

1979

\* \* \*

Вдоль опушки ель, осина,  
Тусклый жар рябин.  
Мелкий снег метет по синей  
Пахоте равнин.

Гуще с каждой минутой  
Заметает лог.  
Словно мерин, сбросив путы,  
Ветер треплет стог.

Даль темнее, небо ниже,  
Смутно на душе.  
Вот места, которых ближе  
Не найду уже.

Вот места, где до могилы –  
Славно ль, как-нибудь –  
Проторю я в меру силы  
Мне сужденный путь.

Меж деревьев, через чащу  
Спутанных ветвей,  
По равнине этой спящей,  
Растворяясь в ней,

Исчезая в шуме ветра,  
Канув в забытьё,  
След оставив неприметный  
На груди ее.

1979

## СОРОКА

Сизые крылья, черная грудь,  
Снега белей бока, –  
Сорока-сорока, куда твой путь?  
Далёко? Издалека?  
А я свое отлетал уже  
И не хочу лететь.  
Нелюбопытно моей душе  
Другие края смотреть.  
Не то чтоб совсем не хотелось вдруг  
Иной какой стороной,  
В предощущении близких вьюг,  
Как ветер пройти ночной.  
Не то чтоб совсем не хотел теперь  
В налипшем снегу сыром  
Войти сквозняком за чужую дверь,  
Присесть за чужим столом;  
Стаканом греметь... и опять пропасть  
В просторе родной глуши –  
Да мысли упорной сухая страсть  
Заманчивей для души.  
Да времени нынче заметней ход,  
Слышнее его шаги.  
Да слаще загула горячий рот  
Морозной еще строки!

1979

## ЯНВАРСКИЕ ДНИ

\* \* \*

Уже наступили январские дни  
И солнце в дыму утопает с разбега.  
Деревья черны, но горят, как огни,  
Колючие иглы морозного снега.

Есть в жизни суровой своя красота.  
Есть в холоде русском особая сила!  
И радостно мне, что ушла суета,  
Что мучила прежде меня и томила.

Теперь не спешу. Срок отмерен всему.  
Бескрайнему горю есть тоже пределы.  
И славно бродить меж домов одному,  
Как после болезни, ступая несмело.

Как много желаний тайлось во мне!  
А много ли надо – синеющий воздух  
Да первые эти в сквозной вышине,  
Как сахар подмокший, бесцветные звезды;

Да чистой бумаги распахнутый лист,  
Открытый пространству, как зимнее поле,  
Да жесткость удил беспощадных, да хлыст,  
Чтоб мог усмирить я безудержность воли!

Я счастлив судьбою своею земной.  
Здесь каждому хватит мороза и вьюги,  
Колючего ветра, пылающих углей,  
Высокого неба и жизни одной!

Стучи, мое сердце! Вперед и вперед  
Зовут в небеса устремленные трубы.  
Да здравствуют кровь очищающий лед  
И жизни суровой студенья губы!

1979

Этот мир в переменах суровый и женственный,  
Этот путь без дорог торопливый и ветреный,  
Это небо морозное, сизое, звездное,  
Это время скрипучее, смутное, грозное!

Распахни воротник – от него не укроешься!  
Пусть немеет рука, но черкает перо еще,  
Чтоб пространству оставить – покуда не выпало, –  
Что твоим на веку современникам выпало!

1979

## ВОЛЬТЕР

Игру ума поставив выше  
И жизни, и ее страданий,  
Он сам себя порой не слышал  
От грохота рукоплесканий,  
Что разносило по Европе  
Его брошюр минутных эхо!  
Ах, право, что-то есть холопые  
В желанье легкого успеха.  
И тот великим быть не может,  
Кто, настоящим поглощенный,  
Святыни вечные тревожит  
Для похвалы непосвященных!

1979

## САЛЬЕРИ

Мы живем в текуче-жестком мире:  
Миг уходит в вечность, вечность – в миг.  
Часовые медленные гири  
Двигут время. Время движет их.  
Бедный мой, мой маленький Сальери,  
Что поделать, каждому свое!  
Чем мы ближе, кажется нам, к цели –  
Тем, порою, дальше от нее.  
Дальше, дальше... И все шире пропасть,  
И дороги нет уже назад!  
Но опять взыскующая совесть,  
Торопясь, нащупывает яд.  
Кабы знали, затевая сеять,  
Что пожнем!.. Не зная ничего,  
Разве можно следствием измерить  
Цепь причин, что вызвали его?  
Разве можно в рассужденье строгом,  
Пробежав страницу бытия,  
Однозначным исчерпать итогом  
Сущность человеческого «я»?  
Нет! Я не решаюсь! Да и кто я,  
Чтоб судить, сподобившись тебе,  
Страсти, пробегающие кровью,  
Мысли, неподвластные судьбе!

1979



\* \* \*

Сбрось и тоску и усталость!  
Полон стакан до краев!  
Это не старость, не старость,  
А ожиданье ее!  
Это не горе, не горе –  
Скорый приход сентября!  
Теплое мерное море –  
Время колышет тебя.  
Слышишь в ночи бормотание  
Неповторяемых строк? –  
Это гранитные камни  
Вечность стирает в песок.  
Это в движеньи движенье,  
Скрежет и музыка слов,  
Грохот кораблекрушений,  
Гул бесконечных валов.  
Ливня удары по крыше,  
Шорох, неслышный почти –  
Радости нету превыше  
Слушать и слушать в ночи  
Это развитие темы,  
Этот сырой перепляс  
Ритмов невнятной поэмы,  
Сложенной кем-то для нас!

1979

## С Л О В О

Это странно, но, лишь повторяя,  
Целый день бормоча в тишине,  
Я на миг до конца понимаю,  
Что таится в его глубине.

Что восходит из шума согласных  
Нежной звонкой, сонорной, глухой,  
Что мерцает в зиянии гласных,  
Повторяемой гласной одной.

Эти О! – эти проблески в чаще!  
Это Л! – и любовь и полет!  
Это В! – этот ветер, говорящий  
О привале, что путника ждет.

Это С! – что связует до срока  
Путь светила и путь светляка,  
Чистый голос из дали глубокой,  
Доносящийся через века,

Доходящий до чуткого слуха,  
Отозвавшийся эхом родным! –  
Что невечная наша разлука,  
Если сердце пылает одним.

Что несчастья, обиды, тревоги,  
Если – где бы ты ни был – всегда  
Есть колодец у края дороги,  
Есть в глуби его звездной вода!

1979

## В ХРАМЕ

Купола ободраны на крыши  
Полувека более назад.  
И пылает огненный и рыжий  
Меж стропил синеющих закат.  
Но внутри, где пасмурно и тихо,  
В ясном блеске острого луча  
Всё видны рука Его и Книга  
На покрытых гарью кирпичках.

1979

\* \* \*

Лень говорить, и читать неохота.  
Яблоня-соня, малина-дремота  
Еле вздыхают, и слышно – звенит  
Воздух горячий, взмывая в зенит.  
Он, как стекло, раскаляясь, струится.  
В мареве зыбком природа двоится,  
Словно глядит, отстранясь, на себя,  
Блеклые листья едва теребя.  
Душно! – и длиться, и длиться мгновеньям,  
Длиться и длиться – и льется на сад  
По облакам, по высоким ступеням  
Знойных лучей золотой водопад.  
Он размывает границы предметов –  
Явь ли во сне или сон наяву? –  
Это рука моя дрогнула – это  
Желтые сливы упали в траву.  
Это ударило сердце – и птица  
С пальцев сорвалась – качнулась лоза,  
Это полынь приоткрыла ресницы,  
И синевой захлестнуло глаза.  
Свет мой без тени! – Спекающий жаром  
В цельную чашу осколки ее,  
Где закипает янтарным пожаром  
Спелое солнце до самых краев!  
Где забродило тягуче и тускло  
Будущей брагой дремучее сусло, –  
Пища небесная – пламя в горсти –  
Телу земному в далеком пути!

1979

\* \* \*

Жизнью былою судьбы настоящей  
Путь не изменишь – и пусть.  
Ветер приносит из сумрачной чащи  
Свет мне бессолнечный – грусть.  
Зябкая птица, намокшие перья,  
Клекот и свист в камыше.  
Невосполнимая нежность потери,  
А не обмана в душе.  
Мятлика пух и овсяницы сухость,  
Чьи-то следы на песке.  
Дальняя старость и давняя юность  
В смуглой, смолистой руке.  
Счастье притихшее, тайна зеленая,  
Дней нисходящий покой.  
Жесткий бурьян и ромашка склоненная –  
Вам не проститься со мной.  
Никнут ракиты вдоль берега узкого,  
Небо уснуло во ржи.  
Дым золотой одиночества русского  
Прячет полынь у межи.  
Долго ль бродить? Да броди, пока бродится –  
Дух наш! – кто смерил его?  
Есть кому плакать и с кем перемолвиться,  
Есть еще петь для кого!  
Есть кому слушать мой голос нетающий,  
Вольно плывущий вдали,  
Спелые зерна, как колос, роняющий  
В радость печали земли.

1979

\* \* \*

В купель огневую!..  
О, больше не злись  
На эту – впустую? –  
Прошедшую жизнь;  
На холод, на сырость,  
На быт по углам! –  
Господнюю милость  
Измерить не нам!  
И сыну не стоит  
Жалеть о судьбе;  
Пусть он не достроит  
Обитель себе;  
Пусть силы истратит  
Еще до конца –  
Обителей хватит  
На всех у Отца!

1979

## ИЗ БЕЗДНЫ

Ладан, золото и мирра,  
Впереди плыла звезда...

Коммунальная квартира –  
В окнах провода.

Подрастающий ребенок,  
Едкий запах от пеленок,  
Кухня, примусы чадят,  
В узкой комнате плакат.

На плакате рвет рабочий  
Цепи биржи мировой.  
Ниже фото: юный отчим  
С забинтованной рукой.

Рядом полка с «Капиталом»,  
«Анти-Дюрингом», журналы,  
Ленин, Сталин, «Краткий курс...»,  
Август Бебель и Барбюс.

Это детство. Все игрушки –  
Деревянный самолет  
Да бесчисленные катушки:  
Так – солдаты, эдак – пушки, –  
Хорошо, что мама шьет!

Хорошо, что шить умеет  
Из фланели, бумазеи,  
Ситца, штапеля, вельвета,  
Из материи любой,  
Для зимы, весны и лета,  
Кофты, платья, блузки, брюки, –  
Хорошо, что эти руки  
Дружат с ниткой и иглой.

Хорошо, что в гуле мира  
Есть кому заштопать дыры  
И схватить края прорех  
В ткани Времени-старухи,  
В жесткой вытертой дерюге,  
От ночей бессонных тех.

От бессонных ожиданий,  
Одиночества, свиданий  
Запрещенных; от измен  
Разрешенных; от озноба  
Освещенных лампой стен;  
От углов, где спят сугробы  
Невеселых перемен.

Память, память, как ты странно –  
И умело, и легко –  
Вводишь разум в глубь обмана  
И уводишь далеко, –

То – забудешь, то – припомнишь,  
Но иглу из рук уронишь,  
Позабывши нитку вдеть,  
Меж цветными лоскутами,  
Былью, небылью и снами,  
Где смешалась со слезами  
Труб ликующая медь.

И летят, летят карьером  
На большом экране белом  
Тыщи всадников лихих,  
Тысячи рубак умелых,  
Распаленных, оголтелых,  
Злых, оборванных, разутых,  
На скрещении продутых  
Перекрестков мировых.

Как любил я без оглядки  
Эти яростные схватки

И Чапая на коне! –  
Дай, страна, винтовку мне!  
Ни к чему пустая жалость!  
Призови! Я славлю ярость,  
Штык в крови, избу в огне!  
Славлю вьюгу бескозырок,  
Колыханье черных лент,  
И пропахший воблой рынок,  
И сыпной горячки бред!  
Славлю сабельные взлязги,  
Юность – бьющую в края!  
Славлю кухонные дрязги  
Коммунального жилья!  
Труд шахтера, управдома,  
Сталевара, предрабкома  
И солдата на посту!..  
Что я, Господи, плету!  
Тихий шепот поздней ночью –  
Чуть загадочный со сна.  
Мать заплаканная. Отчим.  
Спешка. Сборы. Тишина.  
Сколько прожил ты на свете –  
Ну и что запомнить смог?  
На сияющем паркете  
Комья грязи от сапог.  
Век подходит к середине,  
Не видать во мраке путь.  
На разрезанной перине  
Не забыться, не уснуть.  
Дом напротив. Снег глубокий.  
Скучный свист пурги.  
Одиноко. Одиноки  
За стеной шаги.

Но-но-но! Без истерии!  
Что же ты молчишь?  
Где же мать твоя, Мария?  
Отчим где, малыш?  
Две соседки моют руки,  
Солнце всходит в облаках,  
И со скуки дохнут мухи  
На тисненых корешках.  
Что ж, прощай, комхозный угол! –  
Руку дай, держись!  
Пусть скорей заносит вьюгой  
Прожитую жизнь.  
Есть в забвении лекарство  
От любых потерь.  
Детский дом в усадьбе барской  
Открывает дверь.  
Подымайся по сигналу,  
По сигналу спи.  
Звонкий горн и галстук алый,  
Радостные дни.  
Это юность наша. Школа.  
Над заводом дым.  
Единенье комсомола.  
Осоавиахим.  
Мир волчком уже заверчен,  
Все сильнее крен.  
Муссолини, Франко, Черчилль,  
Гитлер, Чемберлен.  
Мы идем в строю едином –  
В гуле и в борьбе.  
Каждый будет верным сыном,  
Партия, тебе!

Вся планета озарится  
Светом навсегда!  
Спит спокойная столица  
Мира и труда.

Дремлет Кремль – очаг свободы,  
Но не спит сейчас  
Друг детей, отец народов,  
Думая о нас.

На заводе, в шахте, в поле,  
Юны и прямы,  
Лишь его железной волей  
Побеждаем мы.

Он один, и в мире нету  
Больше никого!  
Скрип не слышен по паркету  
Мягких сапогов.

Мягко стелется поземка  
В улицах пустых.  
Наметая снег у кромки  
Мерзлых мостовых.

Но едва, оставив зданья,  
На простор уйдет,  
Гикнет, вздыбив на аркане  
Мутный небосвод.

И летит, расправив плечи,  
С корнем рвя дубы,  
Пред собой взметая смерчи  
Плача и мольбы.

Страшен вихорь этот. Страшно.  
Некому помочь.  
С высоты кремлевской башни  
Бьют куранты. Ночь.

Спят девчонки и мальчишки  
Так, как в детстве спят.  
Бьет о валенок на вышке  
Валенком солдат.

Мчат бессонные машины –  
Вестницы потерь.  
В полусне еще мужчины  
Открывают дверь.

Тихо всхлипывают жены.  
Лампочка бела.  
Век глядит замороженно  
На свои дела.

Что ему мои тревоги,  
Что твоя беда?  
Он ведет в тайге дороги,  
Строит города.

Он идет в суровом марше! –  
Что же, мой герой? –  
Вот и выросли, и старше  
Стали мы с тобой.

Над Москвою день сияет,  
Солнышко печет.  
В синем небе пролетает  
Белый самолет.

Летчик в шлеме вниз взирает –  
Равнодушен взгляд.  
Мостовую оглушает  
Праздничный парад.

По знаменам пробегает  
Ветряная дрожь.  
Нас рукою осеняет  
С мавзолея вождь.

Он глядит из-под фуражки,  
Как – за рядом ряд! –  
Бьют в брусчатку шагом тяжким  
Тысячи солдат.

Сколько их – умытых, бритых –  
И за взводом взвод! –  
Завтра будет перебито,  
Пущено в расход.

От Москвы-реки до Буга  
Ляжет тень крыла.  
Заметет слепая вьюга  
Мертвые тела.

Ощетинится планета –  
В надолбах, ежах –  
Загудят ветра по свету,  
Разметая прах.

Черным дымом, гарью жирной  
Небосвод затмит.  
На земле – недавно мирной –  
Ты лежишь – убит!

Ты ползешь глухим болотом,  
Прячешься в кугу.  
Ты встаешь под пулеметом  
На сыром лугу.

Уходя, взрываешь стены  
Заводских цехов.  
Ты бредешь с толпою пленных  
Братьев и отцов.

Ты сгораешь, как полено,  
Ты – уже зола,  
Но не смыть клейма измены  
С твоего чела.

Ты о ней потом узнаешь,  
Если доживешь.  
Ты из плена убегаешь,  
На восток идешь.

Ночь за облаком укроет  
Яркую луну.  
Ты своею смоешь кровью  
Не свою вину.

Не щадя себя, обильно  
Ты прольешь ее  
В Кенигсберге, в Гродно, в Вильно –  
На пути своем.

Ты пройдешь землей изрытой  
Через Брук и Гарц,  
По Тюрингии сожженной,  
По Саксонии спаленной,  
Чтобы выйти на разбитый  
Александрплац.

Но назад бегут вагоны –  
Ждут или не ждут? –  
На твоих блесит погонах  
Праздничный салют.

Вождь глядит из-под фуражки –  
От знамен огонь!  
Выезжает маршал с шашкой,  
Горячится конь.

Как страна тебя встречает!  
Горе позади!  
Инвалид храпит у чайной –  
Орден на груди.

С барахолки тащат шубы,  
Плач стоит и смех.

И поют, ликуют трубы,  
Заглушая всех.

Это зрелость наша. Это  
Ночь глухая без рассвета,  
Карточки, пайки.  
Вся страна – сплошная рана!  
На полотнище экрана  
Пляшут казаки.

Голоса их сыты, звонки.  
Дни летят дымком махорки  
Вереницей лет.  
Ах, зашей их, мама, слышишь?!  
Погоди. Не надо. Тише.  
Где найдешь сейчас иголки?  
Ниток тоже нет!

Нет и матери... Сурово  
Ты глядишь. Но надо снова  
Братся нам за труд.  
Пусть и голодно народу,  
Но – смотри! – опять заводы  
Из руин встают.

Это общие заботы.  
Хватит каждому работы –  
Дел невпроворот!  
Ну, солдат, берись, удачи! –  
Это он в плену был? Значит,  
Нам не подойдет.  
Заходите... Позже, может... –  
– Ах, ты!.. – и на крик.  
Эй, солдат, неосторожно,  
Прикуси язык.

Видишь розовые лица?  
Ну? Чего молчишь?

Ты бежал из Аушвица –  
Здесь не убежишь!

И трясет в теплушках тесных  
Сотни человек  
По просторам неизвестным,  
Но родным навек.

И считают перегоны  
Через всю страну  
За вагонами вагоны  
В сторону одну.

Слышишь этот гул дорожный? –  
Дальше от Кремля! –  
Колыма – она ведь тоже  
Русская земля.

И горят, сияют блики  
На сухом снегу.  
Тыщу лет тебе, великий,  
Правь на страх врагу!

Без тебя, как детям малым,  
Нам не жить и дня!  
Но снимают с пьедесталов,  
Бедного, тебя.

И, кряхтя под тяжким грузом,  
Без прощальных слов,  
Валят в кузов, валят в кузов  
Штабелями дров.

Это ты хотел быть вечным?  
Где же ты, постой?  
Но уже иные речи  
Льются над страной.

И с приходом сводит убыль  
Победивший класс.



И поют, ликуют трубы,  
Заглушая нас.

И глядим мы друг на друга,  
Позади былая вьюга,  
Светлый ясен путь! –  
Но предчувствием испуга  
Схватывает грудь.

И огонь бежит по коже  
Душно, горячо.  
Мир ловил меня, но все же,  
Видишь сам Ты это, Боже,  
Не поймал еще!

Он врезался в стратосферу,  
Плыл в надзвездной мгле.  
Он манил меня химерой  
Счастья на земле.

Он бросал меня с размаха  
В смрадную тюрьму,  
Чтобы я в великом страхе  
В ноги пал ему.

Выпекал из камней грубых  
Тысячи хлебов, –  
Но цингой шатало зубы  
От его даров!

Да! Не раз я оступался.  
Помню. Не забыл.  
Но опять я подымался  
Из последних сил.

И с немеркнущей надеждой,  
Веря и любя,  
Шел к Тебе, Господь мой! Где ж ты?  
Я зову Тебя!

И зовет Тебя с мольбою  
Край любимый мой  
Каждой веткою живою,  
Лугом и рекой.

Ты ль допустишь нас погибнуть!  
Дай нам знак! Ответь!  
Задыхаемся мы – ибо  
Без Тебя нам смерть.

Дай прощенье нам, о Боже,  
Чтоб – в крови, в грязи –  
Вышли мы с дороги ложной  
На Твои стези.

Чтоб из мертвого тумана,  
С пира воронья,  
Вновь восстала – осиянна! –  
Родина моя.

*1969; 1979*

\* \* \*

К вечеру море утихло и волны уже не выносит  
К белым ступеням, ведущим из темного сада,  
Где в нежелтеющем платье стоящая Осень  
Дышит глубоко стекающей с листьев прохладой.

Славно идти вдоль по берегу мокрою галькой,  
Слышать скрипенье ее под своею ногою,  
Славно следить за крикливой, прожорливой чайкой,  
Косо летящей над бледною пеной прибоя.

Что за корабль там возник и растаял навеки?  
Кто там смеется за частой оградой сада?..  
Жадной печали, что в каждом живет человеке,  
Морю не надо, и чайке, и саду – не надо!

Дай же и мне позабыть о себе и о близких,  
Дай мне растаять в потоке прозрачного света –  
В поступи легкой беспечных ветров киммерийских,  
В Осени этой, похожей на вечное Лето.

1980

\* \* \*

Те века, что когда-то здесь тропы торили –  
Где теперь они, где?..  
Только ветер сухой, золотой Киммерии  
Запевает зеленой воде.

Только хищные чайки проносятся с визгом,  
Только блещет, как пламя, в луче  
Соль Медеиных слез, что оставили брызги  
На твоём загорелом плече...

1980

## Т И Ш И Н А

На всем лежит глухая тишина:  
Молчит река, неся без плеска волны,  
Молчит камыш, своим молчаньем полный,  
И молча тонет в облаке луна.

Весь мир затих. Глаза закрой на миг:  
Да есть ли он? Не плод воображенья?  
К чему трудиться, принимать решенья?  
Не ты его, а он тебя настиг.

Настиг и сам окутал тишиной.  
О, кто кому из вас сегодня снится?  
Так что же ты боишься, разум мой,  
Перевернуть последнюю страницу?

Нет! Погоди! Крылом качнула птица,  
Опять запел кузнечик молодой!..

1980

\* \* \*

Роза цветет у дороги  
В синем бензинном чаду.  
Бабка сидит на пороге  
Так же, как в прошлом году.  
Те же, чуть, может, порезче,  
Шрамы морщин на лице.  
Тень от засохшей черешни  
Влажно дрожит на крыльце.  
– Здравствуй, Ивановна! Как ты?  
– Ась? – отвечает. – Чего?  
Слышу, сынок, плоховато,  
А в остальном ничего.  
Да... И еще вот – сгибаясь,  
Не разогнуться в спине... –  
И закивала, прощаясь,  
Тут же забыв обо мне.  
Тут же забыв, что сказала,  
Что услышала в ответ,  
Щурясь с улыбкой усталой  
В льющийся солнечный свет.

. . . . .  
Дай мне состариться, Боже,  
Чтоб на краю бытия  
Так же над жизнью тревожной  
Мог улыбнуться и я.

1980

\* \* \*

Теплого ливня порывы,  
Сумрак внезапной грозы.  
Спелые желтые сливы  
Гаснут в лиловой грязи.

Сколько их здесь, у дорожки,  
Сколько их там, за кустом,  
Где искривленные рожки  
Чистит чертенок хвостом.

Как? Ты его не заметил?  
Видно, глаза не остры.  
Вон у забора, где ветер  
Гнет золотые шары.

Рядом, ну, маленький, рыжий...  
Вот он, к малине пошел.  
Ну до чего же бесстыже  
И омерзительно гол.

Все. Убежал за сарай.  
Нету их? Все говорят?  
Видимость просто? Не знаю.  
Что-то ты путаешь, брат.

Как это можно, ответь мне,  
Видимость видеть саму?  
Право, но тонкости эти  
Не поддаются уму.

Брось! Тут и спорить не надо!  
Я рассужденьями сыт.  
Завтра увидишь по саду  
Сам ты следы от копыт.

Все их промеришь, опишешь...  
Что? И не станешь смотреть?  
Да уж: глухому услышать  
Или немому запеть,

Как и безногому прыгнуть  
Легче, наверное, чем  
Сердцу поэта постигнуть  
Мир, выходящий из схем.

1980

## Л А С Т О Ч К И

По утрам туман полями тянется  
И трава студеная сыра.  
Что же вы здесь задержались, странницы?  
Улетайте в Африку, пора!

Третий Спас уже в ладонях вынянчил  
Стужею промытую лазурь.  
Собирайтесь, торопитесь – иначе  
Долететь не сможете до бурь.

Ведь едины луг мой холодеющий  
И от жара спекшийся песок –  
Вам, в любви связавшим не скудеющей  
Юг и Запад, Север и Восток.

1980

## К Н Я З Ъ В С Е С Л А В

Обращался лисицею рыжею,  
Рыскал волком по чаще лесной,  
Приднепровскою степию выжженной  
Дымовой проходил полосой.

Убегая из города стольного,  
Что ты думал, обманутый князь?  
Был ты дерзкого нрава сокольего,  
Да удача тебе не далась!

Для чего ж нам знамения явлены?  
Все ушло, и – прости! –  
Что с того, что века поют старины  
О тебе по Святой по Руси!

Как обидно за далями синими,  
За годами, которых не зреть,  
Только эхом бесплодного имени,  
А не делом своим прогреметь!..

1980

## ОЛЬГА

Не двадцать гусей заплескалось в воде,  
То двадцать мужей приплывало в ладье.  
Не крылья, а весла большие  
Разбрызгали волны литые.  
И врезался выгнутый нос  
В продутый ветрами откос.  
(Уж поздно – тужи не тужи!)  
И тихо спустились мужи  
На берег. И в гору достойно  
Поднялись чредой. И спокойно,  
Днепровский окинув простор,  
Ступили на княжеский двор.  
Тут вышла княгиня навстречу  
С улыбкой и ласковой речью:  
«Пришли ко мне добрые гости!  
(Собаки изгрызли б вам кости!)»  
И гости сказали: «Пришли мы!  
(Вернемся ль обратно живыми?)»  
«Так что же ко мне привело вас?»  
Не дрогнул у старшего голос,  
И молвил он: «Рвал пуще волка  
Нас муж твой, великая Ольга.  
Но есть и на зверя управа –  
Его мы убили – и слава  
За то нам! Но женщине ль стало  
Одной быть? Подумай о сыне.  
За князя за нашего Мала  
Зовем тебя замуж, княгиня!»  
«Ну что же, – ответила Ольга, –  
Любезна мне речь ваша. Мужа  
Нельзя воскресить мне. Но только  
В сем деле спешить нам не нужно.

Обратно сейчас вы идите;  
Когда же пришло я за вами,  
Посланцам моим говорите:  
«Негоже своими ногами  
Тащиться нам с берега в гору,  
Негоже верхами нам ныне,  
А будет нам в самую пору,  
Коль вы нас к порогу княгини  
В ладье на руках отнесете –  
И выйдет по вашей охоте!»  
С тем Ольга гостей отпускала,  
Но только древляне сокрылись,  
К себе она слуг созывала,  
И слуги толпою явились.  
Тут Ольга их всех оглядела  
И, гневно нахмурясь, велела,  
Чтоб вырыли яму широку,  
Велику бы яму, глубоко  
На темном теремном дворе,  
Да чтобы успели к заре.  
Не в небе заря разгоралась –  
То кровью земля умывалась,  
Не солнце на волнах алело –  
То алое пламя кипело;  
И пали на травы не росы –  
А слезы, горючие слезы, –  
Как слуги княгини явились  
И земно гостям поклонились.  
«Для чести великой княгиня  
К себе призывает». – «Ну, что же, –  
Ответили гости, – но ныне  
Пешком нам тащиться негоже.  
Негоже нам ехать верхами,  
А будет нам, сватам, по чести,  
Коль вы нас своими руками  
В ладье отнесете к невесте».

На то киевляне вздохнули:  
«Неволя нам! Нет у нас князя».  
Вздохнули и в воду шагнули,  
Приподняли лодку из грязи  
(Нести-то далёко-далече!)  
Да, охнув, взвалили на плечи.  
И в гору пошли, спотыкаясь,  
Тропинкой осклизлою, трудной.  
Древляне ж, весьма величаясь,  
В сияющих бляхах нагрудных  
В ладье, избоченясь, сидели  
И гордо на встречных глядели:  
Мол, зрите! Несут нас к невесте!  
Но тут донесли их и вместе  
С ладьей крутобокою прямо  
Свалили в глубокую яму.  
Уж сколько бы ни было брато,  
Да вдвое дороже расплата!  
Уж как бы ни сладко веселье,  
Да втрое тяжеле похмелье!  
Тут Ольга к гостям подступила  
И сверху с усмешкой спросила:  
«Ну, как вам от княжеской чести?  
Довольны ли добрые гости?»  
Они ж отвечали ей: «Смерти  
Нам Игоря – честь твоя горше!»  
Княгиня махнула рукою:  
«Живьем их засыпать землею!  
(Ты мною доволен ли, муже?)»  
И яму засыпали тут же,  
До самых краев завалили  
И крепко ногами прибили  
На черную муку древлянам,  
На шутки и смех киевлянам.

Во тризну о мертвом владыке,  
Во славу княгини великой!  
Мне скажет читатель: к чему же  
Ты вспомнил историю эту?  
Побасок нам старых не нужно,  
Поскольку морали в них нету.  
Не знаю, не знаю, но только  
Все снится и снится мне Ольга,  
Что стала Еленой потом  
В столице царя Константина.  
Но это иная былина,  
И речь в ней уже об ином!..

1980

\* \* \*

Растаял снег. В саду ручей струится.  
Промыла синь небесную весна.  
А все душе неведомое снится,  
Все не прервать ей тягостного сна.

Наоборот, когда все расцветает,  
Когда весь мир сдержать не может пыл,  
Она еще мучительней страдает,  
Боясь, чтоб он ее не разбудил.

О бедная душа! Как ты глубоко,  
Как страстно ты все хочешь позабыть.  
И только жаждешь рокового срока,  
Не в силах ожиданья пережить.

1980

\* \* \*

Стужи дыханье, на окнах испарина,  
Ветер колотится в дверь.  
Много напутано, мало исправлено –  
Что же мне делать теперь?

Мало исправлено, много напутано!  
Господи! Боль отпусти!  
Дай же мне выйти из сумрака мутного  
Хоть на исходе пути.

Пусть не лучами весеннего солнышка –  
Молнией с небом свяжи!  
Лишь бы она просветила до доньшка  
Темную воду души!

1980



\* \* \*

Ветер дальнего юга  
Улицею прошел.  
Стало тепло и сухо,  
Пыльно и хорошо.

Снова дождавшись лета,  
В зелень ушли дома.  
Запах земли прогретой  
Сводит меня с ума.

Вспыхнули в чаще сада  
Желтым огнем цветы.  
Много ль для счастья надо,  
Ежели счастлив ты?

Много ли надо горя,  
Чтобы в глаза взглянуть  
Ворону на заборе,  
Выпятившему грудь?

Солнце лучом вишневым  
Блещет в его пере.  
Нежный жених, о чем нам?..  
Не о любви ж теперь?

Юность ее отпела,  
Крыльями мельтеша.  
Слишком тяжелым тело  
Стало тебе, душа!

1980

\* \* \*

Все, что ночью душною бормочется,  
Все, что шепчут ветер и трава,  
Запишу, но так, как мне захочется,  
Изменив их мысли и слова.

Сам в строке расставлю ударения.  
Умолчу о чем-то, о другом  
Доскажу – и вот стихотворение  
Собственным рассыплется дождем.

Стар я стал, чтоб петь с чужого голоса,  
В чье-то эхо превращая стих.  
Не хочу, чтоб ужас тронул волосы  
На висках читателей моих.

Хватит им своей заботы. Знаю я,  
Чем чревата нынче для души  
Эта песня вкрадчивая, старая,  
Что поют над речкой камыши.

Разошлись давно мы, разбежались.  
К ним прийти – себя не уберечь.  
Слава Богу, не имеет жалости  
В формулы отлившаяся речь.

Слава Богу, что пока не слушаешь,  
То не слышишь ветрянную дрожь  
И живешь еще – пускай не лучшею  
Жизнию – а все-таки живешь.

1980

\* \* \*

Высокие травы, густая малина, цветущая слива,  
И ветер летучий, и тучи, и пыль на углу –  
Тяжелой волною, последней волною, волною отлива  
Уносит меня в грозовую, в зеленую мглу.  
Уносит, несет вместе с домом и старым забором,  
Цветами, рассадой, кустами седой лебеды –  
В сумятицу молний, на отзвук глухой разговора,  
Бегущего грома и пляшущих капель воды.  
Постой, погоди! Мне подслушивать слов их не надо,  
Они без меня на земле отпечатают след,  
Они без меня прорастут среди буйного сада –  
Так что ж, что нужны они мне, –

если б я им был нужен...  
Да нет.

К чему им теперь этот груз неживого сознанья –  
Ушедшего брата уже не узнает сестра!  
Есть гордость в паденье – она не приемлет свиданья,  
Где стыд лишь и горечь – да будет разлука светла!  
Да будет светла! Пусть, встречаясь, лицо закрываю,  
Пусть взгляд отвожу, чтоб она не сумела признать!  
Пусть плачу, и плачу, и плачу – и не понимаю,  
Чем жить мне теперь! – пусть мучительно плачу опять.

1980

\* \* \*

Были порывы,  
Да пыл поугас...

Русла обрывы,  
Рыжая грязь.

Пахнет грибами  
Мшистый откос.

Тянет из ямы  
Гнилью берез.

Синее небо,  
Ива в реке...

Жизнь моя – хлеба  
Крохи в руке.

1980

\* \* \*

Зима ручьями унесла  
Свои снега.  
Сквозная ранняя весна  
Еще тиха.  
Сухая грязная трава,  
Следы колес.  
И слабо брезжит синева  
В ветвях берез.  
Слегка морозный воздух сыр,  
Пусты луга.  
И жизнь опять, как этот мир,  
Бедна, нага!..

1980

\* \* \*

В пору ту лениво-золотую,  
Как из яблок сладкий брызжет сок,  
От летящих листьев-поцелуев  
Зачался у женщины сынок.

В бархатной утробе, в мягком пухе  
Прорастал, как в поле семена,  
Под ворчанье времени-старухи,  
Под напев ее веретена.

И кудель клубилась голубая –  
Млечный Путь, свиваемый в тиши, –  
От ворот сияющего рая  
До его младенческой души.

Рдяный мир судеб еще незрячих,  
Мыслью не встревоженный покой –  
Первый шаг из вечности горячей  
В вечности преддверие иной.

Что узнает там он, что забудет?  
О, постой! не надо ничего!  
Как он горек – крик! – которым люди,  
В мир входя, приветствуют его!

Как бесцельно шепчет, как напрасно  
Мать ребенка: что ты! я с тобой!  
Он лежит – неумолимо ясно, –  
Он уже уводит – путь земной.

Он ведет дорогой, бездорожьем,  
Одного и с толпами людей –  
Зимней стужей, мартовскою дрожью,  
Юностью и зрелостью твоей.

Он теряет след в колючей чаще,  
Он поземкой вьется по полям,  
Он проходит городом гремящим  
По задворкам и по площадям.

Сквозь грозы тяжелые раскаты,  
Сквозь разлуки, жалобы и стон,  
От утраты до другой утраты  
Равнодушно пролегает он!

Не давая снисхожденья плоти –  
Все вперед – и дальше, и вперед! –  
Чтоб душа в его железном соте  
Загустела в драгоценный мед.

1980

\* \* \*

Этот мир в его основе,  
Где с тобой нам вышло жить,  
Никогда мне, право слово,  
Не хотелось изменить.  
Как бы ни было нам горько,  
Сердцем верил горячо,  
Что и тьма темна постольку,  
Есть поскольку свет еще;  
Что мучительное горе –  
Тоже счастье – и одной  
Их несет на берег море  
Набегающей волной.

Их слиянье нераздельно –  
Так зачем же ты опять  
И напрасно, и бесцельно  
Их пытаешься разъять?  
Неотъемлем смех от стона,  
И прекрасен без прикрас  
Мир, где слезы Антигоны –  
Слезы радости для нас;  
Где не знаем мы, страдая,  
О страданиях своих,  
Что, быть может, жизнь иная  
Обретет опору в них.

1980

\* \* \*

*И. Ф.*

Себя преодолеть, в себе найти опору  
Смогу ли я? Бог весть... В сырой не виден мгле  
Ни сад, ни огород... В глухую ль эту пору  
О листьях горевать и думать о тепле?  
Дожить бы как-нибудь... Дожить? А разве стоит?  
Уж, видно, стоит, брат, коль горько – а живешь,  
Как этот сад, как пес, что заунывно воет,  
Изябнув в конуре, – и все чего-то ждешь.

Все ждешь: наступит день и будет солнце снова  
Горящее, как медь, и душное, как мед;  
Вдохнет просторно грудь и к слову встанет слово,  
И речь издалека далёко уведет.  
И прежняя любовь придет к тебе и страстно  
Откроет губы – горькие, как дым, –  
И запоет, что жизнь всегда прекрасна,  
Что радость мы, как смерть, не избежим.

Пой, нежная! Ведь истинное чудо  
Не в том ли есть, что, вопреки мечте,  
За счастьем горе ждет, что мы все те же будем  
В гремящей славе, в тихой нищете, –  
Что все, что будет, – есть уже! – и ветер  
Один несет и зной, и холода,  
Что те же листья, оставляя ветви,  
Взойдут на них, исчезнув без следа.

1980

\* \* \*

С умытых лип струящаяся свежесть,  
Скрип тормозов и скрежет на шоссе.  
Да! Нет любви. Есть только страсть и нежность!  
Огонь в крови и холодок в душе.

Есть две сестры с туманными глазами.  
Я их встречал на улицах в Орле.  
Весенними сырыми вечерами  
Они порой маячили во мгле.

Одну я знал тогда. Другой не знаю  
И посеючас. Но знаю, что придет  
Еще пора – и в бледный сумрак мая  
Она походкой легкою войдет.

Она войдет на краткий миг последний,  
Стряхнет с плаща холодную росу,  
Вино достанет – и, в ее колени  
Упав лицом, я стихну и усну.

1980

\* \* \*

На свете счастья нет...

*А. С. Пушкин*

Нет счастья, это так! Но радость есть, я знаю.  
Прожить бы эту ночь – и я дождусь ее.  
О, как я мал и слаб, когда я засыпаю,  
Как тело холодит мне чистое белье...  
Как мучится душа в какой-то муке страстной,  
Как быстро и легко шумят в крови миры,  
И влажно бормоча, несут, уносят властно  
Во мглу безвольный ум пологие валы.  
Последний свет погас. И только тьма забвенья...  
Да я ли это здесь? Ну, кто расскажет мне?  
Как черепки в горсти, обломки сновиденья,  
Что память наугад нащупает на дне.  
Из них не соберешь ни амфоры, ни чаши.  
Но надо ль собирать? Не лучше ли забыть?  
Как забываем мы ночные мысли наши,  
Встречая новый день, и продолжаем жить.  
Нет! Счастья в мире нет! Неполнота ущербна.  
Но радость есть еще! Она приходит вдруг,  
Когда зажжет весна на розоватых вербах  
Серебряно-сырой, густой и нежный пух.  
Прожить бы эту ночь. Прожить бы эти ночи.  
Не оглянись назад! Не оглянись назад!  
Иди сквозь сон, сквозь мрак –  
  пусть из последней мочи:  
Там на рассвете ждет в листве зеленой сад.  
Пускай он облетит. Пускай мы облетаем.  
Пусть путь у нас лежит – и труден, и непрям,  
Пусть в страхе и в слезах порой мы засыпаем...  
Но в радости еще дано проснуться нам.

1981

## МЕСЯЦЕСЛОВ

I

В доме свечки мерцают на ели,  
Запах хвои плывет и смолы.  
От дыханья январской метели  
Запотевшие окна белы.

День скользнет, как с накатанной горки,  
Сумрак ночи и долог, и жгуч;  
Но красней мандариновой корки  
Ненароком пробившийся луч.

Пусть гудит и гудит непогода;  
Только стихнет сумятица бурь –  
Втрое ярче небесного свода  
Ледяная сырая лазурь.

Месяц просинец, года начало,  
Середина суровой зимы!  
Как стоят высоко и печально  
Над домами густые дымы;

Как легки, как пронзительно сини  
Тени тонких ракитовых лоз;  
Как блестит распушившийся иней  
На опущенных ветках берез!

Как лежит, ничего не скрывая,  
Эта снежная даль впереди!  
Как кричу я тебе, догоняя:  
«Ну, куда ж ты? Постой! Погоди!»

Как в ответ ты смеешься счастливо,  
Обернувшись ко мне на бегу,  
Как сверкает твой след торопливый  
На нетронутом прежде снегу!

Как глаза твои темны от света,  
Как нежна их медовая глубь!  
Как свежи от студеного ветра,  
Как невинны касания губ!

II

Вьюжной ночью закутавши плечи  
И зарю разметав в синеве,  
Он идет – и лукав, и беспечен! –  
Без царя в молодой голове.

Ни любви не тая, ни печали,  
Он трубит в ледяную трубу,  
Прославляя в заснеженной дали  
Лисьи свадьбы да волчью гульбу.

То повалится в снег для забавы –  
Видишь, там, где нахмурился дуб,  
Возле комля оттаяли травы  
От дыханья мальчишеских губ.

То затеет иную потеху,  
Января обернувшись лютей,  
Так что в страхе дрожит под застрехой  
И ни жив и ни мертв воробей.

Пригоняет ветра-буреломы  
И крушит, обезумевши, лес,  
Необъятные глазом хоромы  
Воздвигая до самых небес.

Вдруг устав от сумятицы этой  
И – смеясь беззаботно в душе, –  
Пригрозивши остаться до лета,  
Через миг распростится уже.

Постоит, посвистит на пороге  
И, тулуп распахнув на груди,

Убежит, второпях по дороге  
Растерявши последние дни.

Видишь, след его валенок тает?..  
Ну, так что ж ты молчишь? Не грусти!  
Пусть уходит. Весна наступает.  
Нас прекрасная жизнь ожидает.  
Мы еще и не жили почти!

III

Осыпаются с шишки еловой  
Семена на высокий сугроб.  
Пьет простор голубой и лиловый  
Негорячее солнце взахлеб.

Серебрится печальница верба,  
На холмах обнажилась трава,  
От сырого, от свежего ветра  
Словно кругом идет голова.

Ветви лип и берез покраснели,  
У осин зеленее кора.  
Уж с неделю грачи прилетели,  
Уж скворцы возвратились вчера.

Свист овсянки и нежен, и ломок,  
Громче дятел стучит по стволу.  
Потемнел, оседая, проселок,  
Через поле ведущий к селу.

Март нежданный! Предвестие лета!  
Как колеблется, тонко звеня,  
Равновесие мрака и света,  
Равновесие ночи и дня.

Синий пар подсыхающей крыши,  
И стесненье, и легкость в груди...

Просыпайся, любимая, – слышишь? –  
Поскорее в окно погляди!

Погляди на пространства земные,  
Улыбнись неизвестно кому!  
Пусть сверкают лучи золотые,  
Прикасаясь к лицу твоему!

Пусть горит в волосах твоих темных,  
Словно мед, собирающих тень,  
Искупавшийся в водах студеных  
Этот юный и ветреный день!..

#### IV

Вновь снега́ отряхает природа,  
Вновь надолго забыта метель.  
Ледохода пора, ледохода –  
По оврагам бушует апрель.

Вешний путь нам – уже не дорога,  
По колено утонешь – беда!  
Подступает почти до порога,  
Широко разливаясь, вода.

Всюду мусор: сухие иголки,  
Птичий пух, дровяная кора...  
Но зато как пленительно-долги,  
Как легки и свежи вечера!

Как искристы и радостны зори,  
Как теплы и приветливы дни!  
Сколько ясного неба и воли,  
Сколько света в прозрачной тени!

Доберемся в обход до опушки,  
Перейдем через голый лесок.  
Как дрожит в приготовленной кружке  
Золотистый березовый сок!

Зреет тишь над землею согретой,  
Все сильнее печет с высоты.  
Зацвели на прогалине светлой  
Медуницы душистой цветы.

И, ведя меж собой разговоры,  
Уловив ее запах вдали,  
К ней летят торопливые пчелы,  
К ней мохнатые мчатся шмели.

И стоит она, шею склоняя,  
Горделиво потупивши взор,  
Словно в доме родном – молодая  
Меж своих незамужних сестер!

#### V

Здравствуй, май! Веселый месяц года!  
Пусть опять вернулись холода,  
Но душе, почувшавшей свободу,  
Это горе, право, не беда!

Не беда ей – яростные грозы,  
Хмарь сырой ненастной высоты.  
Все равно на ветках у березы  
Распустились первые листы.

Все равно у рыжего обрыва,  
Где гудит стремительно ручей,  
Зацвела надломленная ива,  
Свесивши сережки до плечей.

Пусть тепло на время отступило,  
Но минует день, другой – и вот! –  
Яркое горячее светило  
На промытый выйдет небосвод.

Май идет пронзительно-зеленым  
Неизмятым бархатом травы.



Режут крылья ласточек со звоном  
Шелк тугой от ветра синева.

Вся земля весенняя стремится  
Расцвести для будущих плодов, –  
Уж потомство вывели лисицы,  
Потеснивши в норах барсуков.

Уж птенцы проклюнулись наружу,  
Жадные распахивая рты.  
На кусте на каждом, в каждой луже –  
Всюду обновления черты.

Так взгляни ж на них без сожаленья, –  
Что стоишь, замешкав, у крыльца? –  
Смерти нет, как не было рожденья,  
Только жизнь без края и конца!

#### VI

Зацветает шиповник – ну, что же! –  
Теплый ветер приносится с юга,  
День стоит молодой и погожий  
Посредине цветущего луга.

Золотистое облако света  
Не качнется на перьях осоки.  
Первый месяц горячего лета –  
Синий взгляд и румяные щеки!

Как к лицу тебе краткие грозы,  
Как к лицу тебе долгие зори!  
Загорелись кукушкины слезы  
У опушки и на косогоре.

Распустилась фиалка лесная,  
Луговые раскрылись герани.  
От пурпурных кистей иван-чая  
Сладкий запах плывет по поляне.

Солнце дремлет, прикрывши ресницы,  
Небо ясно, до ночи далече.  
И текучее пламя струится  
На твои загорелые плечи.

И опять ощущение такое,  
Словно жить нам и жить не старея,  
Словно мы заблудились с тобою  
В заповедном лесу Берендея!..

#### VII

Созревает черника – устало  
Провисает, от сока пьяна.  
В перелесках уже запылала,  
Словно лешего кровь, бузина.

Радость птичья – и посвист, и щебет!  
Знойный полдень слоист, как слюда.  
В желтых омотах сумрачно дремлет,  
Все сильнее зацветая, вода.

Сколько ряски, росянок, осоки!  
Гуще терна поднялся осот!  
И стоит над землею – высокий! –  
В небольших облаках – небосвод.

Месяц ласковый – макушка лета! –  
В этом душном лесу мы одни.  
До краев переполнены светом,  
Словно ведра – горячие дни.

Погоди! не качни их, не надо.  
Пусть дрожат, не сгибая травы.  
Дай напитокя влюбленному взгляду  
Золоченой твоей синева.

Дай послушать трещотку сороки,  
Не щадящей стыдливость ничью.

Дай еще постоять у дороги,  
К твоему прислонившись плечу!..

### VIII

Взгляд спокойней, уверенней голос, –  
Мы минули вершину горы.  
Но довольный стоит гладиолус,  
И рудбекий пылают шары.

Ты уже не смеешься наивно,  
Ты не просишь меня ни о чем!..  
Но багровы, как страсть, георгины,  
И настурции пышут огнем.

Обратим же печаль свою в шутку! –  
В созревании нету беды!  
Хочешь, срежу бузинную дудку,  
Просвищу на любые лады?

Улетают стрижи и кукушки,  
Но стоит над полями теплынь.  
И пылит возле самой опушки  
Голубою пыльцою полынь.

Не жалеи! – эта жалость нелепа! –  
Ни листвы пожелтевшей, ни нас.  
Не земля нас вскормила, а небо –  
Ну, а небо прекрасно сейчас!

Пусть под вечер становится сыро,  
Пусть прохладна лиловая мгла, –  
Как сверкает алмазная Лира,  
Как созвездие ярко Орла!

С крепким медом граненая чарка! –  
Не томись, не печаль головы, –  
Подымай за узор полушалка  
На плечах подгулявшей вдовы!

Подымай, как когда-то хотелось,  
И глотком осуши до конца  
За Любовь, за нежданную зрелость,  
За бесстыдный румянец лица!

### IX

На земле белеет паутина...  
Ну, и что ж, и ладно! – не грусти.  
Снова жаром вспыхнула рябина  
И грибов в лесу – не унести!

Каждый час вдвойне теперь дороже.  
Нам пора, любимая моя,  
Поспешим! На вырубке заросшей  
Ждет опят осенних толчея.

Вон, у пня, где перепел кружится,  
Их скрывает мокрая трава.  
Стоит на колени опуститься –  
И до верха полны кузова.

Как грибы и свежи, и пахучи,  
Как горят от росного огня!  
Ничего на свете нету лучше  
Вот такого ласкового дня.

Даже солнце неподвижно, словно  
В небесах задумалось сейчас.  
И струится медленно и сонно  
Время, обтекающее нас.

И, в него ладони погружая,  
Мы идем – беспечные! – туда,  
Где от нас, за елями мелькая,  
Наша жизнь уходит навсегда.

Что же, пусть! Чем меньше нам осталось  
Этих дней, тем ярче небосклон,

Тем милее знойная усталость,  
Крепкий обещающая сон!..

X

Еще легко течет река,  
Но все темней вода,  
Еще не холодно пока,  
Но близко холода.

Стоит осина, на весу  
Держа последний лист.  
В недавно солнечном лесу  
Промытый воздух мглист.

Уже умчались журавли,  
Уходит коростель.  
Уже насупилась вдали  
Раскидистая ель.

Пускай сейчас еще синей  
Ее густой наряд.  
Но даже ей, но даже ей  
Не нужен снегопад.

Увы, от тягостных потерь  
Назад не повернуть.  
Ну, что же, лес, давай теперь  
Простимся как-нибудь.

Пора расстаться. Хватит нам  
Бродить в тиши полян.  
Все гуще будет по утрам  
Их укрывать туман.

И скоро около воды,  
Где задержались мы,  
Засыплет легкие следы  
Колочий снег зимы.

Никто не скажет, что нас ждет.  
Ты слышишь? – отзовись!  
Прощай на миг, прощай на год,  
А может быть, на жизнь!..

XI

Облетели заросли малины –  
Значит, скоро плотно ляжет снег.  
И густы, и тягостно пустынно  
Воды замерзающие рек.

Ледостава время, ледостава! –  
Свищет ветер в зябком камыше.  
Хоть налево глянешь, хоть направо –  
Ничего не вымотришь уже!

Только небо с дымными клоками  
Облаков – да черные поля.  
Как гремит железом под ногами  
Сизая морозная земля.

Как ноябрьский вечер хмур и долог,  
Как звенят надрывно провода!  
В мраке исчезающий проселок  
Не ведет, пожалуй, никуда!

Впрочем, нет! Вон что-то показалось!  
Скаты крыш чернеются вдали!  
Что же, сбрось дорожную усталость,  
Вот и мы, любимая, дошли.

Старый дом с горячей печкой русской, –  
Пусть в саду и пусто, и темно –  
Собери, не мешкая, закуску  
Да задерни шторой окно!

Не молчи! Ну, улыбнись мне тоже!  
Говори! От страхов уберечь

Этой ночью сумрачною может  
Только человеческая речь.

Только человеческое слово,  
Только слово – и оно одно! –  
Возвращает снова нам и снова  
То, чему вернуться не дано!..

## ХИ

Опускаются сумерки рано,  
Тяжелеют сугробы в саду.  
Здравствуй, месяц ветров да буранов,  
Самый сумрачный месяц в году!

Он приходит к нам зол да недужен,  
Он ворчит, равнодушен и груб!  
От колючей пронзительной стужи  
Оседает дыханье у губ.

Не вдохнуть и не выдохнуть вольно.  
Никнет все – лишь вдали, на лугу,  
До небес поднялась колокольня,  
По колени в сыпучем снегу.

Да и та здесь давно отзвенела  
И уже не ударит, как встарь,  
Лишь глядит и глядит онемело  
На декабрьскую белую хмарь.

Разве нам отогреть эти дали,  
Этот лес заметенный и лог?  
Ну, да хватит никчемной печали,  
Сожалений пустых и тревог.

Ведь и эти унылые чащи  
Изнывали когда-то в цвету!  
Что с того, что мгновения наши,  
Замерзая, звенят на лету!

Хватит их, чтоб подсыпать синицам  
Золотого в кормушку пшена,  
Хватит их, чтоб достойно проститься,  
Чтоб еще постоять у окна.

Хватит их, чтобы, слушая вьюгу,  
Под ее нескончаемый вой,  
Нам понять, как нужны мы друг другу  
На земле этой были с тобой!..

1981

\* \* \*

Лист кувыркком пронесется по площади,  
Ляжет у ног – золотой.  
Чайная. Лошадь с телегой. У лошади  
Пар из ноздрей завитой.

Кажется, Болхов! А может, Нарышкино?  
Залегощь? Кромы? Колпна?  
В сизый закат уходящими крышами  
Зябкая память полна.

Что же, шепчи мне все нежности, дурости,  
Стужей беснежной укрой.  
Слаще портвейна, что пили мы в юности,  
Холод свиданья с тобой.

Вот он – проулок, в суглинок которого  
Вмерзли следы от колес.  
Страстную жаждой успеха дешевого  
Пахнет лиловый навоз.

Где вы, красавицы, в шубках потрепанных? –  
Лед в колеях, как слюда! –  
В ваших браслетах, в накрученных локонах –  
Что нас прельщало тогда?

Дронников Витя и Вова Авраменко,  
Зайченко Владик – увы! –  
Юности нашей глухая окраина,  
Мерзлые перья травы!..

1981

\* \* \*

Молчи, молчи!.. Я не могу молчать!  
Небесный свод нужней земного крова.  
Ведь нам равно придется отвечать  
За немоту и сказанное слово.

Ведь наша мысль не нам принадлежит!  
Ее ли путь ты ограничишь вехой?  
Я говорю с тобою, но дрожит,  
По всей земле раскатываясь, эхо!

Ты слышишь гул? Ты слышишь этот гул?  
Везде и всюду повторяют то же!  
Пускай Москва оспорит и Стамбул! –  
С восторгом примут Дели и Воронеж!

Весь мир горит на кончике луча!  
Душе ль страшны шлагбаумы границы? –  
Ничей испуг и ненависть ничья  
Не зачеркнут исписанной страницы!

Я говорю! Я повторяю вновь!  
И снова повторяю я, и снова:  
Пространства нет! Есть время и любовь –  
Насущное рождающие слово!

1981

\* \* \*

Перелесок невзрачный, низина;  
Пожелтевшей листвы кутерьма.  
Слишком много в полях паутины –  
Ох, и лютая будет зима!

Ну, да что нам из этого? В поле  
Наше дело не выгонит нас.  
Хватит сердцу и собственной боли,  
Чтоб чужою томиться сейчас.

Пусть заносит, пускай заметает,  
Пусть морозом палит горячо!  
Каждый сам за себя отвечает,  
Как умеет, как может еще!

В старом доме теплы батареи –  
Что с того, что за окнами снег? –  
Мы давно уже всех отжалели,  
Мы давно уж отплакали всех.

Ожиданья, стремления, цели,  
Суматоха надежд и потерь! –  
Эту песню с тобою мы спели –  
Начинать не с начала ж теперь!

Старый пруд, побуревшая тина,  
На откосе сухая трава.  
Лучше с плеч обери паутину  
Да иголки стряхни с рукава.

Хватит, хватит пустого надрыва!  
По душе ли нам, не по душе –  
Лучше всё позабыть терпеливо,  
Как не раз забывали уже!..

1981

\* \* \*

Мне снятся мертвые друзья  
Уже какую ночь.  
Но если в этой жизни я  
И мог бы им помочь,  
То там, где их скрывает темь, –  
Забывшийся во сне, –  
Зачем я нужен им? Зачем  
Идут они ко мне?  
Зачем они, потупив взгляд,  
Присев в моих ногах,  
Со мной беспечно говорят  
О прежних пустяках;  
Твердят мне с жаром молодым  
До самого утра  
О том, о чем давно бы им,  
Как мне, забыть пора?

Как мне поверить, что они  
Сквозь дали и года  
Лишь для бесцельной болтовни  
Являются сюда?  
Иль правда то, что до сих пор  
Я отгонял, как мог, –  
И этот легкий разговор –  
Их ласковый намек?  
Намек на то, что даже там,  
Где все они сейчас,  
Никто не помогает нам  
Избавиться от нас;  
Что и за крайнюю чертой,  
От ужаса дрожа,  
Наедине сама с собой  
Не может быть душа?

1981

\* \* \*

Куда мы торопимся? Кто нас  
Уносит?.. Остаться?.. Не смею!  
Съедает прожорливый Кронос  
Детей обезумевшей Реи.

Ты слышишь ли отзвук погони  
Дождей, дребезжащих о крыши?  
Взгляни мне в лицо и запомни –  
Ты больше его не увидишь.

Запомни усталые руки,  
И губы запомни, и плечи.  
Свиданье – начало разлуки,  
Не «здравствуй» шепчу я при встрече.

«Прощай...» – я шепчу тебе тихо.  
Ведь всё непрозрачнее воды  
За мигот летящего мига,  
За годом идущего года.

1981

## МУЗА

Что ж ты, алея от гнева,  
Снова кружишь надо мной,  
Требуя, чтобы напевы  
Я повторял за тобой,  
Если небесные звуки,  
Словно забыть их спеша,  
В песню разлада и муки  
Переливает душа?

Иль оттого, что поется  
Глухо в просторах земных,  
Только ясней превосходства  
Чистых мелодий твоих?

1981

## СТРОИТЕЛЬ КОРАБЛЯ

Пока ты рубил кормило,  
Пока собирал шпангоут, –  
На месте, где море было,  
Бескрайний поднялся город.

Покуда, не глядя в небо,  
Крепил ты обшивку трюма, –  
И город исчез – как не был! –  
Песком занесен самума.

Когда же, поставив реи,  
Вокруг ты взглянул устало, –  
И ветер соленый реял,  
И море у ног лежало.

*1981*

## ХУДОЖНИК

Цветущая ширь долины  
И храм на горе лесистой –  
Готова уже картина,  
Художник отложит кисти.

Прощайте, труды земные!  
Прощайте, друзья, до срока! –  
Уводит в края иные  
Им созданная дорога.

Едва опершись о раму,  
Спокойно войдет в картину.  
К горящему в солнце храму  
Пройдет через всю долину.

Взойдет на кругую гору;  
Уж видимый еле-еле,  
Шагнет в глубину притвора  
И тихо откроет двери.

*1981*



\* \* \*

Поезд промчится в рыданиях и в грохоте,  
Мост над рекою дрожит.  
Запах железа, мазута и копоти  
Медленно тает во ржи.

Бродит петух у пустынной околицы,  
Даль синевой залита.  
Старая церковь с разрушенной звонницей,  
С крышею, но без креста.

Что же тебе не по нраву здесь – вижу я! –  
Ну, отвечай, не таи! –  
Эта ли насыпь высокая рыжая,  
Звон ли стальной колеи?

Брось! Все идет, как тому и положено,  
Все, как и должно, поверь! –  
Те ли мы видели ломку да крошево,  
Чтобы бояться теперь!

Что из того, что литыми копытами  
Годы прошли, как стада? –  
Вновь поднимаются травы прибитые,  
Вновь отстоялась вода.

Здесь над полями, над низкими избами  
Ветер гудит горячо.  
Званых немало, а много ли избранных?  
Были! И будут еще!

Или любовь наша к Родине смеряна,  
Взвешена вся до конца?  
Нет! Ни безверия дни, ни безвременья  
Ей не затмили лица!

Не говори мне, что церковь разрушена,  
Что не вернуть ничего! –  
Истинный храм создается душами,  
Каждый! – строитель его.

1981

\* \* \*

Люблю ли? Не знаю, не знаю...  
Кто скажет, что значит любить?  
Я просто тебя вспоминаю –  
И нечем, и незачем жить.

Я просто тебя вспоминаю,  
Как не вспоминал никого.  
И мучусь, и не понимаю,  
Когда же, зачем, для чего

Все спуталось так, все смешалось –  
И ревность, и зависть, и злость,  
И нежность твоя, и усталость  
Моя – и в дыханье слилось?

В дыханье двойном нашем – тише! –  
Как в сумраке этом сейчас, –  
Ты слышишь? ты слышишь? ты слышишь?  
Сгущается время для нас!

И голос с прощальной лаской  
Читает, читает без сна  
Нам книгу, в которой развязка  
На первой странице ясна.

1982

\* \* \*

Ничего не осталось в душе,  
Выжгло все, как в нашествие врага.  
Как давно мои руки уже  
В дрожь бросает от каждого пороха.  
Что имел – не скупясь! – раздарил,  
Для друзей и приятелей выставил! –  
Думал: все уже, кончился пыл,  
Скоро рухну!.. Ан на ж тебе, выстоял!  
Как же дальше мне жить на земле?  
Где ж теперь собирать, что потеряно?  
В этих углях остывших, в золе –  
Что по белому свету развеяна?..

1982

\* \* \*

*Е. Шмидту*

Право, и слезы уже не прольются;  
Пусть уезжают и пусть не вернуться! –  
Вот и последние – нежные! – рвутся,  
Соединявшие нас  
В гуле пространства и времени – нити!  
Я не сужу вас за то, что бежите  
В этот мучительный час,  
В страхе невольном боясь оглянуться,  
Вы от земли, где стенают и бьются! –  
Хватит и тех, что на ней остаются,  
Чтоб расплатиться за вас!

1982

\* \* \*

Этих дней мятущаяся толочь,  
Эти губы, сжатые от боли! –  
Если вечно что, так только горечь  
Памяти морозной – и не боле!

Если вечно что, так только сила  
Той волны, что носит нас и крутит!  
Разве мы забудем то, что было?  
Разве сбережем мы то, что будет?

И напрасно плачешь ты, не веря,  
От тоски и ярости немея!  
Как бы горьки ни были потери,  
Обретенья вынести труднее!

И зачем рукой бессильно машешь?  
Ведь давно с тобою понимаем:  
То, что мы нашли, – еще не наше,  
Наше только то, что потеряем!

1982

### ЕЩЕ РАЗ

Теплый дождь прошел по крыше,  
Спрыгнул на отлив,  
Пробежал по листьям вишен,  
Яблонь, груш и слив.

Прошумев, скосил на лето  
Миллионы глаз.  
Сколько раз я видел это,  
Сколько слышал раз!

Мне давно уже понятно  
Стало за года  
Все, что шепчет он невнятно,  
Приходя сюда.

Слабый шелест, слабый шорох,  
Свет, ушедший в тень.  
Отчего ж так снова дорог  
Этот серый день,

Эти мокрые растенья,  
Капли на окне;  
Отчего ж от повторенья  
Все острее во мне

Эта нежность узнаванья  
Каждой малости,  
Эта радость ожиданья  
Прежней радости?..

1982

\* \* \*

Давно померкла синева,  
Лишь мгла лиловая клубится.  
Шумит незримая трава,  
Поет невидимая птица.  
И трели падают, звеня,  
И шум струится по-над садом.  
Они живут не для меня,  
И хорошо, и так и надо.  
Ведь, значит, если я уйду –  
А я уйду через минуту! –  
То все, что есть сейчас в саду,  
Как есть, останется кому-то.

1984

## В ЗООПАРКЕ

А все-таки жизнь хороша  
Уж тем, что сменяются лица, –  
Мне нынче шепнула лисица,  
В морозную сетку дыша.

Я молча кивнул ей в ответ,  
Проткнув сквозь стальные сплетенья  
Мной купленный в честь воскресенья  
За тридцать копеек билет.

И тут же укрыла в зрачке  
Она промелькнувшую похоть,  
Узнав в этом смятом клочке  
Убитого дерева ноготь.

1984

\* \* \*

Счастье грядущее, боль миновавшая,  
Жизни безудержный пир! –  
Где же ты, сердце, всегда принимавшее  
С жадною радостью мир?

Да неужели так много ты вынесло  
В страстном круженье земном?  
Да неужели настолько ты выросло,  
Что не вмещаешься в нем?

1984

\* \* \*

Как ты любишь рассуждать,  
Как внушаешь громогласно,  
Что должны мы ожидать  
К нам пришельцев ежечасно!  
Что в неведомые дни  
Ими созданы мы сами;  
Что века уже они  
Кружат в космосе над нами!  
Что ж, мечты и есть мечты! –  
Но скажи: и впрямь ли веришь,  
Что при встрече сможешь ты  
Больше взять, чем сам имеешь?  
На какую ж мысль от них  
Ты ответа ожидаешь,  
Что и дум и дел земных  
Тяжкий опыт отвергаешь?  
Что в тебе самих миров  
Полуночное сиянье  
Не родит ни страстных слов,  
Ни высокого молчанья?

. . . . .  
. . . . .

1984

## ВОСТОЧНЫЙ МОТИВ

В дивном море бытия  
Воля – парус, жизнь – ладья.  
Страсть – туман, любовь – маяк,  
Что лучом прорезал мрак.  
Совесьть – лощия, компас –  
Горький стыд, что мучит нас.  
Грех наш – мель, а дух живой –  
Кормчий, правящий ладьей.  
Лишь одно не знаю я:  
Кто же ты – душа моя?

1984

\* \* \*

С той поры прошло немало дней:  
За дождями осени, метелями  
Зимними – примчалась на коне  
Юная весна, звеня капелями.

И былые мысли о тебе  
Потеряли остроту – и горечи  
Стало меньше в них. В пустой избе  
Я проснулся вдруг в ненастной полночи.

Все, в чем пред тобою виноват  
Прежде был, – простил тебе до точки.  
И, набросив куртку, вышел в сад,  
Набухавший жадно каждой почкой.

И всю жизнь свою припомнив вновь,  
Как же рад я был в мгновенья эти,  
Что – во мне ожившая – любовь  
Ничего не значила на свете.

1984

\* \* \*

Никто на земле не спасет никого,  
Напрасно свиданию длиться...  
Но как хороши вы, друзей и врагов  
Безумные страстные лица.  
Но как мне вас жалко! Среди суеты,  
Тщеты ожиданий вчерашних,  
С бесцельной любовью храню я черты  
Страданий и радостей ваших.  
С каким-то упорством равно берегу,  
Оставить боясь без призора,  
Все те, что роняли вы мне на бегу,  
Слова и любви, и раздора.  
Все, словно скупец, про себя их таю,  
От каждой потери страдая,  
Как будто кого-то и впрямь предаю,  
Хотя бы на миг забывая!..

1984

\* \* \*

Вот и опять заворочалось,  
Давит и давит в тисках...  
Как же? Ведь все уже кончилось!  
Так отчего же тоска?  
Что же минувшею смутою  
Дни наполняет опять?..  
Сердце, ну что же ты, глупое? –  
Хватит меня упрекать!  
Ты ведь само все затеяло –  
Я ль тебя мог удержать! –  
Что же теперь, что посеяло,  
Не соглашаешься жать?..

1984

\* \* \*

Угли стреляют, сгорая,  
В раме стекло дребезжит.  
Право, и сам я не знаю –  
Было ли это? – скажи.  
Было ль? Ну, что ж ты умолкла,  
Все растерявши слова?  
Ветер колотится в стекла,  
Жарко пылают дрова.  
Вьюга гудит что есть мочи,  
Угли стреляют в печи.  
Что ж, промолчи, если хочешь,  
Лучше и впрямь промолчи.

Что все вопросы на свете  
Жизни, твердящей свое,  
Если – и равные смерти! –  
Страсти малы для нее.

1984



## ХЛЕБ

То подъем, а то упадок,  
То упадок, то подъем.  
То он горек, то он сладок –  
Хлеб, который мы жуем.  
То он легок, то он труден,  
То он мягок, то он сух.  
Но хулить его не будем,  
Если мы – за ним в погоне –  
Ни о чем другом не помня,  
Сами свой смиряем дух.  
И тем более не надо,  
Раскисая от обид,  
Вымещать на нем досаду  
За нерадующий быт;  
Проклинать его за то, что –  
Им одним уязвлены –  
Мы и в помыслах ничтожны,  
И в свершениях бедны!

1984

## УРИЯ

Да нет, я не брошу укора  
В тебя, псалмопевец Давид,  
За то, что прельстил твои взоры  
Прекрасной Вирсавии вид.

Пожалуй, и судей не хватит,  
Коль каждому ставить в вину,  
Что смог он, как ты, обрюхатить  
Когда-нибудь чью-то жену.

. . . . .  
. . . . .  
. . . . .  
. . . . .

Но с мужем как быть ее, право,  
Но что мы поделаем с ним,  
Чтоб грех твой покрыть, из-под Раввы  
Отозванным в Ерусалим,

И всё же родного порога  
Не переступившим, любя! –  
Поскольку Израиль и Бога  
Превыше вознес, чем себя?..

1984

\* \* \*

Вижу прошлое: из окон  
Свет ложится на кусты.  
В нем горит твой черный локон,  
Говоришь со мною ты.

Слышу: длятся разговоры,  
Повторяются опять.  
Мы тогда расстались скоро,  
Ты не стала ожидать.

Да и я в разлуке тоже  
Ни один не вспомнил раз  
Спелый блеск твоих – похожих  
На крыжовник – юных глаз.

Тем приятнее при встрече –  
Через... сколько ж это лет?..  
Заводить с тобою речи  
О любви (которой нет!);

Рассуждать о чувстве смутном,  
Что таилось в нас всегда,  
Зная, что через минуту  
Распростимся на года;

Но опять при встрече новой,  
Повстречаемся едва,  
Повторим за словом слово  
Те же самые слова;

Ибо то, что мы имели  
(Нам признать не тяжело!), –  
И ничтожно для потери,  
И для зависти мало;

Ибо в ровном гуле буден,  
По путям идя своим,  
Мы беречь его не будем,  
Ну а значит, сохраним.

1984

## СТАНСЫ

*Н. Поснову*

1

Солнце пылающим кругом  
Тонет в морозном дыму.  
Был ли кому-нибудь другом,  
Любящим был ли кому?

2

Грусть заметенной равнины,  
Сумерек сизый свинец.  
Что вы видали от сына,  
Бедные мать и отец?

3

Сухость пронзительной стужи,  
Зябких ночей тишина.  
Что в этой жизни от мужа  
Ты ожидала, жена?

4

Хлопьев колючая вата,  
Мутный рассвет декабря.  
Где же все то, что когда-то  
Я оставлял для себя?

5

Зимнего утра усталость,  
Вымерзший сад на корню.  
Что же я чувствую жалость  
К каждому новому дню?

6

Вьется, кружит<sup>и</sup>ся пороша,  
Выдут и пуст окоем.  
Что же я мучаюсь прошлым  
Больше, чем в прошлом самом?

*1984*

\* \* \*

Что еще вспомнить и что еще встретить  
Мне приведется на долгом веку?  
Ветер уснул в опустевшей повети,  
Взяться б откуда теперь сквозняку  
В доме моем?.. А струится, струится,  
Лижет мне ноги, ползет со двора  
И подвывает... Ах, что-то случится,  
Что-то случится, – и, право, пора!

Право, пора уж! В последнее время  
Что-то совсем мне не видится снов,  
Что-то совсем уж нетягостным бремя  
Стало идущих минут и часов.  
Как-то, а надо бы это нарушить –  
Сколько ж держаться за то, что нашел? –  
Право, пора уж обвисшую душу  
Выстирать, высушить, бросить на стол, –

Выгладить так, чтобы аж заскрипела  
Жестким крахмалом – рукою не смять!  
Так, чтоб невольно она захотела  
На люди выйти, себя показать;  
Та же, что прежде, и все ж незнакома,  
Полная завязью будущих дней, –  
Как молодая из мужнего дома  
В первое утро по свадьбе своей!..

1984

\* \* \*

*Н. Лисовому*

Я постою еще, я сердце успокою,  
Я повторю опять печальных две строки:  
Прекрасен Божий мир, но я его не стою,  
Ни этих облаков не стою, ни реки.

Я никогда не лгал. В стихах, по крайней мере! –  
Но правду ль говорил? Не в том ли и беда,  
Что, вопреки всему, мы чувствуем потерю  
Того, что не нашли нигде и никогда?

Ну, что же! И пускай! И можно ли иначе?  
Прожить бы эту жизнь, что думать о другой!  
Все неудачи, брат, и все наши удачи –  
Ничто они, увы, пред этой тишиной,

Пред этою листвою, пред веткою любою,  
Пред ржавым стебельком раздавленной травы,  
Пред этою на нас струящейся любовью  
С полей родной земли, с небесной синевы.

Но как вместить ее? И все гляжу с тоскою,  
И все твержу, твержу печальных две строки:  
Прекрасен Божий мир, но я его не стою,  
Ни этих облаков не стою, ни реки!

1985

\* \* \*

Ну, что ж, если радостей нету,  
Ну, что ж, коли беды гнетут, –  
Ведь больше несчастья поэту –  
Ему как поэту – дают!

Так думал я прежде, потрафив  
Ученому мнению тех,  
Кто пишет тома монографий  
В расчете на скромный успех;

Кто так препарирует строки,  
Рожденные в муках земных,  
Как будто бы жизни итоги  
И впрямь заключаются в них!

1985

\* \* \*

Прощай! Не маши торопливо рукою! –  
Ведь если былое вернуть,  
То эта печаль обернется такою  
Тоскою, что не продохнуть.

Пора! Уходи! Не гляди виновато  
На то, что сгорело дотла.  
Ведь если за радость не будет расплаты,  
То это не радость была.

Пусть, только теряя, себя обретают  
Навстречу летящие дни.  
Но если и горести нас исцеляют,  
То так ли уж горьки они?

Опять поредели предзимние кроны,  
Опять почернели сады.  
Не нам устанавливать в мире законы,  
Исполним же те, что даны.

К чему называть – непосильною! – ношу,  
С которою должно идти.  
Никто никогда не отмерит нам больше  
Того, что мы сможем снести!

1985

\* \* \*

*К. Смородину*

Не только то, что там, –  
И то, что здесь, увы,  
Неясно видно нам  
В сверканье синевы.  
Глядим из света в мрак,  
Глядим из мрака в свет,  
Но различить никак  
Родных не можем черт.  
Откуда же к сердцам  
Тогда доходит весть  
О том, что наше – там –  
Оно и там, и здесь?  
Откуда ж эта весть  
Тогда доходит к нам  
О том, что наше – здесь –  
Оно и здесь, и там;  
О том, что всякий раз  
Едины – там и здесь –  
Как то́, что есть у нас,  
И то, что в мире есть?..

1985

## ОВИДИЙ

*Л. Котюкову*

Часто в последнее время не спится, хоть сам не пойму  
почему;  
Мысль сплетается с мыслью в суровую нить;  
Тихо тогда я встаю и на кухню иду, чтобы спать  
не мешать никому,  
Книгу иль две прихвативши с надеждою время избыть.  
Так вот и нынче опять не пришел ко мне сон.  
Встал в темноте я, взял книгу и, только когда  
Вышел на кухню, увидел, что это Назон;  
Что ж, я подумал, пусть будет Назон, не беда,  
Пусть будет он... Все равно не читал целиком  
Я никогда его скорбных элегий; теперь,  
Видимо, срок наступил и для этого; том  
Я распахнул – и повеяло ветром потерь,  
Ветром разлуки, гудящим из дали времен,  
Горечью вечной живущих в свершеньях утрат, –  
Долго читал я; когда же лег спать, утомлен,  
Все мне мерещился Августа век золотой, лицемерный  
его принципат:  
Мир на земле и поэта судьба, что так искренне сердцем  
поник  
Перед божественной властью... Что ж делать? с тех пор  
и во все времена  
Верили все мы и будем не раз еще верить благим  
увереньям владык,  
Ибо мы судим, увы, не дела, а названия их,  
Ибо не смысл и сущность явлений важны нам, но их  
имена.

1985

\* \* \*

За часы былых свиданий,  
Что дарила вам эпоха,  
О друзьях воспоминаний  
Не пишите, ради Бога!

Не судите их метанья,  
Не хвалите обретенья, –  
Это только лишь названья  
Суть единого явленья.

Да и можно ли хоть как-то  
Взвесить страсть и пыл измерить?  
Чем вернее будут факты,  
Тем им меньше можно верить!

Ибо путаней стократно  
Жизни путаной дороги –  
Ей и коротко и внятно  
Подведенные итоги!

1985

\* \* \*

Слышу и слышу я – тикают часики;  
Вьются мгновенья, как пчелы на пасеке,  
Стайками мчатся и врозь.  
Где ж тот нектар, что собрали с полей они?  
Нет, о несбывшемся нет сожаления, –  
Жаль мне того, что сбылось!

Был ли тот мед? Или запах лишь чудится?  
Был ли тот город: окраины улица –  
Сотни оврагов и ям?  
Даже и отзвук уже не доносится!..  
Было, все было, да вовсе не помнится,  
Будто бы не было впрямь.

Только клочки уцелели от повести:  
Даже не радость, – минувшие горести  
Я воскресить не могу!  
Вот и брожу, словно темною чащею,  
Вот и пытаюсь свое настоящее  
Хоть задержать на бегу;

Хоть задержать, чтоб запомнить до черточки  
Все запятые в стремительном почерке  
Быстрой руки,  
Посвист слогов с придыханьями жаркими,  
Каждое слово, со всеми помарками,  
Каждую фразу строки!..

1985

\* \* \*

Снова в сердце ребячливом радость, –  
Блещет синью и золотом день;  
Снова ветра и горечь, и сладость  
Клонит липы цветущую тень.

Нет, ничто не исчезнет навеки,  
Зря ты скучному веришь уму! –  
О деревьях, траве, человеке  
Ни грустить, ни жалеть ни к чему!

Да неужто такая беспечность  
Возникла б во мне и в тебе,  
Если б легких времен быстротечность  
Нам угрозу таила в себе?

Как бы мы – и на миг! – забывали,  
Что нам смертью грозит бытие,  
Если б эти бескрайние дали  
Создавались и впрямь для нее?..

1985

\* \* \*

Сел мой голос летучий. От водки, ты шепчешь?  
От ветра!

От студеного ветра моих среднерусских полей  
Сел мой голос. От колючего звездного света  
Сел мой голос. А был всех нежней.

Всех нежнее и звонче. Как жизнь меня страстно  
любила!

Как любил ее я!  
Не любовь ли мне горло мое застудила?  
Так прости ж соловья, дорогая моя.

Он хрипит! Но поверь, что другого такого  
Не сыскать! То, что спел он, не спеть никому!  
Никому! Я даю тебе слово.

Так махни же без злобы рукой на прощанье ему.

Не суди! Не жалеи! Ибо голос сорвавшая птица –  
Та же птица! И те же крыла у ней, то же перо.  
Ибо там, куда так она жадно и трудно стремится,  
Лишь молчанием только и можно платить за добро.

1986



\* \* \*

Живу не печалюсь  
И не беспокоюсь:  
Раз юность не в радость,  
Так старость не в горечь.  
Мне зрелые годы  
Даруют смиренность:  
Где нету свободы,  
Там нет принужденья.  
Ни то и ни это  
Мне нынче не бремя:  
Раз вечности нету,  
Не страшно и время.  
Пускай улетает,  
Пускай не вернется:  
Кто не выбирает,  
Тот не ошибется.  
Вернуть я не чаю  
Мелькнувшего мимо;  
Раз все не случайно,  
Все необходимо.

1986

\* \* \*

А все-таки я хотел бы  
Прожить эту жизнь до конца.  
Как нежно над вербою  
У крыльца  
Небо синеет  
Бедной своей бирюзой,  
Как сладко веет  
Апрельский ветер сырой.

А все-таки я хотел бы  
Эту жизнь до конца прожить.  
Быть может, успел бы  
Еще сложить  
Я песню такую,  
Такие найти слова,  
Чтоб пели, ликуя,  
Их ветер, кусты, трава,  
Деревья и небо,  
Извечного славя Творца!

. . . . .

А все-таки я хотел бы  
Прожить эту жизнь до конца...

1986

\* \* \*

Мы воспевали труд и добродетель,  
Слагали гимны доблести и чести.  
Ах, как носил над площадями ветер  
Из края в край восторженные песни!

Мы научились с трепетного детства  
Скрываться и таить себя за словом.  
Нас не пугало грозное соседство  
Высоких истин с обликом суровым.  
Мы храбро раскрывали им объятья,  
Не тратя время на пустые споры.  
Мы в яркие их обряжали платья,  
Чтоб нагота нам не смущала взоры.  
Вплетали в кудри пурпурные ленты,  
Несли венки, чеканили медали.  
Мы возносили их на постаменты,  
Чтоб нам они их славить не мешали.

Так отчего ж теперь я слышу вздохи?  
Ведь вздох не слово! Он красноречивей.  
Я верю в нас, певцов своей эпохи,  
Мы говорить еще не разучились!  
Нет! Мы, как прежде, верим в добродетель!  
Мы сложим гимны доблести и чести!  
Пускай опять над миром носит ветер  
Из края в край восторженные песни!

1987

\* \* \*

О слияние молнии с громом,  
Ожидание яви без снов! –  
Это небо – не Отчего ль дома  
Изукрашенный звездами кров,

Где планет голубые стропила  
Исчезают в сиянье из глаз!  
Укрепи ж нас, Господняя сила,  
Не оставь обессилевших нас.

Путь наш долог, непрям и тревожен;  
Мы идем год за годом туда,  
Где вздымается Сад – огорожен  
Золотою стеною стыда.

Но, как пенье в Рождественский вечер  
Сердцу светлый дарует покой,  
Ты даруй нам надежду на встречу  
После тяжелой дороги земной.

Да! За все за мои прегрешенья,  
За разврат и сумятицу дней,  
Со слезами прошу я прощенья! –  
Но суди меня волей Своей!

Обреки меня каре жестокой,  
Над душою сыновней скорбя! –  
Но позволь мне – хотя б издалёка,  
Хоть вполглаза – увидеть Тебя!

Ибо мертвая тяжесть забвенья  
Мне страшней очистительных мук,  
Что готов я принять со смиреньем  
Из Твоих из Отческих рук!..

Август 1989

\* \* \*

Только стыд, которым лето  
На меду разводит тьму,  
Только ужас, но об этом  
Не расскажешь никому. –

Не поделишься ни с другом,  
Ни с подругою своей  
Тем мучительным недугом,  
Что снедает с давних дней

Бедной юности! О Боже,  
Как пугал меня тогда  
Пробегающий по коже  
Холод Страшного Суда!

И сейчас боюсь, пожалуй,  
Я не меньше! – Но сильнее  
Этих страхов нынче – жалость  
К бледным сумеркам полей;

К хмурым зданьям, что взметнулись  
В зачаженный небосвод;  
К той старухе, что, сутулясь,  
Внучку за руку ведет;

К этой внучке, для которой  
Жизнь светла еще пока;  
К зверю, скрывшемуся в норы,  
К птице, взмывшей в облака;

К облакам, земле несущим  
Дождь, отравленный давно! –  
Ко всему, что в мире сущем  
Миром быть обречено!..

*24 августа 1989*

## РОМАНС

Ах, как мне жаль всех живших и живущих,  
Ушедших вдаль, оставшихся в дому,  
Мычащих немо и легко поющих,  
Ах, как мне жаль всех живших и живущих,  
Хоть я и сам не знаю почему.

О сестры нежные, о братья дорогие,  
Заботы прежние меняя на иные,  
Друг друга мучая и мучимы друг другом,  
Как пыль летучая, несемся мы по кругу,  
Ни цели истинной, ни радости не зная,  
Пустыми мыслями рассудок раздражая.

Ах, как мне жаль нас, терпеливо лгущих  
Самим себе, боящихся прозреть,  
Смеющихся беспечно, слезы льющих,  
Ах, как мне жаль всех живших и живущих,  
Хоть, может быть, и не за что жалеть!..

*25 августа 1989*

\* \* \*

Пух тополовой пороши,  
Улица, свет фонаря.  
Все возвращения ложны.  
Мы возвращаемся зря.

Все возвращения ложны.  
Нам не вернуться назад.  
Сделать сей вывод несложный  
Снова сегодня я рад.

Может быть, только за этим  
Я и приехал сюда.  
Дышит горячее лето  
Сумраком в сонных садах.

Светится в доме окошко –  
То, за которым я жил.  
На подметенной дорожке  
Тень занавески дрожит.

Тень занавески чужая,  
Лампу укрыл абажур.  
Прошное перебирая,  
В нем ничего не сужу.

С юностью ли пререкаться,  
Старость завидев свою?  
Словно среди декораций  
Сыгранной пьесы стою.

Трупку давно разметало,  
Спутала жизнь амплуа.  
И героиня устала,  
И инженерю оплыла.

В комики трагик сорвался,  
С круга сошел режиссер.  
Разве один и остался  
Тем же, что прежде, суфлер.

Только подсказки теперь нам  
Больше уже ни к чему.  
Если себе мы не верим,  
Как же нам верить ему?

Скоро навек расставаться.  
Автор подводит итог.  
Что ж на провал обижаться? –  
Каждый старался, как мог.

Ночь с бормотаньем невнятным  
Клонит лицо к фонарю.  
В том, что опять не сыграть нам,  
Я никого не корю.

Пух тополовый белеет,  
Всё заметая вокруг.  
Сцена пустеет; пустеет  
Светом очерченный круг.

Тают и тени актеров...  
Только, со временем слит,  
Эхом умолкшего хора  
Ветер в кулисах гудит.

*29 августа – 2 сентября 1989*

\* \* \*

Усильем страдающей мысли  
В последний, быть может, раз,  
Пока не закрыл окончательно глаз,  
Грехи в своем сердце исчислю.

Ничто никуда не ушло.  
Едина с рожденья до смерти  
Вся жизнь, – но за каждый в ответе  
Мне миг ее быть тяжело.

Ах, как же мне страшно сейчас  
Остаться с грехами моими!  
Я плачу глазами сухими  
О всех и о каждом из нас.

*27 августа 1989*

\* \* \*

Была гадать тебе охота! –  
От нас грядущее не скрыто:  
О нем прочтешь у Геродота,  
Его найдешь у Фукидида.

Что сбудется с землей – известно,  
Ее судьба – давно не тайна:  
Кому все это интересно,  
Пускай заглянет в Иоанна.

Давай же суету отбросим! –  
Что громоздить нам непреклонно  
Все тот же Пелион на Оссу,  
Все ту же башню Вавилона?

Ты знаешь сам, что с теми случилось,  
Кто в ложные поверил речи.  
Когда б жизнь вправду улучшалась,  
Жилось потомкам предков легче!

Но чего нет, того и нету! –  
А было бы? – Скажи на милость,  
Какое же величье в этом,  
Какая ж в этом справедливость?

Равенство и предполагает,  
Что, как задумано от века,  
Одно и то же ожидает  
Любого в мире человека.

И как бы мир ни изменяли  
Творцы машин, творцы восстаний,  
Они ничуть не облегчали  
Душе бессмертной испытаний!..

*5 сентября 1989*

\* \* \*

Возле дома снег, а на дороге  
Дрожь воды с отливом золотым.  
И светло, как в полдень, на пороге  
От луны, сияющей над ним.

Все горит и искрится от света,  
Хоть читай на мартовском дворе,  
Где сквозная тень намокших веток,  
Словно черни вязь на серебре.

Я всегда любил такие ночи,  
Эти вот часы глухой порой,  
Каждый миг которых не короче  
Неизбывной вечности самой.

Кто сказал, что мы живем недолго?  
Наша жизнь безмерно велика!  
О себе не помня от восторга,  
Вдаль она течет издалека.

Даже в этом блеске ясно-синем,  
Когда мир весь, кажется, видать,  
Мы ее и взглядом не окинем,  
Нам ее и мыслью не объять.

Лишь любовь, что в сердце проникает,  
Лишь любовь, что из него растет,  
Воедино и соединяет  
То, что в нас разорванно живет.

И себе, бродя по тротуарам,  
Я твержу: люби, а не суди! –  
О великом думая и малом  
С тем же восхищением в груди!..

*5–6 сентября 1989*

## БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Упала башня Вавилона,  
И прокатился над землей  
Объединяющего стона  
Уже разноязыкий вой.

И пыль всё тучею объяла,  
И каждый к каждому взывал,  
Но горло звуки искажало,  
И слов никто не понимал.

Когда ж опять пробилось солнце,  
То на все стороны земли,  
Как от иссохшего колодца,  
От башни люди побрели.

Они брели, таясь друг друга,  
Пожитки жалкие влача;  
Сходясь же вместе – от испуга  
Невольню пятились, рыча.

Язык звериный стал им ближе,  
Чем человеческая речь,  
Которой в гордости бесстыжей  
Они не думали беречь.

Но поколение сменялось  
За поколеньем. Шли года.  
Уже потомкам представлялась  
Все поправимее беда.

И терпеливо постигали  
Они чужие языки,  
И снова башни воздвигали –  
Бесчисленны и велики.

Но меж камней столпотворенья  
Всходила прежняя трава.  
И лишь иллюзию общенья  
Давали мертвые слова.

И снова башни разрушались,  
Народ вздымался на народ.  
И снова в мире воцарялись  
И страх, и гибель, и разброд.

И жив он – явно или тайно –  
В нас древний Вавилон досель!  
И не случайно, не случайно  
Вскипает войн гражданских хмель!

И льются крови братской реки,  
Пожар вздымается, багров!  
И на земле уже вовеки  
Не отыскать всеобщих слов.

Разрушено единство мира,  
Распалась родственная связь.  
Здесь каждый сам себе кумира  
Творит, чужого убоясь.

К кому мы руки простираем,  
Как дети малые впотьмах?  
Ведь мы других не понимаем  
И на родимых языках.

Да что – других! Когда мы ночью,  
Край одеяла тербя,  
Порою из последней мочи  
Понять стараемся себя,

Мы постигаем в потрясенье,  
Что нам невнятен наш язык!  
И в немому, как бы в спасенье,  
Бросаемся, зажавши крик.

И пьем забвенью полной чашей,  
Покуда тяжкий длится сон,  
Пока для строек новых башен  
Нас не разбудит Вавилон.

И мы, проснувшись на рассвете,  
Сумеем вновь не замечать,  
Что нет в нас слов себе ответить  
И нету сил, чтобы молчать!..

*7–8 сентября 1989*

\* \* \*

Куст герани на окне,  
Пожелтевший от мороза,  
Как поэзии во мне  
Удивившаяся проза.

Я полью его водой,  
Отстоявшейся в бутылке.  
Вот слиянье мировой  
Жизни в страстном поединке.

В гроздьях сжатые цветы:  
Тот увял, а рядом – свежий.  
Из рассветной темноты  
Луч зари невнятной брезжит.

Льется струйкою вода  
Из бутылки наклоненной.  
Верещит сковорода  
Над плитой раскаленной.

Оторву сухой листок,  
Ветвь увядшую сломаю.  
Список дел в пятнадцать строк  
Между делом набросаю.

Стужа мерзлое стекло  
Сплошь цветами покрывает.  
Как бы время ни текло,  
Вечность все не убывает.

Вновь в бутылку налью воды,  
Пусть до завтра отстоится.  
Сяду у сковороды,  
Чтоб картошкой подкрепиться.

Выйду из дому потом,  
О герани позабывши.  
Вьюга мокрым сквозняком,  
Словно пес, в лицо задышит.

И застынет в тишине,  
Снега лёт прервав стрекозий,  
Как поэзия во мне,  
Удивившаяся прозе.

*9 сентября 1989*



\* \* \*

От солнечных ярких пятен  
Стал сад предвесенний сыр  
И беден, и необъятен,  
Как весь этот Божий мир.

Как мир этот Божий, где мы,  
Хотя и видны пока,  
Не более, чем поэмы  
Зачеркнутая строка.

Строка, вариант которой  
Не плох был, а между тем  
В поэме уже готовой  
Иначе звучит совсем.

*26 июня 1990*

## НА ПОГОСТЕ

1

Мысль и тут лишь собой занята  
И скрывает свой след осторожный  
В зябкой дрожи сырого куста,  
В глухомани травы придорожной.

Но и заступов лязг, и тщета  
Скудной глины, и плач чей-то – все же  
Слиты в ней, хоть она разлита  
По пространству, как холод по коже.

Даже целой земли красота  
Оправдать перед нею не может  
Ни могилы, что сдавит плита,  
Ни червя, что нам тело изложет.

Лишь смола на распилах креста  
Отвлекает ее и тревожит.

2

Жизнь бессмысленна, но не пуста:  
Я наполнить сумел ее все же  
Зябкой дрожью сырого куста,  
Глухотою травы придорожной.

Я наполнить сумел ее всклень  
Одиночеством зимнего стога,  
Немотою пустых деревень,  
Потерявших свой голос до срока.

Все вошло в нее: юности жар,  
Брызги грязи, летящей с обочин,  
И загульных попоек кошмар,  
И провидческий дар между прочим.

Время то уносилось стремглав,  
То стояло вокруг, как болото,  
Но теперь, свою зрелость догнав,  
Мне о нем говорить неохота.

О другом я хотел, о другом,  
О тоске, о любви и обмане...  
Нынче ночью мне снился паром,  
Исчезавший в рассветном тумане.

Вслед ему я рукою махал,  
Слыша звук ликовавшей гармонии,  
Но при этом себя ощущал  
Для уплывших уже посторонним.

Да, для них я уже был чужим! –  
И хоть кто они – я и не ведал, –  
Но таким я проснулся больным,  
Словно только что сам себя предал.

Словно сам себя предал себе ж  
За пустое, но нежное слово,  
За сумятицу прежних надежд,  
За успех в настоящем былого.

И крутила меня маета,  
Как бересту на углях, корежа, –  
Жизнь бессмысленна, но не пуста.  
Не пуста. Но бессмысленна все же, –

Я твердил. Но поверить не мог  
Сам сентенциям этим избитым.  
И сквозь них пробивался восторг,  
Как трава сквозь могильные плиты.

И ни глины сырой нищета,  
Ни потеки смолы на распилах  
Погруженного в землю креста  
Умалить его были не в силах.

Жизнь, наверное, слишком проста,  
Чтоб постигнуть сумел ее разум.  
Необъятных небес высота  
От земли начинается сразу.

Но опять, лишь собой занята,  
Мысль скрывает свой след осторожный  
В зябкой дрожи сырого куста,  
В глухоты травы придорожной.

И, теряясь в просторе земном,  
То о том говорит, то об этом...  
Нынче ночью мне снился паром,  
Исчезавший в тумане рассветном.

Уплывал он по темной реке,  
По воде цвета угольной сажки.  
И в такой я проснулся тоске,  
Словно только что предал себя же.

Словно сам себя предал себе ж,  
Не решившись подняться к плывущим,  
За сумятицу прежних надежд,  
За успехи былого в грядущем.

Я об этом уже говорил  
И не стал повторяться бы снова,  
Но одно я добавить забыл,  
Ставя к слову поспешное слово.

Да, и впрямь я проснулся с тоской,  
Но за этой тоской тем не мене,  
Словно радость, мне брезжил иной  
Некий свет, не бросающий тени.

Образ Родины виделся мне,  
Погруженной в литые сугробы,  
Из которых уже по весне  
Ей не встать, словно Лазарь из гроба.

Но нужны ль воскрешенья на срок?  
Не от мира сего наше царство!  
Пусть ступает она за порог,  
Где ни времени нет, ни пространства.

Что гордыни пустая тщета! –  
Гром победный смешон и натужен  
Пред раскрытым объятьем креста  
Возле храма, что нами разрушен.

Пусть мы снова отстроим его.  
Покаянья надевши вериги,  
Зачеркнуть не дано ничего  
Из того, что записано в Книге.

И кого упрекать нам сейчас  
Пред обрядом с могилой венчальным,  
Коли тайна, что мучила нас,  
Нам открыта была изначально.

Но казалась нам слишком бедна,  
Чтоб в нее мы сумели поверить.  
И ломились мы в стену спьяна  
Возле настежь распахнутой двери.

Не жалея пустого труда,  
Словно в крепость, проход пробивали,  
Чтобы силой ворваться туда,  
Где с Любовию нас ожидали.

4

Жизнь без смерти была бы пуста.  
Ты ведь знала, душа, это – что же  
Нам родимой земли нищета  
Ее славы былой не дороже?

В зябкой дрожи сырого куста,  
В глухомани травы придорожной

Нам ничем не лгала красота.  
Это мы ее видели ложно.

Это нас увлекла суета.  
Что ж теперь, весь свой опыт итожа,  
Стала вдруг ты при виде креста  
На себя самую не похожа?

Это здесь мы распяли Христа!  
Что же там испугать тебя может?

*Конец июня – 10 августа 1990*

\* \* \*

*Б. Романову*

Один в одинокой стране,  
В толпе молчаливой за пивом,  
В похмельном сгорая огне,  
Себя ощутил я счастливым.

Я юность увидел свою,  
Она мне опять улыбалась,  
Как прежде, в далеком краю,  
В тот миг, как со мной расставалась.

И весел вдруг сделался я,  
И легкость почувствовал в теле,  
И кружки щербатой края,  
Как жидкое пламя, горели.

Плечо мне сжимала судьба,  
Угрюмо дыша перегаром.  
Но было не жаль мне себя  
И сил, что растратил задаром.

Мне было не жалко ничуть  
Друзей, что сгорели на вдохе,  
Трепещущий высветив путь  
Под сводами нашей эпохи.

Мне было не жалко почти,  
Хоть жалость я чувствовал тоже,  
Подруг, что пытались спасти  
Меня от меня самого же.

Мне было не жалко страны,  
В которой мы все поголовно,  
Порою без всякой вины,  
Навек оказались виновны.

И лишь тяжело вспоминать  
Мне было родителей лица,  
И легче казалось пропасть,  
Чем к ним на глаза появиться.

Но знал я, что не пропаду! –  
А хоть пропаду – ну, так что же? –  
Ведь что одному на беду,  
Другому на радость похоже!

И водкою, купленной с рук,  
Пивную разбавивши сырость,  
В себя избавленье от мук  
Я влил, как последнюю милость.

Шумела шалманная голь,  
Язык матерщиной корежа.  
Тяжелой волной алкоголь  
Ложился на старые дрожжи.

И удаль вскипала в крови,  
И кровь распирала мне жилы.  
И было не жалко любви,  
И было не страшно могилы.

Все страхи исчезли в душе!  
Хмельною струей обожженный,  
Я был, как покойник – уже  
Истлевший и вновь воскрешенный.

Я был, как покойник, когда,  
Измучившись от ожидания,  
Последнего слышит суда  
Он меру себе наказанья.

И пойманным сердцем своим  
Его постигая значенье,  
Он чувствует ужас, но с ним  
Как будто бы и облегченье.

Уже от себя отделен  
И сам над собою не властен,  
Он знает, что больше закон  
Ему ни один не опасен.

На краткой дороге во тьму,  
Куда он сейчас погрузится,  
Он знает, что больше ему  
Уже не дадут отступить.

Что больше не будет потерь,  
А только одни обретенья.  
И все, что случится теперь,  
Зачтется ему в искупленье.

Так грезил я, стоя в пивной,  
В покой погружаясь без воли,  
И мир оседал предо мной,  
Как пена под действием соли.

И пьяную влагу его  
Тянул я, себя согревая.  
И было не жаль ничего  
Терять, ничего не теряя.

*Конец июля – 4 августа 1990*

\* \* \*

Цветут необъятные липы,  
В воде зеленеет луна,  
И мокрые звезды, как рыбы,  
Белеют у самого дна.

Метнешься на юг и на запад,  
На север рванешь и восток,  
А все этот царственный запах  
Нет-нет, да всплывает меж строк.

Пусть многое пало в осадок,  
Осело на самое дно,  
Пусть эту дорогу к горсаду  
Вырубили давно.

Но бросишь и запад, и север,  
Востоку и югу не рад,  
И снова на площади серой  
Стоишь, попирая асфальт.

Твердя над асфальтом унылым,  
Где прежде цвели деревья:  
«Все есть, что когда-нибудь было!» –  
Не вдумываясь в слова.

Как некое общее место,  
Легко их внушая уму...  
А сердцу и так все известно,  
Без слов все известно ему.

*18 августа 1990*

\* \* \*

Невыпитая чаша,  
Болотом ставший пруд.  
Сквозь травяную чащу  
Тропинки не ведут.

Безлюдье – и такая  
Тишь давит, словно гнет,  
Что птица – пролетая,  
И та здесь не поет.

Лишь ото дна взметнутся  
Порою пузыри  
И с хлюпаньем взорвутся  
В колеблемой грязи.

Да все не успокоясь,  
Листою ржавой клен  
Шумит – почти по пояс  
В трясину погружен.

Волнуется, бормочет,  
Вздымая сучья так,  
Словно принять не хочет  
Судьбы своей никак.

В грядущее до дрожи  
Стремится горячо,  
Как будто там не может  
Страшнее быть еще.

А я так, право, больше  
Загадывать боюсь.  
Чтобы тоскою горшей  
Не обернулась грусть.

Пусть знают только ветер  
Да мертвая вода,  
Кому еще на свете  
Захаживать сюда.

Пусть знает только небо  
Седое, словно пыль,  
Какая еще небыль  
Здесь превратится в быль.

Ну, а с меня довольно  
Сегодняшнего дня.  
И все шепчу я клену:  
Учись, брат, у меня.

Иной пусть силы тратит  
Грядущее прозреть.  
Нам и бывшего хватит  
Дожить, дошелестеть.

*18–19 августа 1990*

\* \* \*

Разве я унижу,  
Разве я возвышу  
То, что я увижу,  
То, что я услышу.

Ни в единой строчке  
Слова не исправлю.  
Все прочту до точки  
И, как есть, оставлю.

Ведь давно мне ясно,  
Что для мирозданья,  
Как чума, опасно  
Каждое влиянье.

Мир хоть и безмерен,  
Хоть и полн величья,  
Слишком неуверен,  
Слишком переимчив.

Слишком склонен, знаю,  
Хоть совсем не робок,  
Он, речам внимая,  
Изменять свой облик.

Не забыл я, помню,  
Как мои признанья  
Потрясали все в нем  
Вплоть до основанья.

И боюсь я, право,  
Вдруг как ненароком  
Вновь хула иль слава  
Мне же выйдут боком.

Так что лучше все же  
Промолчу в надежде,  
Что хоть в чем-то сможет  
Он остаться прежним.

Чтобы из себя же,  
В миг, как мысли рвутся,  
Я к нему однажды  
Мог еще вернуться.

*31 августа 1990*

\* \* \*

Дай вдохнуть  
Мне грудью полной.  
Долог путь  
Судьбы окольной.  
Тяжек гнет  
Бесцельной ноши.  
Жизни мед –  
Полыни горше.  
Изнемог  
Блуждать я в мире,  
Дай мне вдох  
Небесной шири,  
Чтобы выдохнуть  
Наружу  
Вместе с выдохом  
И душу.

*4–5 сентября 1990*

\* \* \*

Странность воспоминаний:  
Жизнь проживается дважды,  
Трижды и многократно.

Но точных нет попаданий:  
Важное прежде – неважно,  
Внятное прежде – невнятно.

Это не значит, что лжет  
Память, но лет поклажа  
Ей тяжелей что ни год.

И в прошлом она пропажам  
Не хочет вести подсчет.

Ведь ей и доньше даже,  
Впадающей в отрешенность,  
Бегущей былых желаний,

В минувшем невоплощенность  
Призывов и обещаний  
Оскоминой сводит рот.

*8–12 сентября 1990*



\* \* \*

Слово – серебро. Молчанье –  
Золото. Так что ж речами  
Понапрасну тешить пыл?  
Стоит ли за дым искусства  
Отдавать живое чувство,  
Что бы кто ни говорил?  
Ведь не зря душа боится,  
Что, как щелочь, по крупичам  
Слово за словом сотрет  
То, что вызвало на свет их,  
И она в лохмотьях ветхих  
Нищей по миру пойдет.

*12 сентября 1990*

\* \* \*

Душа обернулась звездой,  
Звезда, просиявши, погасла,  
Лишь луч пробежал полосой  
От дальнего луга до прясла.  
Да не ощутивши утраты,  
Но что-то почувствовав все же,  
Кормящая мать среди хаты  
Вздохнула, ребенка встревожа.

*12 сентября 1990*

## МОЛИТВА

Дай силы мне, Господь,  
Среди душевных мук,  
Чтоб, не унизив плоть,  
Я мог очистить дух,  
В огне земных страстей  
Соединить дабы  
Разумный мир идей  
И дикий мир судьбы!

*16 сентября 1990*

\* \* \*

Было время, что не было времени,  
Будет время – его и не будет.  
О себе, об отчизне, о племени,  
Отряхнувшись, душа позабудет.  
И пространство, воронкою скручено,  
Сдавит в атом светила с планетами.  
И вопросы, что так нас измучили,  
Наконец-то сольются с ответами.

*18 сентября 1990*

\* \* \*

Убегают к лесу провода,  
В пятнах снега мартовское поле.  
Родина моя, моя беда,  
Не свободы ищем мы, а воли.  
Ну, а воли хватит у тебя,  
Разве жаль тебе ее для сына! –  
Родина моя, моя судьба,  
В сумрак уходящая равнина.  
Там, где рельсы высветлил закат,  
Где торчит шлагбаум одноруко,  
Снова видит пристальный мой взгляд  
С фонарем стоящую старуху.  
По ветру седая вьется прядь,  
Гнется воротник ее шинели.  
Ей ли о грядущем горевать,  
Прошлое отплакав еле-еле!  
Налетит грохочущий состав,  
Торопливо мусор закружится.  
Хорошо, от странствий приустан,  
Никуда душою не стремиться.  
Тонет поле вязкое во мгле,  
Тонет радость краткая в печали.  
Вот уже, как уголья в золе,  
Над землею звезды замерцали.  
Ничего не пожелаю вновь,  
И былых желаний слишком много.  
Родина моя, моя любовь,  
В никуда ведущая дорога.  
Добреду до мокрого леска,  
Все свои припомню пораженья.  
Родина моя, моя тоска,  
Нам и в воле нет освобожденья.

Попрошусь к старухе ночевать,  
Встану на бессолнечном рассвете.  
Ничего не надо понимать,  
Ни за что не надо быть в ответе.  
Надо в печь поленья подложить,  
Пусть зайдутся в пламени и дыме.  
Невозможно в мире заслужить  
Благодать деяньями своими.  
В жажде справедливости о зле  
Что твердить с отчаяньем и жаром! –  
Ведь совсем недаром на земле  
Все, что надо нам, дается даром.  
Выйду, сном коротким освежен,  
И пойду на дальние березы.  
Родина моя, несмолкший звон,  
Ветром осушаемые слезы.  
Как с тобою песню мне допеть,  
Как высокий голос твой дослушать,  
На твоём просторе умереть,  
Одинокой думы не нарушить?  
Не боюсь ни жить, ни пропадать,  
Мы с тобою оба одиноки.  
Родина моя, больная мать,  
Ни к чему загадывать нам сроки.  
Или небосвод над нами пуст,  
Чтоб была погибель нам случайна?  
Родина моя, нелгущих уст  
Словом заповеданная тайна.

*28 сентября 1990*

\* \* \*

Стряхнуть отупение, выйти  
В осенний редеющий лес,  
О близких молиться ли, выть ли  
Под куполом синих небес,  
А все же никак не отсрочить,  
А все не приблизить никак  
Ни тьму подступающей ночи,  
Ни свет, прорезающий мрак.

*Октябрь – 20 ноября 1990*

\* \* \*

Как можно требовать от других  
Того, что сам им не можешь дать?  
Что же, давай выползай, мой стих,  
Из того, без чего не видна звезда.  
А звезда не видна без кромешной тьмы –  
Разве от света отделишь свет? –  
Где вы, страдавшие на земле умы,  
Сердца, прочертившие в мире след?

О вас сказать бы – да слов не найти.  
О себе подумать бы – да мыслей нет.  
Снова белая яблоня стоит на пути,  
Снова с розовой вишни слетает цвет.  
Пробивается из лиловой грязи трава,  
Огуречник шершавый запахи льет.  
И такая над садом нежная синева,  
Что ни час не важен, ни день, ни год.

Только теперь я понял в этой глуши,  
Отчего блажен тот, кто духом нищ,  
Когда все грехи, что я совершил,  
Вошли в назём, как зола с пепелищ.  
Наконец-то ни каяться я не хочу,  
Ни лелеять в сердце к себе былому мечь,  
И впервые не страшно мне знать, что вручу  
Господу душу такой, как есть.

*16 (?) – 20 ноября 1990*

\* \* \*

Позабытою песней встревожит мой слух,  
И припомнятся мне поневоле  
Ленкоранской акации розовый пух  
И душистая пена магнолий.

У футбольного поля кусты щавеля,  
Красно-бурые кистья соцветий;  
И дорога в предгорья, которой, пыля,  
Пробегают чумазые дети.

Оплетенные сеткой густые сады,  
Лиловевшие сонными мальвами,  
И аллея с бассейном зеленой воды,  
И лигуструма желтое марево.

Все припомнится разом и разом уйдет  
В новогодние сумерки сизые.  
Я к окну подойду и увижу сквозь лед  
Дом напротив и снег над карнизами.

И подумаю вдруг, молодея душой,  
О себе без тоски и без горести,  
Как о ком-то, всего лишь придуманном мной  
Для еще не написанной повести.

*1987; 1989; 21 ноября 1990*

\* \* \*

Час за часом, день за днем,  
Год за годом, век за веком  
Все, нам кажется, идем  
Мы путем как будто неким.  
Все-то мнится нам – вдали,  
За иссякшей силой взгляда, –  
Тем – спасение земли,  
Этим – только тьма распада.  
Хоть и знаем, вдаль спеша,  
То, что всюду неизменно  
В каждый миг несет душа  
Их в себе одновременно.  
Что не завтра – там, куда  
Увлекает нас движенье,  
Здесь, сегодня и всегда,  
Нам даны они с рожденья.  
Что пространства в мире нет,  
Что и время преходяще,  
Что грядущей жизни свет  
В нашем светит настоящем.

*Ноябрь 90 – 22–23 февраля 1991*

## ДВА ГОЛОСА

– Из себя бы выбежать  
Прогуляться в поле,  
Чтоб, вернувшись, выдержать  
Гнет суметь неволи.

– Это мне понятно! –  
Только чем, коль убежишь,  
Ты себя обратно  
Возвратиться вынудишь?

*Март 1991*

\* \* \*

Не заплачу и не затоскую  
Оттого, что я умер уже.  
Я тебя ни к кому не ревную,  
Ни к единой на свете душе.  
Ведь ни ревность, ни злоба, ни зависть,  
Ни горячая страсть, ни тоска –  
Не разбудят уснувшую завязь,  
Не раскроют на ветке листка.  
Лишь осыплются неумолимо,  
Словно с крыл мотыльковых пыльца.  
А любовь ни на что не делима –  
Ей ни времени нет, ни конца.

*19 марта 1991*

## ПЬЯНЫЕ СТИХИ

Пить холодное вино по утрам  
Полюбил я в эти зимние дни.  
Хорошо сейчас живется котам,  
В доме сыты и согреты они.

Плохо птицам в заметенном краю.  
Ах, сорока, ах, синица, – увьи! –  
Я вина себе немного налью  
Цвета тронутой морозом травы.

Отопью из тонкой рюмочки я,  
Сам с собою разговор завяжу,  
Что в ошейнике сыром бытия  
На цепи на трансцендентной сижу.

Кислый привкус и любви, и беды,  
Легкий жар в крови, берущий разбег.  
Радость краткая семян череды,  
Крыльев хлопанье, взметающих снег.

Серый кот в обнимку с серым котом,  
Их мурлыканье печи в унисон.  
И горит-сверкает сад за окном,  
Нежной вьюгою укутан в виссон.

Много слов на свете, птиц и котов.  
Осушу еще я рюмку до дна.  
Чтоб добраться до основы основ  
Никогда мне не хватало вина.

И на этот раз держал в голове  
Мысль я тайно, что настал, дескать, срок.  
Думал, справлюсь за неделю, за две –  
Пью шестую, а от цели далек.

Ну, и ладно, ну, и пусть, и прости! –  
Мир прекрасен тем, что, надо признать,  
В нем не знаешь никогда, что найти,  
Угадать не можешь, что потерять.

Сам собою он живет при себе,  
Спросит что-нибудь – ответа не ждет,  
Прогудит невнятно ветром в трубе,  
Воробьем замерзшим с ветки вспорхнет,

Заблестит лучами в блеклом вине,  
Побежит вперед, попятится вспять.  
Ах, да, право, и зачем надо мне  
Самому себя сейчас понимать!

Я ведь тоже жизнь живу при других,  
Знать не зная ни концов, ни начал,  
Даже то не зная, кто во мне стих  
За стихом, пока я пил, сочинял.

Но, однако, вот он я, вот они,  
Вот коты, вот снегири за окном,  
Вот вино, а впрочем, нет, извини,  
За вином мне надо вновь в гастроном.

*1982; 8–9 апреля 1991*

\* \* \*

Лист бумаги увижу, и тянет к перу,  
Но дыхание руку подводит.  
И чем меньше стихи, записав, перевру,  
Тем скорей они станут не ко двору, –  
И умны, да не по́ сердцу вроде.

Словно дети, которых не любит отец,  
Хоть и сам равнодушья стыдится.  
Но нужна ль им любовь моя? Разве птенец,  
Оперившись и в небо взлетев наконец,  
В скорлупу бы хотел возвратиться?

*15 апреля 1991*

\* \* \*

Чем с тобою сейчас поделиться?  
Этой ночью осенней – один –  
Я смотрю в темноту, где таится  
Сорок прожитых с лишним годин.  
Нет, они меня не испугают,  
Как бы им ни хотелось, – сейчас  
Все о прошлом легко забывают,  
Словно в прошлом и не было нас.  
Нет, иное в сгустившемся мраке  
И томит, и печалит опять,  
Что, как вора вой старой собаки,  
Ночь не в силах рассвет отогнать.  
И придет новый день – и предложит  
Жизни жить – и, в себе не вольна,  
От стеснения и страха не сможет  
Ничего с ним поделаться она.

*23 апреля 1991*



\* \* \*

Понапрасну, без смысла и цели,  
Ты меняешь и это и то.  
Льются дни, убегают недели,  
Утекают, как сквозь решето.

Что ж останется в мутном осадке,  
Что блеснет самородком на дне,  
Если все, что имел, без оглядки  
Растворяешь ты в мертвой воде?

Ничего! Только бурая пена,  
Только память потери в руке,  
Только сердце, стучащее мерно  
На соленом, как соль, сквозняке.

Так ответь: много ль надо усилий,  
Чтоб отдать первородство свое? –  
Ты ведь тоже был сыном России,  
Плоть от плоти и крови ее!

Чем же стало наследство негоже,  
Что облаял его ты, как пес?  
Что нашел ты родней и дороже  
И любви материнской, и слез?

Ладно, ладно! Не стоит, не стоит!  
Ни себя не вини, ни ее!  
Где-нибудь кто-нибудь успокоит  
Одинокое сердце твое.

Но ее одиночество – тише! –  
Не тревожь и не бейся спяна! –  
Пусть и плач из-за двери услышишь,  
Но дверей не откроет она!..

1982; 1991

## НЕВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

1

Опять от невольных мыслей  
Я долго не мог забыться.  
Казалось мне: мыши точат  
Подгнившие половицы.

И шорохи дум подпольных,  
Царапанье, скрежетанье  
Мое доводили сердце  
До страстного содроганья.

Глядел я в свое былое,  
Но все, что мне было видно,  
Казалось ужасно – или,  
По меньшей мере, постыдно.

Но было еще ужасней  
Мне знать, что оно таится  
Во мне – ну, а значит, может  
Не раз еще повториться.

И так, пока не забылся,  
Блуждал я во мраке мутном.  
Но те же явились мысли,  
Едва я очнулся утром.

2

Я думал: Творец, зачем же  
Так много даров прекрасных  
Ты дал мне, хоть знал, что все их  
Я сам расточу напрасно!

Зачем Ты своим дыханьем  
Вдохнул в мое тело душу,

Хоть знал, что Твои заветы  
Я тысячи раз нарушу!  
Зачем же и этой ночью  
Меня от бесславной смерти  
Сберег Ты, хоть знал, что вновь я  
И вновь согрешу на свете!

Что даже когда взываю  
К тебе я в смиренье ныне,  
Не можешь Ты сам не ведать,  
Что паче оно гордыни!

Что все мое суесловье –  
Не боле, чем прах распадается!  
И встал я, и хмуρο вышел  
В апрельскую сырость сада.

3

Какое сырое утро!  
Бессолнечный свет над садом  
Спокоен и желт. На грядках  
Капустная спит рассада.

Цветущий спит огуречник.  
И даже ветер гуляющий  
Забился, устав бродяжить,  
В межи травяную чащу.

Сейчас и он не тревожит  
Крапивы и молочая.  
И вся земля пребывает  
В покое необычайном.

Лежит, стряхнуть не желая  
Ночного оцепененья.  
И только с ветвей по капле  
За каплей текут мгновенья.

Скользят по коре шершавой  
И падают неуклонно  
В рассветную чашу сада,  
Где время копится сонно.

4

Чего ж ты томишься, сердце?  
Смотри, как земля красива,  
Как розовы ветви вишни,  
Как груша черна и слива.

Давай я свой след оставлю  
На вскопанном черноземе.  
Малина спит и крыжовник,  
Еще не проснулись в доме.

Еще ожиданье в мире,  
Еще новый день неведом.  
И только кот и собака  
Ходят за мною следом.

То отбегут к ограде,  
То снова трутся о брюки,  
Восторженно тычась носами  
В колени мои и руки.

Как бы разбудить стараясь  
В душе моей чувство долга:  
Ну, что ж ты нас не погладишь?  
Мы так тебя ждали долго!..

5

Какое сырое утро!  
Бессолнечный свет над садом  
Спокоен и желт. На грядках  
Ночная лежит прохлады.

Еще не слышать с березы  
Скворца торопливой песни.  
И только кот и собака  
Со мною бодрствуют вместе.  
Мелькают стремглав по саду,  
В восторженной пляшут дрожи.  
Уверены, что их радость  
И я разделяю тоже.  
Я глажу, любя, их спины,  
Любя, их треплю за морды.  
И вдруг хохочу невольно  
Над пылом мечтаний гордых.  
А что как и нас Создатель  
На самом-то любит деле  
Совсем и без дальней мысли,  
Совсем и без близкой цели!

6

Царит тишина в округе.  
Спят люди и спят растенья.  
И только с ветвей по капле  
За каплей текут мгновенья.  
Да я, разодрав рубаху,  
Штаны промочив до колена,  
С котом моим и собакой  
Играю самозабвенно.  
То спрячусь за куст сирени,  
То вновь подзову их свистом.  
И мчатся они за мною,  
По травам скользя росистым.  
А я смотрю на деревья,  
На эти сырые дали,

Где вволю хватает места  
И радости, и печали.  
Где места хватает вволю  
Для горести и веселья  
В пасхальное это утро,  
В апрельский день воскресенья.

*17 декабря 1990 – 28 мая 1991*

\* \* \*

Ты спроси, тебе отвечу,  
Пусть ответ и не хорош,  
Я одно тебе замечу:  
Не во всякой правде ложь.  
То есть, может, и во всякой,  
Только это все равно,  
Раз любой ответ двоякий  
Значит в сущности одно.  
Простота – еще не ясность,  
Тьма – еще не глубина,  
В разделеньи сопричастность  
Лишь сильней обнажена.  
Даже *нет* и *да* едины,  
Когда мы их говорим,  
Как паук и паутины  
Сетка, сотканная им.

*Осень 80; 2 июня 1991*

\* \* \*

Нет никого, кто мог  
Помочь бы в этот час.  
Неужто даже Бог  
Совсем покинул нас?  
И не к кому вовне  
Взывать сейчас с мольбой?  
И мы наедине  
Оставлены с собой?  
  
Неужто может быть,  
Чтоб Тот, Кто так любил,  
Не захотев судить,  
Простил нас и забыл?..

*4 июня 1991*

\* \* \*

Дай мне гнева и любви...

Я все просил то гнева, то любви,  
Я все молил о помощи Господней,  
Дабы мой мир, родившийся в крови,  
Когда-нибудь омыл ее с ладоней.  
И в липких находясь его руках,  
Такой же, как и он, пустой и грешный,  
Свой ужас заклинал я впопыхах  
И страхи заговаривал поспешно.  
Я говорил: как ни печально жить,  
Но и во тьме есть проблески сиянья,  
Что, может быть, смогу я искупить  
Грех соучастья болью состраданья;  
Я говорил о листьях и траве,  
О красоте редющего сада.  
О птичьих стаях в мокрой синеве, –  
Но здесь об этом повторять не надо...

*5 июня 1991*

\* \* \*

Слева сосны, а справа кладбище,  
Хвоя падает на траву.  
Я на свете пожить был бы рад еще,  
Да, быть может, и поживу.

Поживу еще, мысль додумаю,  
Что назвать пока не могу.  
В старость старую юность юную,  
Как сумею, поберегу.

Вечер полон осенней сырости,  
Электричка гудит во мгле.  
Дай по милости, Господи, милости  
Уходящей во тьму земле.

Все едино и все единственно.  
За оградой кресты могил.  
«Я есмь Жизнь, Я есмь Путь и Истина!» –  
Сам когда-то Ты говорил.

И я верую, Боже, верую, –  
Укрепи ж меня, просвети! –  
Что еще сквозь распад и скверну я  
Из себя смогу прорасти.

Как весной трава-муравушка,  
Перетлевший прах отряхнув,  
Сам себя потихоньку за ушко  
Да на солнышко потянув.

Оттого б и хотел жизнь долгую,  
Хоть и малой не заслужил,  
Что теперь лишь понял, как многое  
Переживши – не пережил.

Ибо знаю душой отныне я,  
Что по воле Твоей готов  
В миг любой уже без уныния  
Отойти от земных даров.

От пространств этих сине-пепельных,  
Где закат еще не погас.  
От всего их великолепия,  
Так любимого мной сейчас.

*Осень 90 – 19–27 июня 1991*

\* \* \*

Слышу я, что охвачены мы распадом –  
Каждый в отдельности и вся страна,  
Что приближаются, что – вот! – уже рядом  
Апокалипсические времена.

Но что же здесь нового? Еще с грехопаденья,  
Надо полагать, они приближаются к нам,  
Ничуть не мешая прозреньям и заблужденьям  
Героев и злодеев житейских драм.

Да ведь тем и прекрасен мир сущий,  
Что для каждого едины в нем вечность и миг,  
Что даже Страшный Суд, все человечество ждущий,  
Ничего не отменяет ни для мертвых, ни для живых!

*25 июня 1991*

\* \* \*

*И. Ф.*

Я люблю тебя! – еще не веря,  
Я сказал. Но разве мог я знать,  
Что от этих слов замкнется время  
И с натугой повернется вспять!

Разве мог я знать, что вечность мерит  
Не рассудок, а слепая страсть,  
Что беремся сами мы за бремя,  
Под которым гнуться нам и пасть!

Что опять из бытия двойного  
Прорастет минувшее – и снова  
Зашумит из корня одного  
Сад земной, кренясь многоголово;

Что стократ нам возвращает слово  
То, что сами вложим мы в него!

*1982; 5 июля 1991*

\* \* \*

Птичий свист не тревожит пространство,  
Нет на кладбище ни деревца.  
Только бабочка с нежным упрямством  
Все кружит и кружит у лица.

Близко так, что касается кожи  
Ее крылышек тонкий атлас.  
Словно хочет открыть и не может  
Мне какую-то тайну о нас.

*7–9 июля 1991*

## ПРОЩАНИЕ С ЯЛТОЙ

В окне ресторан «Ореанда»  
И в море пустом пароход...  
Но лучше об этом не надо,  
Не тот нынче месяц и год.  
Что толку по давнему следу  
Вторично прокладывать путь.  
Я завтра отсюда уеду  
И не пожалею ничуть.  
И не пожалею нимало,  
Что видеть не буду уже  
Ни флаг на шесте у причала,  
Ни чаек в крутом вираже.  
Ни даже весеннего моря  
Покрытую гребнями даль,  
Ни даже кой-где по предгорьям,  
Как прежде, цветущий миндаль.  
За утренней дымкой тумана,  
Что зябко дрожит на пути,  
Минувших любви и обмана  
Прозревшей душе не найти.  
Ушедшее невозвратимо,  
Я лучше о нем промолчу.  
Мне видеть не надобно Крыма,  
Чтоб знать о нем все, что хочу.

*30 мая 1991*

\* \* \*

Встретились, сидели, говорили,  
Водку пили, разошлись опять.  
Каждого по-своему любили,  
Хоть не успевали понимать.  
  
Только разве в пониманье дело?  
Кто придумал, что понять – простить?  
Жизнь устала и не захотела  
Ни о чем ни плакать, ни просить.

Разве что еще не перестала  
Иногда, как в давние года,  
Так дрожать под зябким одеялом,  
Как дрожат под током провода.

*1991*



\* \* \*

Много лет я не вижу деревья, что я посадил,  
Эти яблони, груши и сливы, что я поливал вечерами.  
Без меня зацветают они торопливо и буйно, из сил  
Выбиваясь, – без меня отягченно сникают,  
покрывшись плодами.

Без меня, перезрев, их плоды опадают в траву,  
Без меня, без меня тянут сок их густеющий  
осы и пчелы.

И уже никогда, никогда в том саду не сорву  
С ветки яблока красного я, желтой груши  
и сливы лиловой.

Ну и что ж! И пускай! Я ли стану на это пенять?  
Мир настолько богат, что ему не нужны повторенья! –  
Двух плодов одинаковых нету, двух лиц, –  
не пора ли принять  
Эту муку, как счастье со-творчества и со-творенья!

Хорошо! Хорошо, что просторна земная судьба.  
Хорошо, хорошо, хорошо, что легко разместить в ней  
Столько прожитых жизней и столько различных себя,  
Сколько звезд в небесах, сколько в роще березовой  
листьев.

Ниоткуда уйти невозможно! Мы – всюду,  
где были хоть раз!  
Каждый миг, словно семя, скрывает в глуби своей  
вечность.

Сколько мужества надо, чтоб знать,  
что я жив посею сейчас  
И в былом, – о, какие отвага нужны и беспечность.

Но я чувствую их! Я живу, продолжая расти,  
Облетая, как сад, и опять вызревая плодами.  
Сколько надо смиренья, о, сколько любви, чтоб снести  
Мысль, что в нашем грядущем нас всех  
ожидаем мы сами!

О, жена моя нежная! О, дорогие друзья:  
Коля, Витя и Боря, и Гена, и все, кого не называю,  
Не пространство и время наш дом! Это, слышите? я  
Вам сейчас говорю и восторженных слез не стираю!

Это я говорю вам на кухне, где бродит сквозняк,  
Одинок проснувшись задолго еще до рассвета,  
Ибо так я устроен, и так ощущаю, и так  
Лишь могу говорить – даже не получая ответа!..

*18 августа – 7 сентября 1991*

\* \* \*

*И. Ф.*

Снова лязганье стали во мгле  
Стало лучшею песней для слуха!  
Бой не в небе и не на земле,  
Он в таинственной области духа!

Ибо, если нам выпадет пасть,  
Только в этом падем мы сраженье,  
Где рассудок, с душою борясь,  
Побеждает, терпя поражение.

И, случайные смазав черты,  
Бормоча мне блаженные речи,  
Рвутся в грудь мне деревья, кусты,  
Чтоб от мысли уйти человечей.

Веря вновь, что уже не предам  
Я ни их, ни всего мирозданья,  
Как когда-то в Эдеме Адам,  
Прикоснувшийся к древу познания.

*7 ноября 1991*

ПЕТРУ РЕЙНГАРДТУ-НИКУЛИНУ

1

Ты прости, что тебя растревожу я, –  
В этом каждый из нас виноват,  
Это мы – с поущения Божия –  
Нашу родину ввергли в разлад.

Это мы ее предали, роздали,  
Оболгали на все голоса.  
Сколько ж лет над столицею звездные  
Я не вижу уже небеса!

Ни Большой и ни Малой Медведицы  
В этот чад не пробьются лучи.  
Лишь с Кремля, как поклеп на них, светятся  
Их подобия в адской ночи.

Воспаленно мерцают из темени,  
Льют за бликом пылающий блик,  
Словно знаки бесовского времени,  
Заклеймившего родины лик!

2

Утро новое встанет насупленно,  
Закрывая лицо от стыда,  
Чтоб не видеть все то, что погублено  
И тобою, и мной навсегда.

Навсегда? Замолчи! – сам себе твержу,  
Но, увы, замолчать не могу.  
Так мы все тут крушили без удержу,  
Как не снилось, пожалуй, врагу.

А друзей у нас в мире и не было.  
Мы и сами себе не друзья!

Быль грядущего старою небылью  
Ни изжить, ни исправить нельзя.

Можно только смотреть немигающе,  
Горьких слез не стирая со щек,  
На последние блики пожараща,  
На золу, что дымится еще...

*5 января – 7 апреля 1992*

\* \* \*

Ничего не надо, кроме, может,  
Тихого спокойствия в душе,  
Чтобы, жизнь минувшую итожа,  
О небывшем не вздыхать уже.  
Мой ли с миром путь не одинаков!  
Чем же всех других виновней я? –  
Боже, Боже звезд и хлебных злаков,  
Пощади меня и муравья.  
Пощади меня и эту в поле  
Чистую без тени синеву.  
Дай мне без уныния и боли  
Видеть то, что вижу наяву.  
Или дай забыться мне во мраке,  
Кануть в ночь без слова и огня,  
Чтоб, как спящих хриплые собаки,  
Сны земли не мучили меня.

*1 марта 1992*

\* \* \*

Декабрь, а как апрель!  
Зима, а как весна!  
И мыслей канитель  
Совсем лишает сна.

О чем же? Да о том,  
О том, о том опять,  
О том же об одном –  
И невозможно спать.

И горяча постель,  
И ты, о сне забыв,  
Все слышишь, как капель  
Грохочет об отлив;

Как вздрагивает жечь,  
Как стекла дребезжат;  
Как в жадной жажде жить  
Ночной стенает сад;

И тянется к окну –  
Душе твоей навстречь,  
Твердя захлеб одну,  
Одну и ту же речь.

О чем же? Да опять  
О том же об одном,  
Поскольку вовсе знать  
Не хочет об ином,

Как прежде, как тогда,  
Тогда, тогда, тогда,  
В те давние года,  
В те давние года,

Которых – Боже! ах!  
Избавь меня от мук! –  
Ни удержать в руках,  
Ни выпустить из рук!

*Декабрь 1991 – 9 апреля 1992*

\* \* \*

Я повторяю вновь –  
Горька моя судьба:  
Слаба моя любовь  
И ненависть слаба.

И чувства, и ума  
Во мне лишь тени тень.  
Как нищему сума,  
Безрадостен мне день.

Как узнику тюрьма,  
Безрадостна мне ночь.  
Душа себя сама  
Не может превозмочь.

Я в сытости не сыт  
И в пьянстве я не пьян.  
И только едкий стыд  
Мне полной мерой дан.

*9 апреля 1992*

## К Р Ы М

Синее небо, лиловое море,  
Серая галька с потеками соли,  
Лозы, сплетенные в грубом узоре,  
Снова припомнились мне поневоле.

Все же для русского сердца, признаюсь,  
Странно родны эти дальние дали,  
Чайки стремительной тень вырезная,  
Грохот лебедки на близком причале.

Нет, не о неге я теплого рая,  
Не о цветущих магнолиях парка,  
Не о закате, что, нежно сгорая,  
Встал над водою, как пестрая арка.

Нет, не о ночи, пробитой, как сито,  
Золотом звезд, не о блеске рассвета,  
Не о беспечности той, что сокрыта  
В каждом мгновении южного лета.

Все это тысячу раз воспевали –  
Горы и небо, и пену прибоя.  
Нет, я о том, что мы их потеряли,  
Сами отдали без всякого боя.

Что же ты, Миних, не встанешь из гроба,  
Что ж ты, Потемкин, горячей глазницей  
Не обернешься к нам, гневаясь, чтобы  
Пламя стыда опалило нам лица!

Где ж вы, Нахимов, Корнилов, Тотлебен,  
Где ж ты, Истомин! – восстаньте из праха.  
Нет ни Крыма, ни моря, ни неба –  
Нет ничего, кроме жалкого страха!

Заняты внуки иными делами,  
В правнуках нет ни любви и ни силы.  
Господи Боже мой! что ж это с нами,  
Что ж сотворили мы с родиной милой!

И понапрасну я к предкам взываю.  
Некому взять их оружие в руки,  
Некому больше от края до краю  
Снова пройти сквозь страданья и муки.

Армий победных не встанут солдаты,  
Нет, неподъемен им гнет отвращенья  
К слабым потомкам... Позор нам – расплата!  
Предали их мы – и нет нам прощенья!

Пить нам теперь чашу Божьего гнева,  
Желчью давиться до смертного пота,  
Слушая скрежет иудина древа –  
Мачты последней Российского флота!..

*6 мая 1992*

## НАКАНУНЕ ПАРАДА (У памятника Пушкину)

И разные стояли люди,  
И наблюдали сотни глаз,  
Как зачехленные орудья,  
Качаясь,плыли мимо нас.

Как вырастали в мраке тайны,  
Как стадо мамонтов сопя,  
Самоуверенные танки,  
Тремя глазами слепя.

Как в бликах мертвенного света,  
Не зная ни добра ни зла,  
Изящно двигались ракеты,  
По-рыбьи вытянув тела.

Как проходили ряд за рядом  
Машины, полные солдат, –  
Как ты, и я, и все, кто рядом,  
Мы в этот миг дышали в лад.

Как мы смотрели в сумрак стылый,  
До боли стиснув кулаки,  
Когда со сдержанною силой  
Пред нами двигались полки.

. . . . .

Так я писал тому уж боле  
Лет двадцати. Но понял вдруг,  
Что прославляю поневоле  
Коммунистический недуг.

Весь бред интернационала,  
Души растлившейся грехи! –  
И омерзительно мне стало:  
Я эти выбросил стихи.

Но вот сегодня на рассвете  
Открыл глаза и в тот же миг  
Нежданно вспомнил строки эти  
И вновь записываю их.

Нет, не в порыве жалкой лести  
Они мной были сложены.  
Я пел о доблести и чести  
Моей любви, моей страны.

Я пел о прежней громкой славе –  
И были помыслы чисты! –  
Стараясь сквозь гримасы яви  
Прозреть бессмертные черты.

И ныне, ставя к старым строфам  
Строфу за новою строфой,  
К Америкам или Европам  
Я обращаю голос свой.

Да, вы сейчас нам не грозите, –  
Но с похвалою на устах  
Вы к нам по-прежнему таите  
Все те же ненависть и страх.

Я знаю цену вашим дружбам  
И миротворческим словам.  
О, как – бессильным и недужным! –  
Вы аплодируете нам.

О, как сияют ваши лица,  
Как размягчаются черты,  
Когда сползаем мы к границам  
Времен Ивана Калиты.

Когда Россию рвут на части,  
Как штуку красного сукна,  
Народы, кои в час несчастья  
Спасла от гибели она.

За веком век, за сыном сына  
Она за них бросала в бой!

. . . . .

Еще застонет Украина  
Под католической пятой.

Среди удушливого дыма,  
Под грохот польских батарей –  
Лазурь захваченного Крыма  
Еще предстанет перед ней.

Еще балтийские народы  
Свой перед Русью вспомнят долг,  
Когда раздавит их свободы  
Тевтонца кованый сапог.

Еще с вождей грузинских чары  
Слетят, как ржавые листья,  
Когда обрушат янычары  
С церковей поруганных кресты.

Да, долгих семь десятилетий  
Мы все несли проклятья груз.  
Так что ж на брезжущем рассвете  
Вы рвете нити кровных уз?

Как будто бы безгрешны сами,  
На нас одних взвалили грех!

. . . . .

Иль тем виновны мы пред вами,  
Что пострадали больше всех?

Иль, может быть, в азарте мнится  
Вам всем, что из небытия  
Уже вовек не возродится,  
Не встанет родина моя?

Напрасны эти обольщенья!  
Распад, сумятицу, разброд,

И нищету, и униженья –  
Все русский вынесет народ.

Я говорю кавказским звездам,  
Я говорю якутским льдам,  
Что снова – рано или поздно! –  
Но мы еще вернемся к вам.

Не в ярости, не мести ради,  
А лишь на ваш призывный глас,  
Ибо не в силе Бог, а в правде,  
А правда Божия у нас!

И что мечтания Китая,  
Европ, Америк ли возня, –  
Когда воскреснет Русь Святая,  
Как птица Феникс из огня.

Все будет так, а не иначе.  
Мы вновь пойдём, коль грянет срок,  
На Запад умственный – и алчный,  
Жестокий, женственный Восток.

Снесем все беды, как сносили,  
Единым пламенем горя,  
За нашу веру, за Россию  
И православного царя!..

*6 ноября 1967; 8 мая 1992*

\* \* \*

Не оттого, что глаза заблестели,  
А оттого, что блестящи они,  
Словно игрушки на праздничной ели,  
Словно гирлянд новогодних огни,

Я вдруг подумал – о чем я подумал? –  
Да, я подумал, что жизнь или смерть,  
Страх и беспечность, раздумье и удаль –  
Как ни торопят, а нам не успеть;

Нам не успеть... все, что мы говорили,  
Все, что сказать не сумели тогда,  
Сами, увы, расставаясь, забыли,  
Чтобы припомнить, – но через года;

Через... ах, сколько их минуло в спешке!  
Сколько раздавлено, как скорлупа  
В фольгу завернутых грецких орешков, –  
Юность, о как же была ты глупа;

Как же глупа, мня, что радость искупит  
С нежною болью закушенный рот  
В алой помаде; что память притупит  
Му́ку твою и в муку́ перетрет,

Словно бы пестиком в ковеной ступе  
Ядра орехов, – и лишь в свой черед  
Тем утешаюсь я, что наперед  
Знаю, что зрелость тебе не уступит  
В глупости давней, – а время наступит:  
Старость и вовсе тебя превзойдет!..

Так превзойдет, что покажется мудрой  
Глупость твоя – обойми ж меня вновь



Всей своей ветреной, ласковой, хмурой  
Страстью пронзительной, словно любовь!

Так захлестни же, хотя б на мгновенье,  
Так ослепи ж меня ярким зрачком,  
Чтобы, к себе не скрывая презренья,  
Злой, обессиленный – в недоуменьи,  
Снова к твоим припадая коленям,  
Пел я и плакал, не зная о чем!..

*16–19 мая 1992*

\* \* \*

Вишня на склоне июньского дня,  
Нежного клевера сонный трилистник.  
Радуюсь я: они лучше меня!  
Равенства требует только завистник.

Я ж не завидую ни соловью,  
Ни золотому спокойствию сада.  
Разве стесняет свободу мою  
Сбитая мною из теса ограда?

Нет, не стесняет! Я к птицам в родство  
Не набиваюсь. И так в этот вечер  
Мне хорошо под густою листвою  
Яблонь, вздымающих пышные плечи.

Всем нам даны и призванье и труд:  
И соловью, и цветам, и деревьям;  
Солнцу и звездам, что скоро взойдут  
На небосводе и юном, и древнем.

Нет одиночества в мире живом,  
Если несешь с ним единую ношу  
Песней весенней, осенним плодом,  
Лётом семян в ледяную порошу.

Новым побегом взойти ли в золе,  
Стать ли золою, питающей корни:  
Бог в небесах, государь на земле –  
Мир и в домах, и в обителях горних.

Только один есть у каждого путь,  
Всё остальное – окольные тропы.  
Да не дозволит на них мне свернуть  
Доброго дела спасительный опыт.

Да уведет от пустой суеты,  
Воли не дав непомерной гордыне.  
О да вовеки минуй меня ты,  
Ревность к отцу, недостойная в сыне.

Вот и закатное льется вино  
В ночи узорной горящую чашу.  
В каждом мгновении жизни дано  
Нам охватить всю вселенную нашу.

Что тут прибавить и что тут отнять!  
Без старшинства невозможно и братство.  
Лишь полнота нищеты нам понять  
И позволяет ущербность богатства.

Все есть у вишни и у соловья,  
Все есть у ветра и дальней зарницы.  
Лучше меня они: радуюсь я!  
Есть мне пред кем в восхищенье склониться.

Есть и молчать, и сказать мне о ком  
С тихой улыбкой любви неслучайной  
Словом, на землю упавшим легко,  
В небо растущей безмолвною тайной.

*Сентябрь – 6 октября 1992*

\* \* \*

*В. Дронникову*

С чего начать? Начну с конца,  
С земли, раскисшей под ногами,  
С креста железного, с лица  
Отца, склонившегося к яме.

Да, я запомнил навсегда,  
Хоть никогда мне не приснится,  
Как эта желтая вода  
В следы оплывшие струится.

И до сих пор нейдет из глаз  
Мельканье комьев торопливых  
И луч, что вспыхнул и погас,  
Последним светом озарив их.

Потом здесь вырастет трава,  
Сплетаясь в заросли глухие.  
Потом отыщутся слова  
Такие же, как все другие.

Я много раз их повторю –  
И обточу, и обкатаю.  
Я сам в себе заговорю  
То, что услышать не желаю.

Заговорю, как детский страх,  
Как тайный стыд, чтоб понемногу  
Оно осыпалось, как прах,  
Как пыль, осело на дорогу.

Дорогу, что ведет меня  
С той прямою необычайной  
День изо дня, день изо дня  
На встречу с матерью печальной.

*1993*

\* \* \*

Время сплошных неудач,  
В жизни и на сердце смута.  
Ветер, промчавшийся вскачь,  
Мне не догнать почему-то.  
Я ведь ничуть не устал,  
Что ж это, право, со мною,  
Что ж я совсем перестал  
В небо смотреть голубое.  
Помню: вчера лишь смотрел,  
Видел, как солнце садится.  
Помню: вчера лишь свистел  
Вслед улетающим птицам.  
Под ноги нынче гляжу,  
Голову вскинуть нет мочи.  
Мокрым асфальтом брожу,  
Листья топчу у обочин.  
Глух городской листопад,  
Осень глухая недужна.  
Все, чему прежде был рад,  
Вдруг оказалось не нужно.  
Что же мне нужно теперь,  
Что ж я ищу мостовую!  
Есть не одна еще дверь,  
Что распахнут предо мною.  
Есть не один еще друг,  
Что улыбнется при встрече.  
Десять найду я подруг,  
Чтоб провести этот вечер!..  
Время сплошных неудач...

1993

\* \* \*

Начинаю словно об одном,  
А кончаю чем-нибудь другим.  
Вот опять я вижу этот дом,  
Странные скульптуры перед ним.

Девушка с винтовкою в руке,  
Юноша с отбойным молотком.  
Дай мне, моя Родина, в тоске  
Выплакать все слезы о былом.

Дай мне вынести новую беду,  
Не одну, пожалуй, не одну!  
Я сейчас на Обуха сойду,  
В Троицкую лавку загляну.

Дамаскина книгу я куплю,  
Отрывной куплю я календарь.  
Боже, Боже, я тебя люблю,  
Может быть, острее в эту хмарь.

В эту склизь январскую и муть,  
В этом зле, попущенном Тобой,  
В грудь пытаюсь воздух протолкнуть  
От бензина грязно-голубой;

Выхлопными газами дыша,  
Посреди истерзанной страны,  
Неумело высказать спеша  
Покаянья слово и вины.

. . . . .

Это я, никчемный и пустой,  
Может быть, последний из людей,  
На московской грязной мостовой  
Вопию о милости Твоей,

Словно опасаясь не успеть  
Все провалы вычистить души,  
Боже, я готов бы умереть –  
Лишь бы только больше не грешить.

Лишь бы только снова этот край  
Прадедов, и дедов, и отцов  
Стал – не раем – здесь не нужен рай! –  
Колыбелью для его жильцов.

*Январь, апрель 1993*

\* \* \*

Солнца шар раскаленный  
Блещет в небе, исполненный мощи,  
Над еще не зеленой,  
Но еще зеленеющей рощей.

Жар, с деревьев срываясь,  
Всходит паром над каждой лужей.  
Но бутоны, взрываясь,  
Не огнем опаляют, а стужей.

И в восторге озноба,  
Что в крови запекает победно,  
И бессилье, и злоба,  
И тоска исчезают бесследно.

*6 ноября 1993*

\* \* \*

Засыпаю, крепко сплю, и снится,  
Что я сплю у вечности в руке  
И поет мне звонкая синица  
На своем синичьем языке;  
Словно бы внушить пытаюсь песней,  
Повторяя простенький напев,  
Что не будет смерти, что воскресли  
Мы, еще родиться не успев.

*8 ноября 1993*

\* \* \*

Не о вечном!.. О вечном успеется.  
Я о суетном, только о нем,  
Что, как дождик, струится и сеется,  
Застилая собой окоем.  
Я о нем, о бормочущем жалобно,  
Тихо ноющем день изо дня,  
Словно что-то мучительно надобно  
Ему в каждый мой миг от меня,  
Словно просит оно, слезно жалуясь,  
Чтоб погладил, прижавши к лицу,  
Я его, как ребенка, что, балуясь,  
Вдруг упал, потянувшись к отцу...

*5-6 февраля 1994*

\* \* \*

Колышется сердца заброшенный пруд,  
Темнеют коряги на илистом дне,  
Столбами вокруг испаренья встают  
И вновь оседают на мертвой воде.  
Не пьют ее звери и птицы не пьют!  
Лишь змеи порою к воде приползут  
И долго, в клубки перевиты,  
Безгубыми ртами по капле сосут  
За каплей раствор ядовитый.  
Лишь черные раки, клешнями стуча,  
Всплывут на раздувшемся трупе.  
...И вновь все замрет! – разве что сгоряча  
Вдоль берега леший пройдет, гогоча,  
Иль пьяная ведьма, монистом бренча,  
За зельем примчится на ступе.

*1980 – 16 февраля 1994*

## О ЦВЕТАХ

О цветах и опять о цветах,  
И опять о цветах среди луга,  
И еще о цветах – впопыхах –  
И не слыша, и слыша друг друга.  
Все о них, наклонившихся к нам,  
Все о них, уходящих далече,  
Не внимая отдельным словам,  
А сливаясь, подобно волнам,  
В торопливом течении речи.  
Все о них, все о них, все о них,  
Об узоре резных лепестков их:  
Бледно-розовых и голубых,  
Ярко-желтых и густо-лиловых.  
Все о них, нам ласкающих взор  
От рождения и до кончины,  
Ибо только они до сих пор  
На земле и остались невинны.

*20 августа 1994*

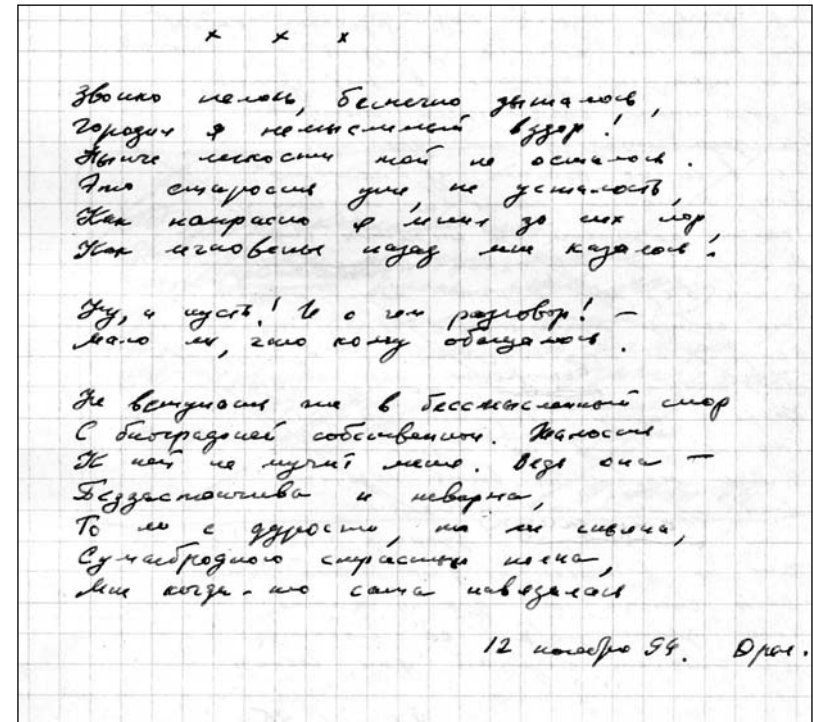
\* \* \*

Звонко пелось, беспечно дышалось,  
Городил я немислимый вздор!  
Нынче легкости той не осталось.  
Это старость уже, не усталость,  
Как напрасно я мнил до сих пор,  
Как мгновенье назад мне казалось.

Ну, и пусть! И о чем разговор! –  
Мало ли что кому обещалось.

Не вступать же в бессмысленный спор  
С биографией собственной. Жалость  
К ней не мучит меня. Ведь она –  
Беззастенчива и неверна,  
То ли с дурусти, то ли спьяна,  
Сумасбродною страстью полна,  
Мне когда-то сама навязалась.

12 ноября 1994. Орел



\* \* \*

И в эту ночь почти не спавши,  
Встречая мутную зарю,  
К стеклу оконному припавши,  
Я сам с собою говорю  
О том, что жизнь моя постыла,  
Что в никуда никчемн путь,  
Что даже близкая могила  
Уже не радует ничуть,  
Что давят мысли, словно гири,  
Что я от слов своих устал,  
И пусто так, как будто в мире  
Христос вовек не воскресал.

*1993, 21 октября 1994*

\* \* \*

Мне бы от злобы уйти,  
Мне б раздраженье умерить.  
Господи Боже, прости,  
Дай полюбить и поверить.  
Дай мне унынье стряхнуть,  
Выйти из тьмы одичанья.  
Дай мне осилить мой путь  
Вплоть до его окончанья.

*22 января 1995*



\* \* \*

*Е. Чернову*

Что я не видел и где я не был?  
Что мне осталось еще сказать?  
Под этим низким, под русским небом  
Мне так не хочется умирать.  
Мне так не хочется в эту землю,  
В суглинка сдавленные пласты,  
Где деды-прадеды мои дремлют,  
Не в силах выйти из немоты.  
Нет, немота меня не пугает,  
Земли родимой не страшен гнет,  
А страшно то, что не истлевает  
В ней все, что мучит меня и жжет;  
Что сквозь прикрытые смертью вежды  
Острее и пристальней я взгляну  
На жизнь былую, но без надежды  
Хотя б одну искупить вину;  
Что я увижу до жути ясно,  
О, как могла бы быть хороша  
Моя измученная напрасно,  
Моя страдающая душа;  
Что не восстанут для новой битвы,  
Дабы спасти ее, дух и плоть;  
Что даже робкой ее молитвы  
Не станет слушать уже Господь.

*31 января 1995*

\* \* \*

Снег в саду синей, чем молоко,  
Розовато-мокры ветви вишен.  
Сер восток, но запад – высоко –  
Словно огненным узором вышит.  
Запах талых почек и воды,  
Лужи, подмерзающие к ночи.  
За день не свершенные труды  
Тяготят сейчас меня не очень.  
Может быть, не стоило бы мне  
Этой беззаботною печалью  
Утешать себя, но по весне  
Как бы легче тяжесть за плечами:  
Тяжесть бед минувших, тяжесть лет,  
Что, подьемля взгляд к небесной шире,  
Где играет в переливах свет,  
Можно вновь подумать – будто нет  
Ничего законченного в мире.

*7 февраля 1995*

\* \* \*

Все, что можно, и все, что нельзя,  
Все, что ложно, и все, что не ложно,  
С твоих слов я запомнил, скользя  
Над провалом судьбы невозможной.

Это ты напевала мне, мать,  
Песни душевные жизни дремучей,  
Песни мира, где не благодать,  
Песни мира, в котором скрывать  
Нож в кармане я с детства приучен.

Это ты от рожденья во мне  
И беспечность, и гордость, и ярость,  
И смиренность, и злобу, и жалость  
Затянула узлом – я вполне  
Не распутал его и под старость.

Я вполне его не развязал,  
Хоть изрядно в зубах измочалил.  
Все мрачнее смотрю я в глаза  
Одиноким кошмаров ночами.

Нет, они не пугают меня,  
Отступая от первого взмаха.  
Никогда ни за что не виня,  
Ты меня отучила от страха.

Подворотен промозглая тьма,  
Переулков крутые изгибы.  
Гроз бездомных глухие грома,  
Дней безлюбых кровавые глыбы.

Я ль им должен? Они ль мне должны?  
Но на горечи их забродила  
Эта брага, которой пьяны

Необъятные дали страны,  
Те просторы, где погребены  
Наши прежние удаль и сила.

Никому бы о том не сказать,  
Никогда бы об этом не слышать.  
Над твоею могилою, мать,  
Поднимаются травы все выше.

Нежный клевер, цикория синь,  
Свет ромашек и кашка живая...

. . . . .  
. . . . .  
Это я! Твой единственный сын,  
Твоя плоть, твоя кровь горевая.

Я с ума не сошел, и душой  
Я не болен, хоть ноет порою.  
Мне бывает еще хорошо  
Предвечернею тихой порою.

Я еще не бегу от труда,  
Я покуда способен к безделью,  
Хоть быстрее и быстрее года  
Все текут сквозь меня, как вода  
Сквозь песок над твоей колыбелью.

Я не часто склоняюсь над ней,  
Мне, чтоб помнить, не надобно видеть.  
Что б ни сделал в сумятице дней,  
Мне тебя все равно не обидеть.

Холм заросшей бурьяном земли,  
Пыль по звездам, крестам и оградкам...  
Жизнь со мной, а как будто вдали,  
Смерть вдали, а как будто бы рядом.

Ну и пусть! Я себя не кляню.  
Я смотрю на себя безнадежно.  
Пред тобой и собою вино

За отца, за сестру, за жену,  
За лежащую в прахе страну  
Искупать мне, наверное, поздно.

Разве что и осталось стоять  
На кладбище великой державы,  
Разве что и осталось внимать,  
Как поют твоим голосом, мать,  
Нам родные могильные травы.  
Как им вторят со смертных полей,  
Нас утешить пытаюсь скорей,  
Все о жизни твоей и моей,  
Ни единому слову не веря,  
В ожиданье осенних дождей,  
Легкий мятлик, тяжелый кипрей,  
Василек, подорожник, пырей  
Да осота шершавые перья.

*1994; 25 февраля 1995*

\* \* \*

Время не может, увы, ничему научить,  
Если б могло, то давно бы уже научило.  
Вот среди сосен закатные гаснут лучи,  
Тьма подступает и стужей из тьмы засквозило.  
Что ж я стою на ветру, что ж пытаюсь облечь  
Мысль свою в слово, как будто бы в слове есть сила!..  
Вечность родная не может души уберечь,  
Если б могла, то и в мир бы ее не пустила.

*6 марта 1995*

\* \* \*

Вспомнил вечером я тебя,  
А потом ты приснилась мне.  
Я проснулся, уже не любя,  
И увидел луну в окне.  
Я увидел луну в окне,  
Медный диск ее был щербат.  
И почувствовал вдруг, что мне  
Все равно, кто был виноват.  
Все равно, кто был виноват,  
Все равно, кто будет теперь.  
И дышал за окошком сад,  
Как большой неуклюжий зверь.  
Но огромность мира вовне,  
В исполинский вздымаясь рост,  
Вся вмещалась сейчас во мне –  
От намокшей травы до звезд.  
И, беспечно-отрешена,  
Надо мною душа вилась,  
Словно кончилась жизнь одна,  
А другая не началась.

*24 марта 1995*

\* \* \*

Никто не лучше никого,  
А сам я хуже всех.  
И так уже среди снегов  
Дом утонул, а все его  
Густой заносит снег.  
Заносит снег невзрачный дом,  
Заносит голый сад,  
Заносит все, что мой кругом  
Хотел бы видеть взгляд;  
Что мой хотел бы видеть взгляд,  
Что жадно ищет он  
Сквозь этот долгий снегопад,  
Сквозь снег со всех сторон;  
Сквозь снеговую канитель,  
Сплошных снежинок лет,  
Где все метет, метет метель  
Уже который год;  
Уже который год подряд  
Заносит дом и сад,  
Скрывая в памяти моей  
Все то, что было в ней.

*28 июля 1995*

\* \* \*

Я находил в лесу глухом,  
Почти не думая, дорогу,  
Но заплутал в себе самом  
И пропадаю понемногу.

Я утешать умел других,  
Дабы снесли беду любую,  
Но в предрассветный этот миг  
Себя утешить не могу я.

Что за дурацкая судьба:  
Прожить и жизни не заметить,  
Уйти к себе во глубь себя  
И самого себя не встретить.

*1 августа 1995*

## О ЦВЕТАХ, О БАБОЧКАХ, О ПЧЕЛАХ

Не о городах и не о селах,  
Не о том, что прежде и потом.  
О цветах, о бабочках, о пчелах,  
Больше ни о ком.

Не о мной измученной подруге,  
Не о друге и не об отце.  
О цветах, проснувшихся в испуге,  
С крупными слезами на лице.

Не о маме с бабушкой, лежащих  
С вечною печатью на устах.  
О беспечных бабочках, сидящих  
На крестах, оградах и цветах.

Не о людях, живших и живущих,  
Пусть другой слова о них найдет.  
О бесстрашных пчелах, берегущих  
Смерть цветов, сгустившуюся в мед.

Не о городах и не о селах,  
Не о том, что прежде и потом.  
О цветах, о бабочках, о пчелах,  
Больше ни о ком.

*16–20 сентября 1996*

\* \* \*

Потерять можно то, что нашел,  
Отыскать можно то, что имеешь.  
Ну и ладно, и пусть, хорошо,  
Говори, пока не онемеешь.

Здесь неважно, с чего начинать,  
Здесь неважно, чем кончить в испуге.  
Все равно никому не понять  
Никогда ничего друг о друге.

Все равно не постигнет никто  
На единое даже мгновенье,  
Одинок вжимаясь в пальто,  
Твоего полуночного бденья.

Смысл твоих бормотаний в тиши,  
Повторяющих слышимый в шири  
Голос каждой бездомной души,  
Не имевшей пристанища в мире.

*1996 – февраль 1998*

\* \* \*

Давным-давно исчезла ты,  
Я не узнал ни у кого,  
Куда вели тебя цветы  
По лугу сердца твоего,

Где ты растаяла во мгле  
Июньских роз, июльских гроз,  
Что ты искала на земле,  
Юдоли горестей и слез.

Но весь бесстрашный облик твой,  
Твои глаза, разлет бровей,  
Навек останется со мной,  
Он все живет в душе моей.

Он все живет в моей душе,  
Как отблеск солнца на воде,  
Хоть не вернуть тебя уже  
И не найти тебя нигде,

До той поры, покуда сам,  
Пути не зная своего,  
Я не пройду вослед пескам  
Пустыню сердца моего.

*19 февраля 1998*

\* \* \*

Все покинуло, даже Муза  
Не поет мне в земной ночи.  
Стал я жизни своей – обуза,  
Изжила меня жизнь почти.

Скоро эти ошметья в яму  
Свалит кто-нибудь где-нибудь.  
Что ж себе вопреки – упрямо  
Я еще продолжаю путь,

Что ж бреду я во тьме без звука,  
Без движения, без огня,  
Если мука, одна лишь мука –  
Каждый новый шаг – для меня.

*24 января 2001*

\* \* \*

Жизнь утекает водой из горсти,  
Но не хочу я пить.  
И лень мне ладонь к губам поднести,  
Чтоб вкус ее ощутить.

Я просто смотрю, как течет она,  
Смотрю, как течет она,  
То насквозь прозрачна, а то мутна,  
То прозрачна, то вновь мутна.

Смотрю, как подрагивает рука,  
Как сбегает капли с нее,  
Как бесконечная принимает река  
Конечное мое бытие.

*25 января 2001*

\* \* \*

Мир подьмет лицо на рассвет  
Сквозь сырую январскую стужу.  
Хорошо, что меня уже нет,  
Хорошо, что и мир мне не нужен.

Это ж снова пришлось бы вставать,  
Находить для него оправданья.  
Это ж снова пришлось бы дрожать  
На гнилых сквозняках мирозданья.

Сколько ж можно, друг друга любя,  
Безнадежно друг друга калечить?  
Мы теперь – каждый сам для себя –  
И обоим от этого легче.

Я впервые свободен от всех  
И забот его, и треволнений.  
Пусть же вьется подтаявший снег  
У лица его и у коленей.

Пусть роняет свою канитель  
На мосты, на пустые перроны,  
На ресницы его, на шинель,  
На ремни, кобуру и погоны.

*27 января 2001*

\* \* \*

Вот и последние – два! – облетели –  
Ржавые листья на смерзшийся наст.  
Видно далеко сквозь редкие ели,  
Сквозь перелесок – но видно не нас.

Зябкие тени сгущаются в стыни,  
Зябкой поземкой колдует зима.  
Где затерялись мы в этой пустыне  
Легкой бесплодной игрою ума?

Губы протянешь, но губы не встретишь.  
Плачу, любимая, плачу о том,  
Что одинокой тоски не излечишь,  
Не отогреешь сырым сквозняком.

От полосы Кордильер до Тибета  
Грохот пространства, ревущая даль,  
Горькие всхлипы любви не отпетой,  
Сердце-разлука и сердце-печаль.

Кто их услышит, и кто им поможет,  
Где их приют на бездомной земле!  
Кровоточащий ободранной кожей  
Сизый закат пламенеет во мгле.

Скоро и он упадет, обессилев,  
Ржавой щетиной на смерзшийся наст,  
Скоро и он затеряется в сини,  
В снежной пустыне, не помнящей нас.

Скоро беззвездная тьма закружится,  
Скоро весь мир погрузится во тьму.  
И ничему для нас больше не сбыться,  
Не возродиться уже ничему.



И ничего не останется в мире,  
И не останется с ним никого,  
Кроме скользящих в заснеженной шири  
Легких бесплотных видений его.

*24–31 января, 7 февраля 2001*

\* \* \*

Жизнь меня на ходу подменила,  
Ничего мне о том не сказав,  
И оставила, и позабыла,  
Не взглянув на прощанье в глаза.

День январский пронизывал ветер,  
Было небо над ним, как свинец.  
И никто ничего не заметил –  
Ни друзья, ни жена, ни отец.

Я подмену и сам обнаружил  
Оттого лишь, что разом и вдруг  
Ощутил, как глубоко не нужно  
Стало все, что я вижу вокруг.

Что манившие радости – дики,  
Что желания прежние – ложь,  
Что отныне ни мысли великой,  
Ни порыва в себе не найдешь.

И с тех пор кое-как прозябаю,  
О потере тоску залечив,  
И былого себя забываю,  
И порой удается почти.

Но нет-нет, а как проблеск из чащи,  
Словно яркая вспышка огня:  
Где он там, как он там – настоящий,  
Тот, который покинул меня?

*31 января 2001*

\* \* \*

Не оттого, что сказать больше нечего,  
Не оттого, что признаний моих  
Некому слушать ни утром, ни вечером,  
Я замолчал, затаился, затих.

А для того, чтобы в новых подробностях  
Песен о мире, ушедшем на слом,  
Он не исчез, как в нахлынувших горестях  
Воспоминанье о горе былом.

Не затерялся бы в колющей замети  
Слов, обращенных к себе же самим.  
Пусть он еще поживет в моей памяти,  
Прежде чем сам я отправлюсь за ним.

*6 февраля 2001*

\* \* \*

Что же случилось со мной,  
Если, меня же кляня,  
Кажется, кто-то другой  
В мире живет за меня?

Да, это точно не я  
Эти бормочет слова.  
В холоде небытия  
Стынет моя голова.

Звездная смертная дрожь  
Волосы гладит рукой.  
Да, на меня он похож,  
Но не является мной.

Я бы не мучился так,  
Я б умирать не спешил,  
Глядя в густеющий мрак  
Мира погибшей души.

Нет, это мне не к лицу,  
Как бы он там ни устал,  
Сам торопиться к концу  
Я бы, пожалуй, не стал.

Что же он ищет во мгле,  
Зябко вжимаясь в пальто?  
Вечный приют на земле  
Не обещал нам никто.

Каждый в назначенный час  
Свой переступит порог.  
Что ж он – до смерти! – угас,  
Раньше поры – изнемог?

Жив, а как будто не жив,  
Вынести не в силах потерь?  
Что ж он, меня подменив,  
Мной быть не хочет теперь?

*7 февраля 2001*

\* \* \*

*Д. Порушкевичу*

От прошлого не отказываясь  
И с будущим не ругаясь,  
Как будто волна, откатываясь  
И вновь над собой вздымаясь,

Единый в едином миге,  
В движении их раздроблен,  
Строке, не вошедшей в книги,  
Хотел бы я быть подобен;

Мелькнувшей, но позабытой,  
Оставленной без вниманья,  
Непонятой, неоткрытой,  
Живущей вовне сознания,

Рассудком не холощенной,  
Не стиснутой крышкой тома,  
Подобно невоплощенной  
Душе, оставшейся дома.

*15 февраля 2001*

\* \* \*

Доживаю, но жизнь не клянц,  
И когда просыпаюсь до свету,  
Вспоминаю родную страну,  
Не беда, что ее уже нету.

Нету многого, нет ничего  
Из того, что люблю я доселе.  
Над Москвою-рекой, над Невой,  
Над Амуром и над Енисеем,

Заметая Урал и Кавказ,  
По Днепру, по Днестру и по Бугу  
Только ветер, не помнящий нас,  
Завивает воронками вьюгу.

Мир, которым я был опьянен,  
С кем я дрался и с кем обнимался,  
Как же это случилось, что он  
Вдруг ушел, а меня не дождался.

Но к кому бы он там ни спешил,  
Я вослед ему камень не брошу.  
Пусть в пустоты отбитой души  
Сквозняком задувает порошу.

Пусть клубится она по углам,  
Пусть струится от окон до двери.  
Я ж не зря говорил себе сам,  
Что сберечь можно только потери.

Я ж не зря повторяю сейчас,  
Поднимая тяжелые веки,  
Что лишь то не изменится в нас,  
Чего больше не будет вовеки.

Что, казалось бы, истреблено,  
Среди общего смрада и блуда,  
А сокрылось, как Китеж, на дно,  
Чтобы звоном тревожить оттуда.

*15 февраля 2001*

\* \* \*

Луна замерзает, как белая мышь,  
В сугробы уходят дома.  
И вьется поземкой с синеющих крыш  
По комнате грязной зима.

Она намедает сугробы в углах,  
Морозным трясет рукавом,  
И как сумасшедшая пляшет впотьмах,  
Свивая пространство жгутом.

От двери до окон не сыщешь следа,  
Как пестрый лоскут, тишина  
Трепещет от ветра, и снова беда,  
Как запах мимозы, нежна.

И смерть, соболиную выгнувши бровь,  
Глядит на страстей кутерьму,  
Где мир из безумья рождается вновь,  
Чтоб вновь устремиться к нему.

*16 февраля 2001*

\* \* \*

Только в зеркале вырвет из мрака  
Сигарета неясный овал.  
Только хрипло пролает собака  
Непонятные людям слова.

И опять тишина без движенья,  
И опять эта вязкая мгла.  
Исчезает мое отраженье  
В запылившейся толще стекла.

Ну и ладно, пускай исчезает!  
Пусть собака скулит в конуре!  
Слишком долго, увы, не светает  
В октябре, в ноябре, в декабре.

Слишком скучно за фосфорной стрелкой  
Наблюдать мне в январскую ночь.  
Страстью куцею, мыслию мелкой –  
Даже время нельзя истолочь.

Ладно бы сквозь сырые туманы  
Этой едкой, как щелочь, ночи  
Мне всплывали бы душные тайны,  
Преступления и палачи.

Нет, какие-то дразги бессилья,  
Трусость явная, ложь на виду.  
Отболев, умирает Россия,  
Я ее хоронить не приду.

Ни слезы не осталось, ни вздоха,  
Ну не выть же, как пес, на луну.  
Нас без нас похоронит эпоха,  
Матерясь и пуская слюну.

Мы простились до крайнего срока,  
Пусть она вспоминается мной  
Чернобровою, голубоокой,  
С золотою за пояс косой.

Не склонявшей лицо перед вьюгой,  
Знать не знавшей о скором конце,  
А не этою нищей старухой  
С медяками на мертвом лице.

*16 февраля 2001*

\* \* \*

Усталые ноги еще идут,  
Вытягивается дорога через грудь,  
И между ребер, ветрам открыт,  
Ты рассказываешь, где болит.

А болит в Благовещенске и Орле,  
Болит на Алтае и на Памире,  
На всей на бескрайней моей земле,  
На всей на ее необъятной шири.

Судорогою бессилья сводит рот,  
Метелями безумья застигает просторы,  
Снова рушится воля во тьму свобод,  
В пустотах их не найдя опоры.

Пусть не знает Дели о скором конце,  
Пусть Женева и Токио еще прибиткам рады,  
Но уже проступила смерть на лице  
Иерусалима и Краснодара.

Азиатская Америка, Африканский Китай,  
Небес парча и океана мускус, –  
Для могилы мира готова плита,  
И последняя надпись на ней по-русски!

*17 февраля 2001*

\* \* \*

Кому-то нравится одно,  
Кому-то нравится другое.  
В мое открытое окно  
Струится небо голубое.

Втекают синь и бирюза,  
Блеск золота и перламутра.  
Но закрываю я глаза,  
Чтобы не видеть это утро.

Чтоб погрузиться вновь во тьму,  
В сырую чащу сна земного,  
Где столько сердцу и уму  
Невыразимого родного.

*19 февраля 2001*

\* \* \*

Рельсы прижмутся к шпалам,  
В ужасе задрожав.  
С грохотом небывалым  
В ночь улетит состав.

В стороны даль отпрянет,  
Ветер рванет назад.  
Миг – и во мраке канет  
Окон вагонных ряд.

Миг – и уже глубоко  
Скроет себя во тьму  
Город, где я без прока  
Жил вопреки ему.

Где обо мне не спросят,  
Сгинувшем без следа,  
Словно меня в нем вовсе  
Не было никогда.

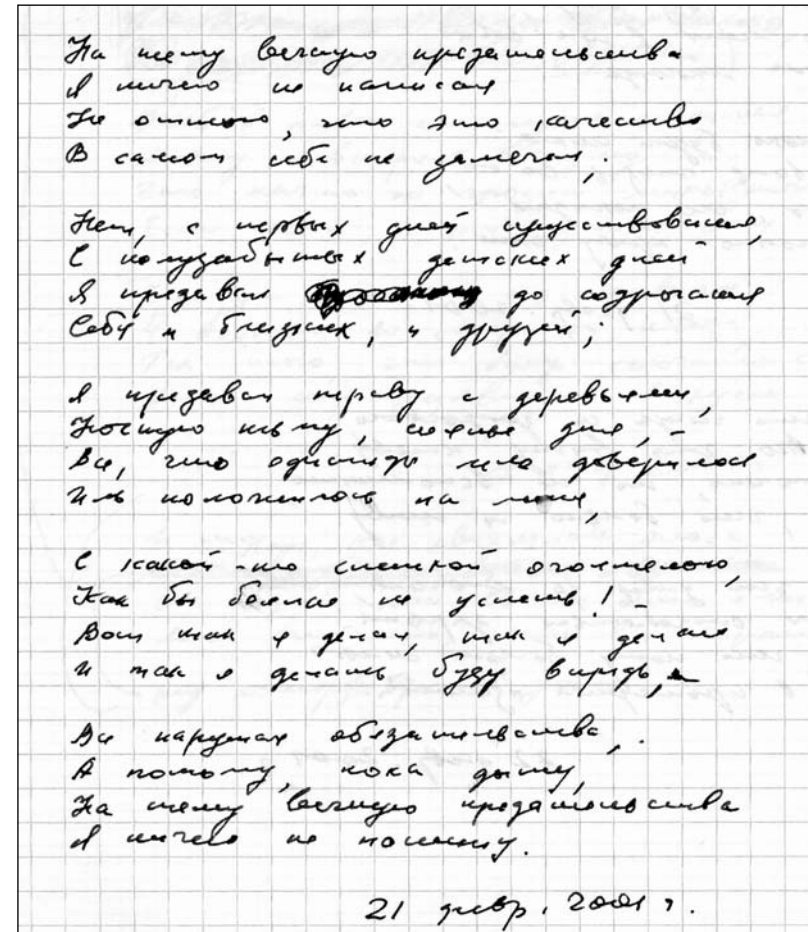
И только будет иная  
Угадывать жизнь во сне,  
Что я, его покидая,  
В вагонном кричу окне.

*21 февраля 2001*

\* \* \*

На тему вечную предательства  
Я ничего не написал  
Не оттого, что это качество  
В самом себе не замечал;  
Нет, с первых дней существования,  
С полузабытых детских дней,  
Я предавал до содрогания  
Себя, и близких, и друзей;  
Я предавал траву с деревьями,  
Ночную тьму, сиянье дня, –  
Все, что однажды мне доверилось  
Иль положилось на меня;  
С какой-то спешкой оголтелую,  
Как бы боялся не успеть! –  
Вот так я делал, так я делаю,  
И так я делать буду впредь,  
Все нарушая обязательства,  
А потому, пока дышу,  
На тему вечную предательства  
Я ничего не напишу.

21 февраля 2001



На тему вечную предательства  
Я ничего не написал  
Не оттого, что это качество  
В самом себе не замечал;  
Нет, с первых дней существования,  
С полузабытых детских дней,  
Я предавал до содрогания  
Себя и близких, и друзей;  
Я предавал траву с деревьями,  
Ночную тьму, сиянье дня, –  
Все, что однажды мне доверилось  
Иль положилось на меня,  
С какой-то спешкой оголтелую,  
Как бы боялся не успеть! –  
Вот так я делал, так я делаю  
и так я делать буду впредь,  
Все нарушая обязательства,  
А потому, пока дышу,  
На тему вечную предательства  
Я ничего не напишу.

21 февр. 2001 г.



\* \* \*

Ни на что глаза не закрываю,  
Вижу то, что вижу наяву.  
Все я помню, но не вспоминаю,  
Оттого, что больше не живу.

Оттого, что умер до могилы,  
Где меня сподобятся зарыть.  
Оттого, что нету больше силы  
Ничего в прошедшем изменить.

*22 февраля 2001*

\* \* \*

Много мелких сыпучих предметов  
Надо в доме иметь, чтобы он  
И зимой, и весной, и летом  
Был хранением их поглощен.

Чтоб не ведал он времени знаясь  
С пустотою бесплодных затей,  
Чтобы было ему, чем заняться  
Среди долгих осенних ночей.

Я в примету уверовал крепко,  
Я в коробку свалил для него  
Грудю пуговиц, кнопок и скрепок,  
И еще там не знаю чего.

И теперь, как свихнулась эпоха,  
Под которую время ушло,  
Он один, как бы ни было плохо,  
Мне внушает, что все хорошо.

И в ответ на глухие стенанья  
Моему повторяет уму,  
Что ничто не грозит мирозданию,  
Если есть о чем думать ему.

Что уж если чего по привычке  
И бояться до смертной тоски,  
Так того, что вдруг кончатся спички,  
А не мир разлетится в куски.

*23 февраля 2001*

\* \* \*

Не под забором я умру,  
Мне не дано и этого.  
В холодном доме поутру  
Поставят гроб газетовый.

Я перед смертью надоем  
Друзьям речами колкими.  
И сразу станет легче всем,  
Когда навеки смолкну я.

Когда закроются глаза,  
Конец всему мучению.  
И у жены скользнет слеза  
Немого облегчения.

Родня деньжонок соберет  
И по-людски схоронит.  
И только муза отпоет,  
Но через миг не вспомнит.

Уйдет в предутреннюю тьму  
К кому-нибудь другому.  
И будет то же петь ему,  
Что пела мне живому,

Надеясь, что хотя бы он  
За музыкой возникшей  
Не различит звенящий стон  
Души ее погибшей.

*1971(?) – 2 марта 2001*

## СТИХОТВОРЕНИЯ



1964–2021

Стихотворения из книг,  
не вошедшие в избранное  
«НЕ СВОЕ ВРЕМЯ»



Из книги «ЛУННЫЙ ВЕЧЕР»  
1972



### ИЗ ОКНА

А поезд качает на рельсах,  
Мелькают в вагонном окне  
Деревни за мартовским лесом  
Да редкие пятна людей.

И только с затерянных станций  
Порою невидящий взгляд,  
И снова сплошное пространство,  
И воздух от скорости сжат.

И снова движенье беспечно  
В весенней тревожащей мгле.  
О так бы всю жизнь бесконечно  
Лететь и лететь по Земле!

<1967>

## ЯНВАРЬ

Январь, январь!.. Опять январь  
Из парусины шьет дороги.  
У лошадей в сосульках ноги,  
И в серебре идешь, как царь,  
В сребром одетые чертоги.  
Опять метелицы-старухи  
Сугробы синие стригут  
И ветры вьюжные поют  
В оглохшее печное ухо.  
Когда в морозной тишине  
Слегка поскрипывает небо,  
И кто б ты ни был, где б ты ни был,  
Одно спасение – в огне.

Январь, январь!.. Опять январь  
Глядит стеклянными глазами.  
И ночь, споткнувшись о фонарь,  
Блеснет искристыми снегами.  
Скрипят машины тормозами.  
И кинешь взгляд – на много верст:  
И над тобою тыщи звезд,  
И звезд без счету под ногами.  
И осыпается на раме  
Холодной пудрой мороз.

Люблю январь!

1968

## НА ОБРЫВЕ

Как будто волны по заливу,  
Несло по небу облака.  
И были тягостно-красивы  
Их золотистые бока.  
И было трудно и прекрасно,  
Когда пронзали вдруг крылом  
Их птицы – черные на красном  
И синие на золотом!  
А мы сидели на обрыве,  
Где было видно, как вдали  
Закат оранжевую гриву  
Купал в оранжевой пыли.  
Нам не хотелось шевелиться,  
И мысли не было иной.  
И все казалось – тоже птицы,  
Летим над пасмурной землей.  
И все, пока закат осенний  
Еще клубился наяву,  
Две птичьих траурные тени  
Ложились сзади на траву!

23 октября 1970

## К О Н И

Снятся кони... В жизни, право,  
Не видал таких коней!  
Как танцует этот справа  
Грациозно и лукаво,  
Как ступает величаво,  
Бьет копытом все сильнее!  
Как за ним идут другие –  
Золотые, воронье –  
По некошеной траве  
Головою к голове.  
Это кони!.. Это птицы!..  
Бабки сухи, стать ясна.  
У последней кобылицы  
В гриве прячется весна.  
Как она проходит важно,  
Снега белого белей,  
Выдыхая ветер влажно  
Из трепещущих ноздрей.  
Словно бы прекрасно знает  
Прелесть дивную свою,  
Словно ясно понимает,  
Что я тихо говорю.  
Пуще смерти и неволи,  
Как захочется на миг  
Оседлать ее и полем  
Мчаться к лесу напрямик.  
Не догонят, не догонят  
Ни обида, ни печаль.  
Словно жизнь, промчатся кони,

Отстучат копыта вдаль, –  
Словно жизнь, промчатся кони –  
Ни себя, ни их не жаль!

Где вы? Где вы, воронье,  
Золотые, молодые,  
Что стелились по траве  
Головою к голове?

Кони скачут, кони скачут  
Средь неведомых лугов!  
Где же ты, моя удача?  
Где же ты, моя любовь?

Словно эта кобылица,  
Все исчезло без следа,  
Унеслось, не возвратится, –  
Только снится иногда!

Дней летящая полова.  
Угли прежнего огня...  
И зрачок ее лиловый,  
Чуть косящий на меня!..

*7 марта 1971*

\* \* \*

Пускаю бумажную птицу  
И молча смотрю, как она  
Над кленами низко кружится  
В свободе своей не вольна.

А клены, блестя под луною  
Тяжелой листвою стальной,  
Колеблются массой одной,  
Сырою полны тишиной.

И птице летящей навстречу  
Сад дышит туманом седым,  
Как будто от гаснущих свечек  
Густой подымается дым.

И птица, в дыму исчезая,  
То белая, то золотая,  
То в пламени, то в синеве,  
К вершинам клубящимся ближе  
Витков трепетание нижет  
И гаснет в кудрявой листве.

*6 июня 1971*

## В ПУТИ

За мартовским лесом дорога.  
За нею темнеют кусты.  
Неяркое солнце. И много  
Покоя, полей, высоты.

Идти колеею разбитой,  
Где с тающей корочкой льда,  
До самого края налита,  
Весенняя стынет вода.

Свернуть на подсохший пригорок,  
Присесть на сухую траву,  
Где запах сосновых иголок  
Насквозь пропитал синеву.

И так на душе одиноко,  
Так радостна жизнь и легка,  
И так хорошо и высоко  
Летят и летят облака.

*1971*

\* \* \*

*В. Губанову*

Огонь лизнул, и сморщились колени.  
Слепая боль – и в ноздри сладкий чад.  
Толпа отпрянула. Насупились. Молчат.  
И только треск пылающих поленьев.

Так вот куда вели тебя ступени  
Той башни, где столетия назад,  
В ночное небо устремляя взгляд,  
Ты убеждался в истине сомнений!

Но если бы и знали наперед,  
О чем так грустно женщина поет,  
Какую нам одежду вышивает,  
Что изменить могли? Вдали труба зовет!  
Не мы, а нас дорога выбирает  
И сквозь костры и тернии ведет!

*10 сентября 1971*

И з к н и г и «С А Д»  
1982



### Б Е З Т Е Б Я

Я еще могу бродить по лужам,  
Подминая неокрепший лед.  
Но, пожалуй, мне уже не нужен  
Этот холод, этот небосвод.  
И, пожалуй, мне уже не дорог  
Дымный свет, что бросила заря.  
Равнодушно слушаю я шорох  
Листьев под ногами ноября.  
Равнодушным озираю взглядом  
Ветви лип за низкой оградой,  
Колесом раздавленный цветник,  
Статую гребца – уже без весел, –  
Нашу лавку... и давно бы бросить  
Мне ходить сюда, но вот привык.  
Да, привычка... Может быть, вернее  
Любопытства и любви она  
Нас хранит. Так бабушка, жалея,  
Держит внука – и всю ночь без сна  
Все поет, поет ему, больному:  
– Спи, усни, все звери спят давно. –  
И плывет луна над низким домом,  
Вглядываясь в темное окно.

И деревья, шумно засыпая,  
Опускают ветви. И легко  
На его ресницы сон слетает,  
Теплый, как парное молоко...

1974

\* \* \*

Придет пора – и ты, как многие,  
Что здесь ступали до тебя,  
Полюбишь пыльные дороги  
Куда сильнее, чем себя.

Полюбишь поле, речку узкую,  
Тумана утреннюю дрожь –  
Всю эту землю – землю русскую,  
Ту, на которой ты живешь!

Полюбишь мысль ее упорную,  
Ее печаль, ее язык  
И всю судьбу ее, которою  
Ты незаслуженно велик.

Полюбишь все, что было жизнью  
Отцу и деду твоему,  
Что называем мы Отчизною –  
И не уступишь никому!

1975



\* \* \*

...Ну, а нет ее пока,  
Не печалься, не ревнуя,  
Речь начни издалека –  
И пускай бежит рука  
Вкривь ли, вкось, напропалую  
По листам чистовика,  
Понадеясь на кривую:  
Мол-де, вывезет! Куда?..  
Ах, не все ли тут едино!  
Чайник пышущий, малина,  
Вьюга, в поле поезда, –  
Горе то, что не беда, –  
Краткой жизни половина,  
Запах сена и с овина  
Шелестящая вода –  
Рукомойник на сарае,  
Грохот давнего трамвая,  
Гвозди, клещи, молоток,  
Первый зимний холодок...  
Что еще? Да я не знаю!  
Запасай покуда впрок,  
Береги на всякий случай  
Разговоры, дым на круче,  
Ветер осени колючей,  
Одиночество, тоску...  
  
Все годится для созвучий,  
Все вмещается в строку.

1977

\* \* \*

То страсть сумасбродного лета,  
То осени щедрой пиры, –  
Смотри же на зрелище это,  
Ты лучше не видел игры.  
  
Восторженно, жадно, устало  
Смотри, не склоняя лица.  
Пусть зритель уходит из зала,  
Но пьесе не видно конца!

1978

\* \* \*

Еще сады листвою не одеты,  
У яблонь снег, но даль уже в пыли.  
И сушью тянет в окна от прогретой,  
Крошащейся, суглинистой земли.  
Все пусто, все безоблачно и ясно,  
Лишь бродит ветер, ветви теребя.  
Как в этот март нечаянный, прекрасно  
В который раз влюбиться мне в тебя!  
Как хорошо ловить движенье взгляда –  
Что радость? – не держу ее в руке!  
Она поет в деревьях голых сада  
На влажном, на пернатом языке.  
А впереди – апрель с его зеленой  
Сквозной судьбой, так что ж ты – на крыльцо  
Пойдем скорей и встретим май, холодной  
Черемухой обрызгавший лицо!  
Любимая моя! Она минула,  
Зима тревоги! Слышишь, высоко  
Дрожит душа от яростного гула  
Густых, как жизнь, гусиных косяков!  
И мир встает во весь свой исполинский,  
Безмерный рост, кропя их на лету  
Дождем, где вместе с горем материнским  
Смешалось буйство яблони в цветущем!

1980

\* \* \*

Синее небо бездонное,  
Рыжее поле вдали.  
Дремлет полынь утомленная,  
Узкие листья в пыли.  
Как хороша моя нежная  
Родина, как далеко  
Видно пространство безбрежное,  
Как затеряться легко!  
Что нам судить да выгадывать –  
В смерти прощенья нет –  
Не перестали бы радовать  
Этот рассеянный свет,  
Осени близкой дыхание,  
Горечь полыни в крови, –  
Краткое это свидание  
Неутоленной любви!..

1981



\* \* \*

Правда хорошо, а счастье лучше,  
Но порой и в счастья тоска.  
Видишь, золотой и тонкий лучик,  
Словно бабочка, трепещет у виска.

Может быть, всей жизни оправданье —  
Только эта солнечная нить,  
Только это легкое дыханье,  
О котором трудно говорить.

1970

\* \* \*

Прекрасный летний день,  
Прекрасный день июля.  
Плюща сквозная тень,  
Цветной платок на стуле.

Мохнатых тонких ос  
Ленивое гуденье.  
Здесь время прервалось  
На краткое мгновенье.

Здесь время прервалось  
И в паузе осталось.  
На скатерть пролилось  
Вино, но не впиталось.

Пропущенный ответ,  
Прослушанная тайна.  
Надкусанный ранет,  
Графин и два стакана.

И золотой покой  
Все длится, длится, длится...  
Как будто бы рукой  
Придержана страница,

Как будто кто чертой  
На ней обводит слово,  
Чтоб мы его с тобой  
Не пропустили снова.

1981

\* \* \*

До сих пор я помню! – снова  
Я глаза протер тогда:  
День стоял такой, какого  
Не бывало никогда.  
Вроде та же шла кобыла,  
Тот же самый тек ручей,  
Так же в нем вода рябила  
От сияющих лучей.  
И смеялись дети те же,  
За мячом гонясь своим! –  
Все как будто было прежним,  
Но казалось мне иным.  
Но, как после неудачи,  
Пережитой кое-как,  
Все мне виделось иначе,  
Все не верилось никак,  
Что в полыни придорожной,  
Удивлением объят,  
Это я сейчас – все тот же,  
Что и миг тому назад!..

1982

\* \* \*

Какие новости услышаны,  
Что изменилось, что меняется?  
Что унеслось – не возвратится,  
А что, напротив, ожидается?

Куда ты ходишь, что читаешь ты,  
Что вспоминаешь зябким вечером?  
Да неужель и впрямь считаешь ты,  
Что говорить нам больше не о чем?

Наоборот! теперь лишь можем мы,  
Когда ушло все то, что мучило,  
И разобраться в нашем прожитом, –  
Что ж не воспользоваться случаем?

Пока не поздно, вспомнить прежнее  
Давай с тобою постараемся.  
Ведь будет день, когда в нас те же все  
Черты узнав, мы обознаемся.

Ведь постоянно в мире яростном  
В нас только то лишь, без сомнения,  
Что позволяет, изменяясь нам,  
В себе увидеть изменения.

Ведь и теперь-то, если знаю я –  
То не тебя, себя в душе твоей!  
Давай же с новым пониманием  
Разделим общее прошедшее.

Поговорим, как никогда еще  
Поговорить не удавалось нам  
О нас, как добрые товарищи:  
И бескорыстно, и без жалости.

1984

## СОТВОРЕНИЕ СОБАКИ

*В. Дронникову*

Есть у племени куми легенда одна.

Нам она говорит, что Создатель, мужчину и женщину  
сделав из глины,

Утомленный, лег спать и уснул глубоко – и тогда

Змей явился из ночи пустынной!..

И, подкравшись к телам, торопливо давясь, заглотал

Их в утробу свою, и уполз, волоча свое брюхо.

И рассвет наступил, и проснулся Создатель, и встал,

И увидел: опять во Вселенной безлюдно и глухо.

И опять принялся за работу. Но только погас

Свет дневной, как из тьмы, извиваясь, змея появилась!

...И так пять или шесть... или, может быть, более раз

Повторилось.

И тогда-то Творец,

Раздраженный, подумал: однако

Положить этим кражам бесстыдным я должен конец!

И, от сна пробудясь, начал тем день, что, прежде  
людей еще, сделал собаку.

И когда пала тьма и подполз

К людям змей, необъятные кольца свои развивая,

То навстречу врагу человека рванулся недремлющий  
пес,

Вздыбив шерсть, скаля острые зубы и яростно лая!

И проснулся Создатель, и змея прогнал, и вослед

Кинул раковин горсть, запятнавших змеиную кожу!.. –

Так впервые на свет

Прародители наши явились, а значит, – и мы с тобой  
тоже!

Оттого повелось до сих пор:

Когда смерть к человеку неслышно крадется во мраке,

Запрокинувши острые морды в зазвездный простор,

Оглушительно лают, и лают, и лают собаки.

Ввысь несется их вой, всем живым потрясая сердца,

Вновь на помощь Создателя к нам призывая!

...Только глубже, как куми считают, с годами стал сон  
у Творца, –

Он не слышит собак – и змея не боится их лая!

1984



Прямо за дорогой  
Глухой сад.

Тени от деревьев  
Во сне скрипят...

1970

### В СЕСТРОРЕЦКЕ

Вечером осенним  
Поглядим в окно.  
Все наши соседи  
Съехали давно.

Пляжи опустели,  
Листья облетели,  
Улетели стаи  
В теплые края –  
Только мы остались,  
Милая моя.

Прячется дорога  
Во тьме сырой.  
Прямо за порогом  
Кусты, кусты.  
Погоди немного,  
Прикоснись рукой,  
Отгони тревогу,  
Милая, ты.

Отгони тревогу,  
Печаль – прочь.  
Прямо за порогом  
Кусты, ночь.

## ВОРОН

Что ж ты, ворон, сидишь на суку,  
Пыжишь перья да клюв разеваешь?  
Что скрипишь ты себе, дураку,  
Отчего ты с сука не слетаешь?

Подвели тебя нынче следы.  
Понапрасну ты мерзнешь до свету! –  
Никакой мне не будет беды,  
Никакой мне погибели нету!..

1978

И з к н и г и « П О Г О С Т »  
2000



## СТАРИННЫЕ РОМАНЫ

1

Когда неудачи вокруг  
И, кажется, жизнь на изломе,  
Когда отступается друг, –  
Веселое время припомню.

Запру свою дверь на замок,  
Налью себе крепкого чаю,  
Как в детстве, забьюсь в уголок  
И толстые книги читаю.

Сначала несчастья одни,  
Жестокие маски злодеев.  
Чем дальше – ужасней они,  
Крушение и горе – страшнее.

Банкротство, лишение прав,  
Тюрьма долговая, разлука! –  
Жена, на колени упав,  
Ломают иссохшие руки;

Измучен, бредет Копперфилд, –  
Но я в неудачу не верю! –  
И вот – благородный бандит,  
Вот добрая тетка в деревне.

Тюрьму покидает отец,  
Опять отступается горе,

И самый счастливый конец  
Венчает страдания Доррит!

...Осенняя полночь темна.  
Настольная лампа. Романы.  
И снова, как прежде, томят  
Волшебные эти обманы.

Так славьтесь вовек ремесло,  
Какое дарует забвенью,  
И книги, где каждый листок,  
Как дерево – полное пенья!

2

Я любил романы, где злодеи  
Против благороднейшей семьи  
Строили, от ярости бледнея,  
Козни бесконечные свои.  
Но старанья были их напрасны:  
Появлялся плачущий отец  
И подкидыш – юноша прекрасный! –  
Становился графом наконец.  
Получал наследство и невесту,  
Уваженью близких и друзей, –  
И рыдал их родственник бесчестный  
Над судьбой бессмысленной своей.  
Я тогда сочувствовал герою.  
Да и как иначе, он – герой!  
Но все чаще думал я, не скрою,  
О несправедливости земной,  
О страстях, живущих в человеке,  
И о том – кто скажет? – почему  
То дано с рожденья одному,  
Что другому не видать вовеки.

6 марта 1971

\* \* \*

Дом на снос – и мы ломаем.  
В зале гулки голоса.  
Половицы вынимаем,  
Отдираем плитусы.  
Как неожиданные подарки,  
Валим в кузов косяки,  
Этажерку, стулья, балки  
В рыжей ржавчине трухи.  
И, набив его до края,  
Уезжаем, торопясь,  
На пути своем роняя  
Вещи собранные в грязь.

1977



## РЕМОНТ

Желанье чистоты,  
Побелка и обои.  
Небесной высоты  
Пространство голубое.

Распахнутая даль,  
Сияющее лето.  
Оконная эмаль  
И желтый лак паркета.

Вот бытия оплот,  
Мечтанье муз и граций.  
Вся наша жизнь – ремонт  
И смена декораций,

Где, как античный хор,  
Нам вторят спозаранок  
Ножовка и топор,  
Стамеска и рубанок.

*Июль 1995*



\* \* \*

Вот тут-то и вспомнишь, что больше не молод,  
Когда поглядишь на заснеженный сад,  
Где бродит меж яблонь приземистый холод  
Хозяйской походкой вперед и назад.

Вот тут-то приснится, что жизнь повязала  
Тебя, как бродягу и тащит на сход,  
Что Муза идет, как цыганка базаром,  
Ворует, гадает, пророчит и пьет.

В заляпанном платье на голое тело,  
Не той Мариулой, пленявшей гусар,  
А жуткой старухой, чья жизнь пролетела  
И взгляд отражает подземный пожар.

Какие нужны испытанья и муки,  
Любовь моя, слушай, какие года,  
Чтоб к ней протянулись ладонями руки  
С отчаяньем жадным – давай, погадай!

*1977*

Неизданное и несобранное

Из машинописного сборника  
«СТИХОТВОРЕНИЯ»

1967

## І. П О В Е Х А М

### СВИСТОК

Из орешника дед вырезáл мне свисток,  
И клевала зерно несерьезная птица.  
Ах, свисток из орешника, странный свисток,  
Из орешника трель не родится.

Ну, пускай, не орешник, но был тот свисток,  
И играл он, играл изумительно,  
В нем дрожал на ветру серебром лепесток  
И звенели медали на кителе.

И рождался, как сон, погружался в затон,  
В тихий омут, где черти не водятся,  
Первозданный стозвон, голубой перезвон,  
И забудешь нарочно, а вспомнится.

<1965>

### МАРТ

И саксы плакались утробно,  
И колыхались за спиной,  
И ночь пришла грузнее гроба,  
Пришиблена чужой виной.

А кто-то бледный и высокий  
Кричал надрывно, тяжело,  
И стрелы – черные осоки  
Вились по стенам неживо́.

Толкались пары у эстрады,  
Цепляя песню головой,  
Когда певец, как на параде,  
Рванулся цельный, горловой,

И окна распахнулись настезь,  
Застыли мартовские всплески.  
И только низкий и протяжный  
Ревел товарный в перелеске.

1965

### МАРТ

Куда-то едешь за пятак  
Сквозь красок солнечные пятна.  
И что-то делаешь не так,  
Смущенно, сбивчиво, невнятно.

Ныряешь в теплые дожди,  
Как будто в поисках спасенья,  
Кому-то шепчешь – подожди,  
И робко молишь о прощенье.

Но первый лист – зеленый лист,  
Чуть липнуций и чуть горчащий,  
Щекой о лист, распластан ниц,  
И задыхаешься от счастья.

<1965>

## ГЕРЦЕНА

Я запомнил себя на «Герцена»,  
Где придумщики-пацаны,  
Где качается в лужах зеркальце  
На прозрачной струне луны.

Там под вечер такая музыка  
И от яблонь белым-бело,  
Там метет в огороде узеньком  
Тропки млечное помело.

Там собаки добрей, чем где-нибудь,  
Там поутру в росе трава.  
Облака, как корветы белые,  
Выгибают свои борта.

Я лежу, запрокинув голову,  
И землей на земле дышать,  
Осыпаются звезды голые  
На подстилку из камыша.

<1965>

## У МОРЯ

У Черного моря – зеленый фасад,  
И желтые волны, и запах горелый,  
И каждое утро ложится роса  
На скалы и берег до одури белый.

Рыбачьи баркасы уходят в туман,  
На мачтах дожди провисают, как сети,  
А завтра от солнца расплавлен лиман  
И ловят бычков загорелые дети.

По блеклому пляжу иду босиком,  
Хочу пропитаться и светом, и солью,

Читаю Конра́да, живется легко,  
Вчера мы приехали к морю.

1964

\* \* \*

Ацетоном пахнут ананасы,  
В зареве надуманных хлопот  
Самые изысканные асы  
С лучших опускаются высот.

Закурив коротенькие трубки,  
Говорят о черных парусах,  
Запевают песню, и из рубки  
Сипловато рвутся голоса.

Ветерок едва качает клипер,  
Абордажных крючьев арсенал,  
Рыжеватый, одноглазый шкипер  
Все грозитя выйти в океан.

Звякают натруженно стаканы,  
Тихо стынет бледная заря,  
Кто-то говорил, что великаны  
Сторожат далекие моря.

<1965>

## ДОЖДЬ

Снова выбегу из зала,  
Где партер хохочет.  
Дождик резкий, как оса,  
Мочит меня, мочит.

Босиком по лужам, вдрызг,  
Как в сплошном аквариуме,

Пробегаю в туче брызг  
Под глазами карими.

Зажимаю в кулаке  
Восемь медных денежек,  
На асфальтовой реке  
Никуда не денешься.

Под оранжевым лотком  
Жду трамвая мокрого,  
Вытираю лоб платком  
И стекляшек окна.

Сочиняю корабли  
Из блокнота старого,  
Лето брезжит впереди,  
Теплое, паркое.

<1965>

\* \* \*

По вехам со смехом  
Пройду ненароком,  
Вернусь, заблужусь  
И за эхом уйду.

Такая потеха –  
По вехам со смехом  
Сорокой-воровкой  
Прощанье в саду.

Веселая девочка,  
Пеночка, пава,  
По вехам со смехом  
Пройти нам дано.

Забудем, не будем  
И медью о бубен

По вехам со смехом  
Недавно, давно.

Певунья, плясунья,  
Простая такая,  
Задумчива чуть  
И улыбчива пусть.

По вехам со смехом  
Читаю, листаю,  
Как эхо, растаю,  
Исчезну, вернусь.

<1965>

\* \* \*

Резкие звуки хлестнули по нервам.  
Выбежал взмыленный и убежал.  
Бросилось, верно, последний и первый  
Листьев линованных яркий пожар.

В комнате было прохладно и тихо,  
Лампы теплился яичный желток,  
Между тетрадей затерян, запихан  
Черною кляксою белый листок.

Дома – не дома, в гостях, мимоходом  
Чужо и чуждо виднелся портрет,  
Пахло чернилами, махрой, расходом,  
Медью звенела пригоршня монет.

Где-то стучали часы и сбивались,  
Ладно, не в лад говорили спеша.  
Мы повстречались, прощались, смеялись,  
Снова встречались, молчали спеша.

Поезд гудел и протяжно и длинно,  
Черный перрон, будто стая ворон,

Вдруг повернулся, сорвался и мимо,  
Весь в опереньи горящих корон.

Стрелки стучали, на стрелках стучало,  
И перестуком по стыкам пошли,  
Где-то молчали, кричали, встречали,  
Что-то теряли и что-то нашли.

<1965>

## II. МИР ДРЕВНИХ ЦИФР

\* \* \*

Каждый живет, как и все живут,  
А умирает сам.  
Может, десяток ржавых гвоздей –  
Лестница к небесам.

Может, уходим мы за порог  
Белою простыней,  
Может, кольцом девяти дорог  
Истина привстаёт.

Значит, качается желтый шар  
В черных глазах ночи,  
Снова идет ядовитый пар  
В каждую щель почти.

Лебеди белые бьют крылом,  
Золотые шмели гудят,  
Над запрокинутой головой  
Синей воды бадья.

Глупая пуля. Что знаешь ты?  
С темного дня петля,

И остаются в пустых листах  
Замыслы короля.

И, покачнувшись, ложится в грязь  
Формула всех надежд,  
И, задрожав, побежит слеза  
Из незакрытых вежд.

А голубой, ну такой голубой  
Бьется в руках скупца,  
Синею сказкой, живой водой,  
Выдумкой без конца.

\*

Каждый живет, как и все живут,  
А умирает сам.  
Может, десяток ржавых гвоздей –  
Лестница к небесам.

<1966>

\* \* \*

Солдатская песня взорвется,  
Ударят о шар сапоги,  
И черное знамя забьется  
В изнеженных пальцах моих.

Пройдем по высокой дороге,  
Поротно смыкая ряды,  
И сказка о приторном боге  
Растает, как пушечный дым.

Обрушатся с рыжего неба  
Кипящие струи огня,  
Краюхою черствого хлеба  
Сгорит на закате земля.

И черная птица сорвется  
С обугленных ребер моих.  
Солдатская песня вернется.  
Проклятие – черт подери!

1966

\* \* \*

И опять просыпаясь радостно,  
Совмещается жизнь и смерть.  
С воскресеньем последним августа  
Начинается круговерть.

Я – любитель осеннего бдения,  
Проживающий между строк,  
Отрешась от земного зрения,  
Получаю иной урок.

За пределы усталой памяти,  
Где меня не приветит бог,  
Я в пустыне на голом камне  
Воздвигаю святой чертог.

Подымаются стены и рушатся,  
В знойном воздухе мечется гул,  
Три награды за три моих мужества  
Я надменному богу верну.

Не построю. Не сдамся. И в вечности  
Я – Сизиф. Будет горек мой труд.  
Мне мешающий груз человечности  
Я неверной рукой отмету.

Без любви. Без потуг на бессмертье,  
Как солдат на забытом посту,  
Я примусь восстанавливать стены  
И собой заполнять пустоту.

Будут ливни и солнце палящее,  
Будет дерзок и страшен подъем,  
Но за правду, от века творящую,  
Бог убьет меня в сердце моем.

<1966>

\* \* \*

Цветы догорали, как свечи,  
В тонких, сквозных руках.  
Над гробом долгие речи  
Таяли в берегах.

Но только святой над дверью,  
Не опустив лица,  
Смотрел, как глаза седели  
У моего отца.

<1966>

\* \* \*

Пахнут горькими травами руки,  
И руками бери небеса,  
Ты узнаешь великую муку,  
О которой нельзя написать.

Ты поймешь не по старым преданьям  
Колдовские дремотные сны,  
В черных окнах разрушенных зданий  
Промелькнут дорогие черты.  
Закачаются синие ночи,  
Как цветы на высоких стеблях.

Но за песню, что жизни короче,  
Ты навеки забудешь себя.

Золотые взметнутся листья  
И на тысячу верст окрест  
Проклянешь ты величье истин  
И губами расплавишь крест.  
Разбегутся дикие звери,  
Потекут назад облака,  
Но уже распахнуты двери,  
За которыми нет Христа.

<1967>

\* \* \*

В зеленоватый полумрак  
Уходит колесо,  
А я мотаюсь, как дурак,  
И ничего не знаю, как  
И это ремесло.

А я сижу четвертый час,  
Водитель – полный газ  
Машина рвется, как мустанг,  
И впереди – Москва.

Смеется женщина в пальто  
На мой неловкий вид,  
Смеется женщина – и в тон  
Хохочет грузовик.

Я выйду через тридцать верст,  
Оставлю три рубля,  
И будет бить в меня тоска,  
Как в днище корабля.

И будет падать на часы  
Черней ее косы,

Как оперение мое,  
Слепое воронье.

Я не умею строить дом  
И обжигать фарфор,  
Я не умею вышивать  
Узорами ковер.

Я не водил автомобиль,  
И я не знаю где,  
Среди каких других могил,  
Лежать придется мне.

Я, как изржавленный кинжал,  
Еще могу убить,  
Но не могу уже бежать  
И не могу любить.

И вижу яростный конец,  
Громоздкий ливень звёзд.  
Я слышу: крохотный птенец  
Кричит из-под подошв.

Я принимаю жизнь и смерть,  
Неповторимость лиц.  
Я – ветром сорванная ветвь  
В ногах усталых жниц.

1966

## О С Е Н Н Е Е

Вечер осенний светел,  
Тихо река шумит.  
Еле качает ветер  
Ветви густых раки.

Видно: вдали над лугом  
Маленький самолет

Медленно  
Круг за кругом  
Белую нить прядет.

Я посижу на камне,  
Я погляжу вокруг,  
Чтобы впитала память  
Этот бескрайний луг.

Эту причастность тайне,  
Тихий напев воды,  
Светлого увяданья  
Призрачные следы.

Медленный ход природы,  
Этот сквозной простор,  
Эту печаль свободы,  
Памятную с тех пор.

<1965>

\* \* \*

Мир древних цифр,  
Арабы – толмачи,  
Ты не молчи, ты расскажи такое,  
Чтоб захотелось мира и покоя,  
Чтоб запах яблок, вишен и зари  
Пришел и лег,

Мой выскоблен порог,  
Ступней босой шероховатость досок.  
Мир древних цифр  
И ты, и я, и он –  
Мы все пойдем, мы не осудим строго,  
И дождь прошел, и вымыта дорога,

Каштаны во дворе,  
И на ковре травы, как радуга, роса,

И голоса  
Негромких птиц,  
Охотничьей собаке здесь не до драки.  
Листьев острие ты тронешь пальцем  
Голубые капли

Вдоль по руке с мизинца до плеча  
Стекут и в пыль,  
Здесь, как свеча, подсолнух,  
Мой стол в саду,  
Бумаги, карандаш,  
И твой, и наш поет петух над входом,  
Как на походе выдался привал.

Такую жизнь и понял, и принял.  
Мир древних цифр,  
Закаты и восходы.

<1965>

## КОЛЬЦО

Уже отбросив все надежды,  
Зайти в арбатский магазин,  
Где под витринами содержат  
Великолепье для разинь.

И потолкавшись среди хлама,  
Ковров, картин и хрусталя,  
Купить кольцо с зеленым камнем,  
На сердце горечь затая.

Его носить на среднем пальце,  
Чтоб по ночам зеленый свет  
Меня будил, как чью-то память  
Полузабытый силуэт.

Чтоб жизнь чужая, боль чужая  
Во мне стояли, как вода,



Чтоб дни чужие набегали  
И сдвоенные шли года.  
Я проживу все эти жизни,  
Но я умру.  
И кто-нибудь  
Продаст кольцо, чтоб вновь купили  
В осенний вечер изумруд.  
Чтобы, надев на средний палец,  
Носили камень без затей,  
И вновь пойдет переплетаясь  
Его и чья-то жизнь с моей.  
Не будет ни конца ни края.  
И вечно в вечности скользя,  
Нас поведет с ним всеобщая  
И всемогущая стезя.

1966

\* \* \*

Будут слова славить  
Самое славное слово,  
Можно резцом править,  
Грянуло чтоб сурово.  
И по сугробам снега,  
Смехом рассея звезды,  
Чтобы на сердце Вега  
Врезалась, точно гвозди.  
Синяя синь ножа  
Будет струиться лунью,  
И сапоги пройдут  
Грязью по шубам куньим.  
В дымчатое серебро  
Ноги увязнут надолго,

И, как пятак, на ребро  
Вдруг повернется Ладога.  
Будет сосняк взхлеб  
Мха, сыроежки, топи,  
Чтобы, махнув за Обь,  
Все растерять в Европе.  
Иртыш, холода, вода  
Грузная, как свинец,  
Плавают возле дна  
Сотни рыбьих семейств.  
Дождь размывает берег,  
Уйму веков узри,  
Вялый собачий брех  
Гонит гусей зари.

А по траве росяной  
Дрожь до кости слышна,  
Справа за темной рекой  
Прозелень камыша,  
Сбиться – упасть в леса  
Где-нибудь среди берлог,  
Звонкие голоса  
Выведут за порог.

Будут слова славить  
Самое славное слово.  
В ноги ложится путь,  
Все повторится снова.

<1965>

ДЕД

Все суета. Мне остался в награду  
Холмик могильный с кривою оградой,

Лавка простая для глупых влюбленных,  
Пять сигарет и орешков каленых  
Фунтик в бумаге газетной, измятой,  
Рубль металлический, взгляд виноватый,  
Брошенный искоса, брошенный косо,  
Ветка сирени и лента матроса  
Да утомленный, довольный собой,  
Денно и ночью шумящий прибор.

Так что утешься, старинный и старый,  
Если подумать, так верно недаром  
Бродят под вечер, гуляют бульваром  
Новые пары за старыми парами,  
Солнце приходит и снова уходит,  
Красные трубы кричат о походе,  
Дикие кони уносятся в рожь,  
Синею сталью колыхается нож,  
Да на полынном, горячем просторе  
Рыжий подсолнух воздвигнется гордо!

И рассказывает дед, вытирая лоб,  
Как штурмовали они Перекоп.

<1965>

## П Р О В О Д А

Проклинают меня провода  
На четыре стороны света,  
И стоит голубая вода  
За двенадцатым километром.

В ослепительной мгле, не вдруг,  
Зарожденье кипящих молний,  
И от края до края – ух!  
Как проносятся злые кони.

Прогремит – и опять спокойно,  
Но уже растревожен слух.  
Но уже ты другой, нездешний,  
И бежишь на грозу, крича,  
И на теле танцуют капли,  
Как на пульсе пальцы врача.  
Ты – спасенный, тебя спасают,  
Ты спасаешься сам в себе.  
И, как крылья, от плеч свисая,  
Плещут руки в сплошной воде.  
Ихтиандр – полубог – не рыба  
И не ангел, долой вранье.  
Между ребер кровавой глыбой  
Вьется млечное бытие.  
Я сегодня родился заново,  
Я не знаю своей судьбы –  
Полыхает святое зарево,  
Заливая мои следы.  
Полыхают дома и площади,  
Проклинают меня провода,  
Но смывает проклятье прошлого  
Первозданнейшая вода.  
Девяносто процентов радуги,  
До отчаянья мир богат,  
И уходит гроза, как парусник,  
В накрененные берега  
На четыре веселых стороны.

Я сегодня себе не гость,  
Раздувают ветра истории.  
Удивительно чистый дождь.  
Не искать, не радеть о жалости,  
Не считать серебро подков.  
На земле, как следы пожарища,  
Прорастают глаза веков.

<1966>

### Ш. О П Ы Т Ы

#### РОНДЕЛЬ

Пойми меня и не жалея.  
Я покидаю этот город,  
Моя измученная гордость  
Ведет меня среди полей

На цепь неясную огней.  
Я замолю грехи в Загорске.  
Пойми меня и не жалея.  
Я покидаю этот город.

И мудрость новую во мне  
Торжественным размером оды  
Рождают прожитые годы  
Под тихий шелест тополей.  
Пойми меня и не жалея.

1966

#### РОНДЕЛЬ

Ты сидела одна у огня,  
Разбирая изломанный почерк,  
Той сырою февральскою ночью  
Ты уже не любила меня.

Я ушел, никого не виня.  
И сощура усталые очи,  
Ты сидела одна у огня,  
Разбирая изломанный почерк.

Осыпались звезды, звеня,  
Мир вздымался незыблем и прочен.  
Той сырою февральскою ночью,  
Забывая смешного меня,  
Ты сидела одна у огня.

<1967>

#### РОНДО

Прощанья горек вкус. Кусаю ветвь сирени,  
Роняю лепестки на древние ступени  
И, закурив, смотрю на розовый карниз  
В пушистых комьях сероватых птиц  
Давно забывших, что такое пенье.

А ты сидишь и, охватив колени,  
Как бы во сне, в печали и сомненьи,  
Задумчиво и тихо говоришь:  
Прощанья горек вкус...

Во мгле блестят каменья,  
Вдыхаю запах медленного тленья  
И солнца луч, что над тобой повис,  
Колеблемый дрожанием ресниц.  
И кажется мне, будто шепчут тени:  
Прощанья горек вкус...

1967

#### РОЗЫ

Как черная роза, как бархат черный  
Печаль глубока моя.  
Звезда на бушприте, фонарик склоненный  
Печати сорвать манят.

Сургучной печатью, коричневой розой  
Замкнулась устало ночь.  
Тянулась устало и скоро не стало,  
Ушло и развеялось прочь.  
И желтою розою, чайною розой  
Свеча отогнула сентябрь.  
И сердце забилось горячею розой,  
Алою розой в сетях.

<1965>

\* \* \*

Король с королевой сидели –  
Вежливо молчали.

Трубадуры им славу пели  
Тешили речами.

А я стоял за портьерой  
Высокой двери.

И видел шлейф белый  
И веер.

И слышал запах роз  
В мелодии танца.

Это всегда звалось –  
Реставрацией.

<1966>

\* \* \*

Любимая. В нашей любви  
Я так ничего и не понял.

А дни бесконечно идут,  
Стирая сомненья мои.

. . . . .

1967

## КАРМЕН

Покатились апельсины по полу  
Под ноги танцующей толпы,  
Лопнули оранжевые молнии,  
Все окутал розовый дым.

И тогда я выбежал на сцену  
Сквозь партер, на два ее клинка.  
Черный плащ бросал на зала стены  
Тень, а оказалось на века.

Женщина плясала на экране,  
Как волна на кончике весла,  
И с запястий голубые камни  
Осыпались, холодно блестя.

Я уже не знал других исходов,  
Тонкий нож, как соловьиный свист,  
Алый знак – я думал, что восхода,  
Но заката надо мной повис.

Пистольеры расступились в страхе,  
Все затмила розовая мгла,  
И стекали розовые маки  
На узор толедского клейма.

1966

\* \* \*

Постылая слава пирата  
Ужели коснется чела?  
И я упаду виновато  
За прошлые все грехи.  
И я упаду смиренный  
За прошлые все дела.  
Мое веселое тело  
Камнем пойдет ко дну.

Будут морские рыбы  
Яркие, как цветы,  
Будут мои недели,  
Размеренны и пусты,  
Будут брэнчать капли  
В городе ста друзей,  
Навалит зима по пояс  
Снег у моих дверей,  
Оплавит весна карнизы,  
И побегут ручьи,  
Забудут меня по рыжим  
Осенним сухим следам.  
И, тронув кисть винограда,  
Выйдешь ты на балкон  
И в синем небе увидишь  
Рыбье хозяйство звезд.

1967

\* \* \*

Уйду туда, где Одиссей  
Встречает Пенелопу.

И вид вещей, моих вещей,  
Не вызовет зевоту.

Уйду туда, где синий плат  
Ноябрьского неба,  
Где, завернувшись в листопад,  
Дождями дышит Геба.

По мокрой улице – один –  
Походкой строго-чинной  
За антикварный магазин  
С хохочущей личиной.

Развея лоскуты белья,  
Людовик как – поместья,  
Я голый стану «Жития»  
Разучивать на песню.

И буду ждать желанный суд,  
Полынь и гул тревоги,  
Как ждал в Шервуде Робин Гуд  
Монаха на дороге.

<1967>

\* \* \*

Сумбурные строфы моих побед  
И громкие строки моих поражений.  
Сгниет на погосте забытый крест,  
Как лучшее стихотворенье.

А я прорасту молодой бузиной  
В холодной сырости сада,  
Чтоб вы, пройдя над моей судьбой,  
Меня помянули взглядом.

<1967>

\* \* \*

Кто с тобою сравнится удачей, —  
Ни кола, ни двора, ни рубля...  
Осыпаются листья и значит  
Заниматься делами пора.

Мы опять поумнели за лето,  
Дым надежд не туманит глаза.  
Проступают яснее предметы,  
И об этом не думать нельзя.

Ну, так что же? Попробуем снова  
Все сначала начать — и возьмем  
За пример для себя и в основу  
Хлопотливую жизнь муравьев.

1968

\* \* \*

Средь ужасов мирного края  
Хочу я припомнить вполне,  
Как птица летит, догорая  
В прекрасном закатном огне.  
Как ветры, желтея под вечер,  
Теряют дыханье в траве.

Как спит, убаюкана, вечность  
В горячей ладони твоей.  
Мне нынче почудилось снова,  
В рыданье летящих гусей,  
Наличье высокой основы,  
Связующей мудрость вещей.  
Деревья, идущие мимо,  
Темнели глазами листов.  
Мне слышался голос любимой  
В замедленном плеске кустов.  
И каждое пело растенье  
Свой гимн безнадежной любви,  
И падало вдруг на колени,  
И все это было людьми.  
И все это: листья и ветры,  
И я, и живая трава,  
И плывшие в небе планеты —  
Слагалось в единый хорал.  
Казалось, взывала природа  
К чему-то сокрытому в ней.  
И нового семя восхода  
В груди прорастало моей!..

1968

\* \* \*

Не жду я хорошего слова,  
Не верю я небу в окне.  
И тянется жизнь бестолково  
И люди проходят во сне.

Но вдруг неожиданно близко  
Заденет святая струя,  
И снова мелькнут обелиски —  
Каркас моего бытия.

И я не смогу отказаться,  
Оставлю иные века.  
И я постараюсь казаться,  
И станет винтовка легка.  
И буду расстреливать точно  
Частицу загадки чужой,  
Почуя себя правомочным  
На горький поступок такой.

Я, может быть, выслужу орден,  
Жестокий военный искус.  
И буду, наверное, годен  
Погибнуть за ту высоту.

И буду, конечно, достоин  
Погнутой жестяной звезды.  
Но разве приблизят основу  
Сплошных обелисков ряды?

1967

\* \* \*

Я уехал и осталось где-то далеко  
Город, дом, деревья старые, свет в окне сиреневый...  
Сорок тысяч и четыре

или больше... очень много шагов

Надо сделать,  
Чтоб вернуться,  
Из такого отдаления.

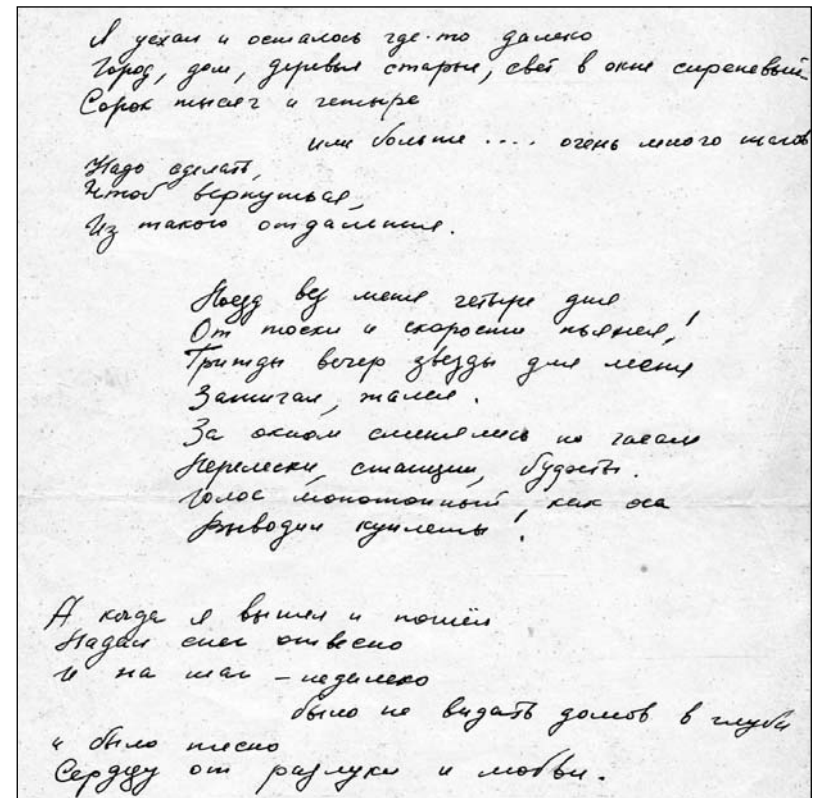
Поезд вез меня четыре дня  
От тоски и скорости пьянея!  
Трижды вечер звезды для меня  
Зажигал, жалея.  
За окном сменялись по часам  
Перелески, станции, буфеты.

Голос монотонный, как оса,  
Выводил куплеты!

А когда я вышел и пошёл,  
Падал снег отвесно  
И на шаг – недалеко

было не видать домов в глуби  
и было тесно  
Сердцу от разлуки и любви.

1968



\* \* \*

Проливные помидоры августа  
Сочно-красная арбузная душа...

Никакой другой не надо радости –  
Жизнь моя легка и хороша.  
Пой, Геннадий! Все карманы лопнули.  
Денег столько – куры не клюют.  
Пой, любезный, о прекрасном локоне,  
Отправляясь в долгий путь!  
Лучше веселиться, нежели мучиться,  
Стук колес да карий дым лесов...  
Яркоглазой ласковой попутчице  
Ты споешь на сорок голосов.  
Уведешь ее в смешные малости,  
В правду с ложью – ты ли не умел?  
Что ее глаза и губы алые  
Полюбить успел!..  
Так и будет!  
Все еще получится.  
Впереди удач... Ах, боже мой!  
Что бы ни случилось, только к лучшему  
В мире под луной.

1968

### БАБУШКАМ

Дерюжный коврик у порога,  
И пол прогнулся.  
Ну вот и кончилась дорога,  
И я вернулся.

Уж если прятаться, так в детство,  
Где нас любили,  
Где солнце ярко и в соседстве  
Прекрасны ливни,

Где яблоки круглы́ на ветках  
И вкус их сладок.  
И выйдет бабушка навстречу  
Ко мне из сада.

И будет крепкий чай с ватрушкой,  
Вопросов сколько...  
И над забытою игрушкой  
Заплачу горько.

1969

### БАЛЛАДА

Ты попросила написать  
Тебе стихотворение.  
И я готов уже свистать  
Команду вдохновения.  
Минута озарения,  
Движение руки...  
Прекрасные творения  
Любовные стихи.

Чтоб ты могла их полистать  
Случайно и намеренно.  
Чтоб ощущала жар песка,  
И сладкий вкус варения,  
Блестящие каменья  
Со дна чужой реки...  
Души моей горение,  
Любовные стихи.



Они одной тебе под стать,  
Ты в них живешь уверенно.  
Ты смотришь с каждого листа  
Беспечно и рассеянно.  
Дыханием развеяны,  
Они летят, легки,  
Сверкая оперением,  
Любовные стихи.

Пусть, преклонив колени, мы  
Покинем мир, тихи –  
За нас избегнут тления  
Любовные стихи.

1967

\* \* \*

Я к разлуке губами приник,  
Но запомнил, оранжев и розов,  
Ашхабадских вагонов пикник  
Да морозный кулёк паровоза.

И еще улетавшие вдаль  
Семафоры, пакгаузы, стрелки...  
И огромные звезды-тарелки  
И в стакане зацветший миндаль.

noch ein mal! (*еще один раз!*)

1967

\* \* \*

Горький запах твоих волос,  
И горячая кожа запястий,

И сухая колючая злость,  
И короткое счастье.

И улыбки твоей цена,  
И движенья жестокая сила.  
И бескрайняя тишина,  
Что потом наступила.

...Все припомнилось, отозвалось,  
Оказалось – ничто не забыто.  
И за каждую мелочью быта  
Ты встаешь!

1968

## И Н Н Е

За окном мороз, а в комнате  
Запах вянущих цветов.  
Видишь, день январский кончился –  
Дверь закрыта на засов.

Вдалеке собаки гавкают,  
Оттеняя тишину.  
И кусты ночные галками  
Притаились на снегу.

Скоро во поле метелица  
Разгуляется сполна.  
Скоро в мире все изменится.  
В тучи спрячется луна.

И на миг тебе почудится,  
Что на целый белый свет –  
Только вьюга эта крутится,  
Заметая чей-то след!..

1968

## ПЕСНЯ

Этой песней мне душу потешь-ка,  
Пусть меня понесет вороной  
Стороной незнакомой и тесной,  
С молодой и красивой женой.

Пусть звенят бубенцы и хохочут;  
Я хочу, чтоб поверилось вновь,  
В золотые июльские ночи  
И до самого гроба любовь.

Чтобы пела, звенела и билась  
Эта яркая сила в груди,  
Чтобы милая, ах! веселилась  
И ночлег ожидал впереди.

Ну, так что же замолк ты угрюмо,  
Пережить не умея слова  
И с какою-то тайною думой  
Опустилась на грудь голова?

Али тоже припомнил иное  
Под нехитрый цыганский мотив?  
Дни вольготные, запах становой  
Да огни на веселом пути?

Всё пропили и даром отдали...  
Ну, так пой! Пусть хоть в песне твоей  
Голубые откроются дали  
И храпящие морды коней!

Пусть опять стороной незнакомой,  
Сухомятной чужой стороной,  
Пронесут нас безумные кони  
С молодой и красивой женой.

1968

## ОСЕНЬ

Это птичье прощание с краем,  
Геометрия птичьих стай.  
И летят надо мной и мелькают...  
Ну, так что же, душа, играй!  
Это пиршество сизой ватаги,  
Оперенные стрелы осени  
Над лесами и над оврагами  
И качаются и проносятся.  
И в холодной листве до пояса,  
Среди счастья вселенской гибели,  
Я стою на дорогах осени  
Без ружья и без прочей прибыли.  
Чтобы дымной горячей влагою  
Не плеснуло на два ствола...  
Надышаться хмельною брагою  
Загнивающего стола!

1967

\* \* \*

Натруженный рокот машины,  
Дорога пряма как стрела.  
Колотится нить паутины  
Прилипшая к краю стекла.  
Водитель забыл о баранке  
Привычно косит на часы.  
Осеннее поле не ярко,  
Квадраты хлебов хороши.  
Я слушаю молча, вполуха,  
Как он заливает про жизнь,  
Какой он веселый под мухой,  
Веселый – ну, только держись!

Что бабы души в нем не чают,  
Что рвется карман от рублей,  
Что он не изведаль печали  
В распахнутой жизни своей.  
Ах, эти дорожные встречи  
Случайный пустой разговор.  
Мне ехать уже недалече,  
Так что же ты смолкнул, шофер!  
Быть может и мне похвалиться,  
Что денег навалом везу,  
Что вот собираюсь жениться,  
Красивую выбрал жену.  
Что будут знакомые рады,  
Что будет три дня кутежей!

А, впрочем, пожалуй, не надо,  
Пожалуй, не надо уже...

1968

### РАЗЛУКА

Дождь шумел в траве высокой сада,  
Опадали желтые цветы,  
И листву склоняли за ограду  
Мокрые тяжелые кусты.

Я опять подумал, что в разлуке  
Мы, пожалуй, чище и добрей,  
И в душе томительные звуки  
Отражались громче и ясней.

И в окно неясная тревога  
Проникала, мучая меня,  
И опять казалось, что дорога  
Приведет в блаженные края.

Но печальный и угрюмый разум,  
Сторож полуночного труда,  
Говорил, что не было ни разу  
Путника, дошедшего туда.

Что опять при встрече все забудем,  
Что тоска, как по весне вода,  
Отойдет. Что счастливы не будем  
Мы с тобою больше никогда.

Курск, июль 1969

\* \* \*

Палисадник. Фонарь над забором.  
Горстка бабочек возле огня.  
Ах, каким упоительным вздором  
Здесь повеяло вновь на меня.

Ах, какая печаль охватила,  
Будто снова четырнадцать лет,  
И высокая девочка Мила  
Говорит мне решительно «Нет».

1969

\* \* \*

Где слог найду, чтобы воспеть девчонок  
То нежных и томительных, как лень,  
То страстных и веселых, как чертенок,  
То величаво стройных, как олень,  
Вернее, лань. Но разве в этом дело?  
Как мне воспеть пленительное тело,  
Когда оно, как розовый цветок,

В душистый погружается поток  
И с тихой страстью вкрадчивая пена  
Коснуться хочет круглого колена...

1969

\* \* \*

Старик прикорнул на пороге  
И смотрит на то, как вдали  
Ребята на узкой дороге  
По грудь утопают в пыли.  
И веет такую дремотой,  
Так воздух пронзительно сух,  
Что слышно – жучок с позолотой  
Негромко колышет лопух.

19 октября 1969

С т и х о т в о р е н и я   р а з н ы х   л е т



## КОРОЛЬ И ПРИНЦЕССА

Король принцессу полюбил  
И для нее забыл  
Судьбу народа своего  
И царский свой удел.

Коня выводят из ворот,  
Выносят меч его.  
И плачут женщины, и слуг  
За горло взял испуг.

Король садится на коня  
И шпорами в бока,  
И конь, подковами звеня,  
Ушел за облака.  
И только звезды, как дожди,  
Как искры из кремня,  
И только ветер, как наждак...  
Но впереди, нежна,  
Принцесса смотрит из Кремля  
И он, корону накренья,  
Летит сквозь ночь и мрак.

Четвертый год, далёкий путь,  
Нельзя минуты отдохнуть,  
Нельзя размять ноги.  
И снова чащи и поля...

Вот тридевятая земля,  
Убежище Яги.

Он говорит – скажи, Яга,  
Куда дорога мне легла,  
Правдивый дай ответ  
Куда скакать, свернуть куда,  
Где счастье ждет и где беда,  
И сколько ехать лет?  
Она смеется – как-нибудь  
Держи клубок – укажет путь.  
Скачи во весь опор,  
Но знай, что ждут тебя леса,  
Пустыни, звери, чудеса,  
Дракон за цепью гор.

Коль духом слаб, коль телом хил,  
То будет свет тебе не мил,  
Погибнешь ни за грош...

*<Начало 1960-х>*

### Г Р У Ш И

Отбросив все чаянья,  
Орбитой нечаянной,  
Мотаться, спешить без пальто в магазин,  
Где влажно-прохладно,  
Где длинные дыни  
И югом пахнёт от плетеных корзин.  
Спеша сосчитать  
И рубли и копейки,  
Купить полкило изумительных груш,  
В линияющем сквере  
На блеклой скамейке  
И сесть, и вздохнуть, и надвинуть картуз.  
Потом закурить

И подумать неспешно,  
Что вот уже осень – работать пора.  
И хватит волынить,  
И сам улыбнешься  
И выйдешь, и встретишь друзей у двора.  
Раздаришь, смеясь,  
Пацанятам все груши.  
Оставишь одну и – вприпрыжку домой.  
И тронешь слегка,  
И зазвякает тут же,  
И схватишь руками – приник головой.  
Всего-то три слова:  
«Сегодня у церкви» –  
И ты поотчистишь свой лучший наряд,  
И выйдешь на встречу,  
И снова доволен,  
И вроде ни с кем и с собой говоря.  
И будут над городом  
Яркие звезды,  
Как желтые гроздья в сентябрьском саду,  
И будешь шагать ты  
По старой Московской,  
И спелые груши срывать на ходу.

*<1965>*

\* \* \*

Мы поэты – до многого голодны –  
Из Рязани, Орла и Вологды.  
Мы серьезные и смешливые.  
На планету эту пришли мы.

И не в гости и не проездом –  
Нам не надо спешить с отъездом.



На морщины сухого лица,  
И дубовые колья взывают  
Головой неповинной стрелца:  
– Софья! Софья!  
– Елена! Елена!  
Среди узких закатных лучей  
О помосты стучали колени,  
И краснели глаза палачей!  
Запах крови, как запах моря –  
Эта горечь сожженных глаз,  
Словно греческие дозоры  
Протянувшиеся до нас.  
– Инна! Инна!  
Грохочут латы.  
– Инна! Инна!  
Идут полки.  
Умирающие солдаты  
Ради слабой твоей руки!  
Ну, так что же ты?  
Ну, так что же?  
Как костями бела земля...  
Как тоскуют пустые ножны,  
Как колотится в гулкой дрожи  
Исступленная жизнь моя!  
Инна! Инна!  
Святое имя!  
Это гиря в моей груди...  
Это выгнутая трирема,  
Исчезающая вдали.

1967

\* \* \*

Того, кто лежит на постели  
Того, кто шагает домой,

Жестяные дудки капли  
Связать не умеют со мной.

И я не предстану единым  
Ни вам, ни ему и ни мне.  
Клубами зеленого дыма  
Деревья стоят по канве,  
И птичьи рисует узоры  
Меж пальцев бегущий песок,  
И тянется жизнь разговора,  
И купол небесный высок.

И я наблюдаю в окошко,  
Как я возвращаюсь домой.  
И солнца стеклянная стёжка  
Двоится за узкой спиной.

<1967>

\* \* \*

Шарманка играет «Разлуку»,  
С тобой я прощаюсь опять,  
Шарманка играет «Разлуку»,  
Вздывает прощание руку,  
И новые туфли скрипят.

И я уезжаю, не зная,  
Что будет, что будет с тобой,  
И майское небо пылает  
Одной горемычной звездой.  
И ты молодым-молодая  
Стоишь на перроне одна...

А поезд на стыках качает,  
Шарманка играет, играет,  
Пылает, пылает звезда!

Май 1967

## ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Осенней скукою навеяны  
Сухие строки сентября,  
Прощай, забытое поверье,  
И ты, злаченная арба.  
Поутру снова выйдут люди  
Менять себя по мелочам.  
И мы надолго позабудем  
Твою прозрачную печаль.  
Начнем жить суетно и жадно,  
Вершить дела и скорый суд.  
Но вдруг опять придет неожиданно  
Желание проникнуть в суть.  
И у природы, в светлой зале,  
Спокойных, вдумчивых тонов  
Поймем, что годы разбазаря,  
Мы не постигли ничего.  
Заплачем сладостно, до спазмы  
Над тем, что смерть уже близка...  
И влажно тронет ветви сада  
С прощальной нежностью рука.

1967

\* \* \*

И день сгорел, как белая страница...

О. М.

День не сгорел. Он тянулся, как жвачка воловья,  
В белой пузырьчатой пене соленого снега,  
Словно оставлен я был на бессрочном зимовье  
Сторожем губ твоих жадных и влажного смеха.

Сидя на стуле скрипучем, уткнувшись в ладони  
Мокрым лицом, в ледяные ладони свиданий,

Слушал, как гул исчезает напрасной погони  
В зябкой поземке нахлынувших воспоминаний.

Жизнь доживала, как вол, возвратившийся с поля,  
Липла усталость к глазам, тяжелели ресницы.  
И скрежетала крылом запоздалая воля  
С клетотом хищной, поживу почувявшей птицы.

1967

\* \* \*

Не все начиналось с дороги  
В уютном миру постовых.  
Жалея усталые ноги,  
Искал я решений иных.  
И плыл освещенный автобус,  
Неся электрический свет.  
Собою непонятый ребус,  
Я верил, что прошлого нет.  
Друзья собирались к бутылке,  
Жена уходила к родне,  
Зимы ледяные опилки  
Кружились в огромном окне.  
Но все повторялось как прежде,  
И вновь не умел выбирать –  
Высокий, в красивой одежде,  
Я молча валился в кровать.  
И ночь среднерусского края  
В январской сквозной вышине  
Держала звезду-попугая.  
И все повторялось во сне.

1967



\* \* \*

Хорошо приехать рано,  
Разбудить свою семью,  
Выпить чаю три стакана  
С бутербродами семью.

Хорошо и днем приехать, –  
На столе стоит обед! –  
О, души моей утеха –  
Вкус поджаристых котлет.

А под вечер разве хуже? –  
Мама дома и отец!  
На столе накрытом ужин,  
Рюмка водки, огурец.

Ну, а ежели без смеха,  
Что там ужин и обед! –  
Хорошо домой приехать,  
Худо, если дома нет.

1968

\* \* \*

Движенья неясный намек,  
Улыбка проплывшая мимо...  
И сердце колотится, что, ах, не воротится,  
Минувшее неповторимо.

И новые лица мелькают, и миг  
Бледнеет и в памяти канет.  
И только запомнишь случайный цветник,  
Да голые мокрые камни.

И только запомнишь привычный порыв  
Навстречу кому-то, куда-то...  
И дальше промчишься, и больше не злишься,  
И жизни страница не смята!

1968

## НА МОРЕ

*Дм. Порушкевичу*

Вчерашние мысли случайно,  
Сегодня мелькнут в голове...

Вот Чёрное море качает  
Меня на продольной волне.  
Я к этой свободе причастен,  
Я лучшего счастья не жду –  
Прносятся узкие чайки  
И плоские рыбы плывут.  
И чайки мне сёстры, и рыбы  
И пух мне – горячий песок –  
Лечу без движенья на глыбе,  
Солёной – почти невесом.  
За мной ни следа, ни отметки  
Вода увлекает сама.  
Под пальцами пляшут креветки  
И много не надо ума,  
Чтоб только держать равновесье,  
(Пустяк для меня моряка)  
Считая количество действий,  
Пока не устанет рука.  
Пока я как чайка и рыба,  
Не лягу на солнечном дне...  
И дальше зелёная глыба  
Помчится, забыв обо мне.

1968

## Я ПОДУМАЛ

Я подумал, что больше не будет,  
Ни любви, ни печалей, ни бед,  
Что осталось время подумать  
И на всё приготовить ответ.

Так подумал я,  
Так я подумал.  
Высыхала, желтея, трава,  
Осыпались листья... и люди  
Проходили по разным делам.  
Ничего не менялось в мире,  
Так же крыльями хлопал петух,  
Так же медленно по небу плыли  
Облака.  
Вечер шёл... и темнело вокруг.

Но душа не могла, не хотела  
В одиночестве звезд и огня,  
Позабыть золотистое тело,  
И кляла и молила меня!

1968

\* \* \*

Спустилась ночь – и снова  
Укрыло тьмою нас.  
Скажи, какое слово  
Найти тебе сейчас?

Мы засыпаем – двое –  
К щеке припав щекой.  
Дыхание покоя  
Не слышно под рукой.

И в темноте осенней  
У самого лица  
Обрывки сновидений  
Всплывают без конца.

Мы так с тобою близки,  
Как только можно быть.  
Луна спускает низко  
Серебряную нить.

Мы спим – и наши тени,  
Спокойные во сне,  
Почти что без движений.  
Двоятся на стене.

И нам с тобою снится  
Один и тот же луг,  
Одни и те же птицы,  
Поющие вокруг.

И неподвижно время,  
И тишина кругом.  
И ночь устало дремлет,  
Окутывая дом.

1969

\* \* \*

Только небо, в котором проносятся  
Птичьи стаи одна за другой,  
Только это дыхание осени  
Да пустые поля пред мной.  
И спускаясь дорогой белеющей,  
Погружаясь в вечернюю мглу,  
Помолюсь я о всех не стареющих  
На осеннем смертельном ветру.  
Помолюсь за родителей, родичей,

Помолюсь за хороших людей,  
Помолюсь за бескрайнюю Родину  
И за солнечный луч на воде.  
И за все, что когда-нибудь сделаю,  
Что еще приключится со мной,  
Помолюсь я кургану и дереву,  
Небу синему с белой звездой.

1969

\* \* \*

И любви, и печали  
Отошедших, прежних дней  
Я порой еще встречаю  
В жизни длящейся моей;  
Но лукавые обманы  
Потеряли власть свою  
И за дымкою тумана  
Я иное узнаю.

Ну, так что же нам осталось? –  
Снисходительная жалость,  
Телефоны, адреса,  
Праздных мыслей голоса;  
Торопливых дней движенье,  
Терпеливое служенье,  
Где известно наперед:  
То, что было – снова будет,  
То, что будет – отойдет!..

1969

\* \* \*

За окном бушует вьюга,  
На окне все толще лед.  
Здесь давно уже – ни друга,  
Ни подруги он не ждет.

Где-то за полночь проснется,  
В тазе вымоет лицо.  
А потом вдруг встрепенется  
И рванется на крыльцо.

Что мои тоска и горе?  
Сердце вздрогнет, заболит,  
Как на близком косогоре  
Колокольчик загремит.

Кто там едет? Что он ищет?  
По каким делам спешит?  
Радость? Нет ли?.. Вьюга свищет  
Да соломою шуршит.

Радость? Нет ли?.. Вьюга гуще.  
И давно ушедший миг:  
Пар морозный, Пушкин, Пущин! –  
Кто к кому из них приник?

То ли было? Так ли было?  
Все быльем позаросло.  
Утонуло в клубах пыли,  
С новым снегом отошло.

Ну, да что! Уйдем тревогу,  
Сбросим тяжесть и легко  
Лучше выйдем на дорогу  
И посмотрим далеко.

За кустарником, за полем –  
Речки серое стекло,

Галки кружатся на воле,  
Небо зимнее светло,

И вокруг его словами  
Ветер с лесом говорит.  
И звезда его – над нами  
Ярким пламенем горит!

*5 марта 1971*

## ЛЕТО

Это право твое на цветы  
Я себе и на миг не присвою.  
Нынче жаркое лето и ты  
Липкий воздух колышешь рукою.

Мы устали от душного дня,  
От прямого слепящего света.  
Ты тоскливо глядишь на меня,  
Говоришь и не слышишь ответа.

Нам теперь бы тропинкой к реке...  
Там, где детство мое и чужое  
Оставляло следы на песке  
В незабвенное время былое.

Там сейчас веселее, чем где,  
И ребята ныряют с обрыва,  
И от солнца поникшая ива,  
Как и прежде, припала к воде.

Так давай погрузимся с тобой  
В наше детство, в прозрачную воду,  
В этот солнечный луч золотой,  
В эту милую сердцу свободу!

<1971>

\* \* \*

Дом уснул. Проулок пуст.  
Бьет в окно замерзший куст  
В ледяной кольчуге.  
Завыванье вьюги.

Над великою страной  
Кружит ветер снеговой,  
Над полями, над лесами,  
Над тобой и надо мной.

Он проносится со свистом  
В небе мутном и нечистом  
От сибирских рудников,  
От безумного Китая  
Смерчи снежные взметая  
До кавказских ледников.

Ну, а где-то есть моря,  
Где плывут лениво шхуны  
И пронзают глубь лагуны  
С нежным плеском якоря.

Где-то девушки в цветах  
На далеких берегах  
Выбегают встретить гостя  
И несут бананов гроздь  
В морем пахнущих руках.

Ну, да что там! Никогда  
Не добратья нам туда,  
Не увидеть, как вздымает,  
Как на якорю качает  
Потемневшая вода  
Белоснежные суда.

Солнце? Птицы? Бред! Чума!  
Одинокие дома,

В снег ушедшие глубоко.  
Одинокая зима.  
Одиноко. Одиноко.

Только снега круговерть:  
Ветер – ужас, вьюга – смерть!

*4 сентября 1971*

\* \* \*

Крутой тропинкой спустишься к реке:  
Прозрачный сумрак, тишина простора, –  
И только слышно где-то вдалеке  
Звучанье одинокого мотора.

А ты глядишь на дальние стога,  
И так легко на сердце от свободы,  
Что миг сейчас в себя вмещает годы  
И жизнь переполняет берега...

*29 декабря 1971*

\* \* \*

Все вернулось и не исчезает,  
Сердце бьется, звон стоит в ушах.  
И опять и крутит, и кидает  
Жизнь мою – и незачем дышать.

Я еще машу неумоимо  
Крыльями, еще пытаюсь петь.  
Все лечу на голос твой любимый,  
Но уже не в силах долететь.

*8 мая 1972*

\* \* \*

Люблю тебя, но жизнь давно  
Уже не радует, не манит  
И, как прокисшее вино,  
Не веселит, а лишь дурманит.

Все чаще думаю о том,  
Что я уйду ночной порою,  
О том, что будет там, потом,  
За этой крайнею чертою.

И странно думать: то, что Я,  
Уйдет туда и не вернется.  
Но что, окончившись, начнется  
На новом круге бытия?

*1973*

## ВОСПОМИНАНИЕ

Над острой оградой чугуновой  
Из мерзлого мрака летят  
Горящие листья – и юно  
Гремят каблуки об асфальт.  
Пуста предрассветная площадь.  
А город ветрами залит!  
Он кленами гулко полощет  
И липами звонко скрипит.  
Ах, право, ах, что это значит?  
Откуда восторг и испуг? –  
Ведь это любовь – не иначе!  
Грачи улетают на юг!  
А ветер – и вязок, и едок –  
Врывается в грудь на бегу!  
Дай губ твоих жар напоследок –

Я годы его сберегу!  
Спасибо за сырость, за холод,  
За путь через город домой!  
Спасибо за то, что я молод  
И жизни не знаю иной!  
За то, что в смятении диком  
В नेताющий утренний мрак  
Кричу я дурашливым криком,  
Пугая уснувших собак!..

1974

\* \* \*

Бывает вдруг нахлынет:  
Ты сам не мил себе,  
И сердце словно стынет  
С самим собой в борьбе.

Не то что мысли свежей  
Иль музыки какой! –  
Один невнятный скрежет,  
Какой-то шум глухой.

И точит сердце, точит, –  
А что? – не разберешь!  
И вот встаешь к полночи,  
На улицу идешь.

И скорыми шагами,  
Как бы наметив цель,  
Меж темными домами,  
Сквозь мокрую метель,

Бежишь до хрипа в легких,  
Чтоб пот слепил глаза,  
На этих плитах скользких  
Вихляясь и скользя,

Пугаясь оступиться,  
Вращаясь, как юла, –  
И вдруг остановиться,  
Проехав до угла,  
Вдыхая грудью полной  
Пронзительный густой  
Декабрьский воздух волглый,  
Невидимый тобой.

1976

### ПОСЛЕДНИЕ КАНИКУЛЫ (Песня к спектаклю)

Нам школьный звонок отзвенел окончание лета!  
И снова уроки, и снова задания на дом!  
И мечутся листья, как блики холодного света,  
В том старом саду, где с тобою бродили мы рядом.

Вчера еще были,  
каникулы были –  
ты помнишь? –

Вчера еще были,  
но где же теперь они,  
где же?

Уходит наш август –  
за ним! –  
но его не догонишь!

Уносятся птицы –  
куда вы? –  
но их не удержишь!

Не лета мне жалко,  
не лета, –  
его не воротишь!

Не август мне жалко,  
не в дебрях лесных  
ежевику,

Не птиц,  
улетающих к югу, —  
мне жаль одного лишь:  
Что больше не будет,  
что больше не будет  
каникул.

Мы школу кончаем, мы школу кончаем — и студит  
Нас ветер разлуки — стой, это кто нас окликнул? —  
Все будет, все будет у нас, еще все у нас будет!  
Но только не будет, но только не будет каникул.

(Припев и последний куплет повторяются)

<1979>

Ах сколько в Америке было бизонов,  
в недавние было дни! —  
От вод океана и до Орегона  
Стадами паслись они.  
Но люди явились — с железным звоном  
Рельсы легли везде.  
И нету бизонов, нету бизонов,  
Не сыщешь уже нигде.

~~Мы лес вырубаем, мы гулом будим  
Птиц и зверей во мгле.  
Но мы забываем о том, что людям  
На голой не жить земле.~~

Мы лес вырубаем, мы гулом будим  
Птиц и зверей во мгле.  
Но мы забываем о том, что людям  
На голой не жить земле.  
Постой, не пора ли, стой, не пора ли  
Нам это с тобой понять.

\* \* \*  
(Песня к спектаклю)

Ах, сколько в Америке было бизонов,  
В недавние было дни! —  
От вод океана и до Орегона  
Стадами паслись они.  
Но люди явились — с железным звоном  
Рельсы легли везде.  
И нету бизонов, нету бизонов,  
Не сыщешь уже нигде.

Дай птице небо, дай зверю лес,  
Бизонам дай прерий рыжих,  
Без этого, слышишь, без этого, без  
Этого им не выжить.

Ах, сколько было в морях кашалотов  
В недавние было дни! —  
Во всех океанах на всех широтах  
Плескались в волнах они.  
Но люди явились — с гарпунной пушкой  
Прошли корабли везде.  
И нет кашалотов, и нет их, слушай,  
Не сыщешь почти нигде.

Дай рыбам воду, орлу — небес,  
Бизонам дай прерий рыжих.  
Ты слышишь, ты слышишь, без этого, без  
Этого им не выжить.

Мы лес вырубаем, мы гулом будим  
Птиц и зверей во мгле.  
Но мы забываем о том, что людям  
На голой не жить земле.  
Постой, не пора ли, стой, не пора ли  
Нам это с тобой понять.

Мы лес вырубали, мы лес вырубали –  
Нам надо его сажать.

Дай птице небо, дай зверю лес,  
Бизонам дай прерий рыжих! –  
Без этого, слышишь, без этого, без  
Этого нам не выжить.

<1979>

\* \* \*

Сад себя перерос, за ограду  
Перелезли деревья, кусты,  
И ликуют, и нет с ними сладу,  
Так окунемся в эту прохладу,  
В эту мглу! – что ж задумалась ты?

Что ж замешкалась, как на пороге,  
На последней ступени крутой,  
Что ж назад оглянулась в тревоге? –  
Не конец это долгой дороги,  
А начало дороги иной.

<1981>

\* \* \*

До будильника проснусь,  
Сном тяжелым растревожен.  
Но водою обольюсь  
И почувствую, что ожил.  
Как обычно по делам  
Выйду в хмарь и непогоду.  
Разве можно верить снам  
В наши сдержанные годы?

Да и что мы в смутном их  
Бормотанье угадаем,  
Если даже и своих  
Часто слов не понимаем?  
Ну и пусть! Скорей пальто  
Запахну и без оглядки  
До метро и на метро,  
Дважды сделав пересадки.  
В суматохе, в суете,  
По привычке, без охоты –  
Разрешу я те и те  
Каждодневные заботы.  
И домой поеду, где  
Отдохну за чашкой чаю...  
Словно то, что ты в беде,  
До сих пор еще не знаю.

1984

\* \* \*

Жизнь не тем ли прекрасна,  
Что в порядке вещей  
Ожидать ежечасно  
Неожиданностей.

Получать поминутно  
Из невидимых рук  
За душевную смутой  
Просветление вдруг.

За нежданной удачей –  
Неудачу опять! –  
Ведь иметь – это значит,  
Пережив, потерять.



Ведь для стойкого духа  
Жизнь равно дорога  
И изменою друга,  
И любовью врага.

Ведь и в страстном сближенье  
Самых близких! – двоих  
Есть и миг отчужденья,  
Охлаждения миг!

Мы смеемся небрежно,  
Мы собой смущены.  
Но рождается нежность  
В нас из нашей вины.

И порыву измены,  
Отвращенья почти,  
Вдруг приходит на смену  
Чувство жертвенности!

1984

## ПРОСТУДА

Тихий шорох и скрипы – откуда? –  
Что за шёпот, сводящий с ума? –  
Это только простуда, простуда,  
Беглых мыслей в мозгу кутерьма.  
Это просто ангина, ангина, –  
Что за детская, право, болезнь! –  
Надо выпить сейчас аспирина  
Да в кровать поскорее залезть.  
С головою уйду в одеяло,  
Ощущая, как жаром горю, –  
Как порою и надо-то мало,  
Чтоб почувствовать малость свою;  
Чтоб – на миг! – но постигнуть неожиданно

Как смешны все расчеты мои  
Пред дыханьем валов океана  
В лихорадкой гонимой крови!..

1984

\* \* \*

От ночного кошмара давящего  
Просыпаюсь, трясую головой.  
Я не так уж боюсь настоящего,  
Но грядущего страшно порой.

Я хотел бы там видеть хорошее,  
(Да и вижу!) но вот в чем беда:  
Слишком много меня уж из прошлого –  
Разным-разного! – рвется туда.

1987

\* \* \*

Печаль под вечер смолкла.  
Нигде не говорят.  
Лишь бабочки о стекла,  
Как призраки, стучат.

И только шорох сада,  
Тяжелый плеск его.  
И ничего не надо,  
Не надо ничего.

<Середина 1980-х>

\* \* \*

Тряхни яйцо – повалит снег,  
И заметет его пургою,  
Тот домик, призрачный для всех,  
С его невнятной судьбою.  
Я помню в комнате цветы,  
Комод и массу безделушек.  
Я помню милые черты  
Мне улыбавшихся старушек.  
А впрочем, так ли и стары  
Они в ту пору были обе?

<1991>

\* \* \*

Ни тебе ни покрышки, ни дна,  
Ни тебе ни двора, ни кола.  
Только песня осталась одна,  
Да и ту позабуду со зла.

Да и ту позабуду назло  
Не другим, а себе самому.  
Слишком долго, пожалуй, везло,  
Нынче надобно везти самому.

Что ж, впрягайся, брат, в телегу души,  
Кстати, сам ее и опустошил,  
Не утянет, волокит, не грешит,  
Без того уже, как мог, нагрешил.

Дотаци хотя б ее до конца,  
Пусть пустую, пусть с бортами в грязи.

На широком на подворье Отца  
Пригодится, может, мусор возить.

2 февраля 1995

\* \* \*

Жизнь могла бы сложиться не так,  
Как сложилась, – могла быть и хуже!  
Что ж глядишь ты, печалась, чудак,  
На свое отражение в луже,

На ботинки, штаны и пальто,  
На закат грязно-бурого цвета,  
Что ж вздыхаешь: не то все, не то,  
Что ж бормочешь: не это, не это?

Что ж застыл ты, не чувствуя дрожь?  
Отгони эту липкую дрожь, –  
Ты и эту канаву минуешь.  
Ну и что же, что ты не живешь,  
Если все же еще существуешь.

<11 августа 2014>

\* \* \*

День весенний пасмурен и зябок.  
Нынче солнце с небом не в ладу.  
Не дожидаться мне зеленых яблок  
На понурых саженцах в саду.

Да и что мне в жизни неприкаянной  
Этих крыш волнистая гряда!  
Пролетела птица, в небо канула,  
Не вернется никогда.

Может быть, и я, поближе к ночи,  
Соберусь в дорогу, улечу,  
Трепыхая крыльями непрочными,  
По прямому лунному лучу.

Среди звезд, развешанных над миром,  
Средь созвездий, ярких как цветы,  
Оборвется линия прямая –  
Жизнь моя, и молодость, и ты.

*Апрель 2021*

## Н а б р о с к и



\* \* \*

Трепещущий путь светляка над кустами глухой  
ежевикеи.  
О жизнь моя, пробуй, как ягоды терпки на вкус!  
На Белой дробятся латунные лунные блики  
И запах цветущих растений пронзительнее, чем укус.

*<1965–1967>*

\* \* \*

Нас трескучая ждет работа.  
И уже променяли мы  
Геометрию птичьего лёта  
На сложение пешей ходьбы.

. . . . .

*1967*

\* \* \*

И к тополю, и к вязу  
Я думою привязан.

А ветер ветви клонит,  
Листва летит легка,  
Как розовые кони,  
Касаясь облака.  
И путы серебристые  
Стреноживают листья...

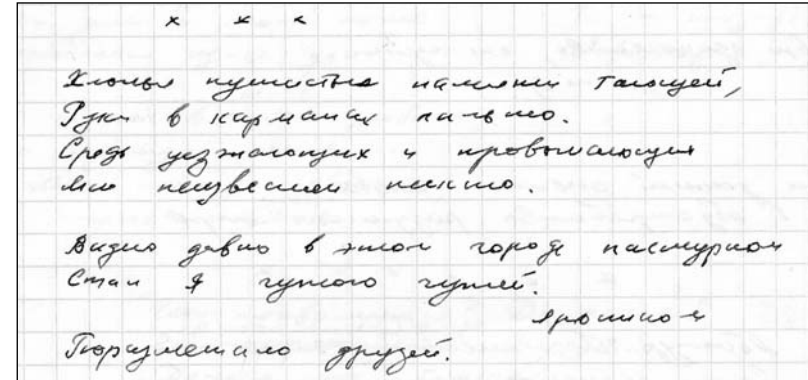
1969

\* \* \*

Долгие годы хотелось хоть угол какой-нибудь свой,  
Метров хоть десять иль восемь, пусть даже и в общей  
квартире,  
Где бы я мог отогреться промозглой зимой,  
Где бы я мог отдышаться, чтоб вспомнить с улыбкой  
о мире.  
Что же, и этого не захотела мне дать  
Жизнь моя грешная...

\* \* \*

Рвутся последние связи горячие,  
Бросил я пить – и теперь  
Изредка-редко, по крайнему случаю,  
Кто-нибудь торкнется в дверь.  
Что же, меня одиночество нежное  
Радует, лгать ни к чему.  
Время, когда проносился по стрежню я,  
Мало давало душе и уму.  
Мало давало, да многого яростно,  
Жадно просило взамен...



\* \* \*

Хлопья пушистые памяти тающей,  
Руки в карманах пальто.  
Средь уезжающих и провожающих  
Мне не известен никто.  
Видно, давно в этом городе пасмурном  
Стал я чужого чужей.  
...яростном  
Поразметало друзей.

\* \* \*

Опять весна. Хотя вокруг людей  
Ничуть не меньше, кажется пустынной,  
Просторней город. С грязных площадей  
Взлетает пыль. Мерцает бледно-синий,  
Залитый жидким солнцем небосвод.  
Как в эти дни стремительно идет,  
Уходит время. Я еще не знаю,  
Что так и жизнь стремительно пройдет.

\* \* \*

Когда не строка к строке,  
Когда не строфа к строфе,  
А как мертвецу трофей,  
Согласных наплыв тоске.  
Бездумно бежит рука,  
Скребет перо по листу.  
Безумье издалека  
Летит, гудя на лету.

\* \* \*

Абазур. Под клеенкою стол.  
Стул зеленым обит дерматином.  
Хорошо, что до ливня дошел  
Я до дома с кривым мезонином.  
Хорошо, что я ключ отыскал  
В узкой щели крылечка резного.  
Хорошо, что так сильно устал  
И усну без снотворного снова.  
Но покуда еще не уснул

<1977>

\* \* \*

В ряби озера отблеск железа,  
В сизом инее утром земля.  
Скоро выйдет из темного леса  
Агафон-огуменник в поля...

\* \* \*

Мокрая улица. Грязный вокзал.  
...трамваю.  
То, что я в юности не понимал,  
То и донныне я не понимаю

\* \* \*

Утро. Кофе. Сигарета.  
А потом дела, дела.  
Вот уже и скоро лето  
Выглянет из-за угла.

Да и так в листве рябина,  
На черемухе цветы.  
Головой трясу повинно,  
Не стряхая суеты.

\* \* \*

Чем похвалишься? Да нечем.  
Опечалился? Ничуть!  
Далеко еще, далече  
Простирается мой путь.

Через это поле сжатое,  
Через этот ржавый лес,  
Где деревья сторожат еще  
Много всяческих чудес.

Что твердить: все сказки сказаны.  
Что вздыхать, что песен нет.

Мы с былым прочнее связаны  
В годы горестей и бед.

\* \* \*

Я не знаю, что пригрезится,  
Что привидится потом.  
Желтым маревом колеблется  
Знойный август над бугром.

Спят полей квадраты четкие,  
Дышит сыростью закат.  
Перевоз. В тени под лодками  
Перевозчики лежат.

Повезете? – Ишь, придумал, чай!  
А зачем тебе туды?  
Видишь, чалки все зачалены,  
Чтобы не было беды.

Много вас таких желающих  
Перебраться задарма.  
Лучше всех себя считающих!  
Но и мы не без ума.

\* \* \*

Погоди, не надо, милая,  
Это, право, все старо.  
Снова брызгает чернилами  
Самописное перо.

И рисует, что понравится  
Мне, а может быть, ему.  
Что за странная сумятица  
Нынче царствует в дому?

\* \* \*

В путь-дорогу собираюсь,  
Все никак не соберусь.

Неизбежное приемля,  
Избежать хотел бы я  
Слишком долгого томленья  
...бытия.

\* \* \*

Если б не было бы вечности,  
Если б смертью все кончалось,  
...беспечности

Я бы прожил не печалюсь –

Не то, чтоб дела пытая,  
Не то, чтоб от дела лытая,  
И не по тропинке ступая,  
И не без дороги плутая

\* \* \*

Жизнь не сжата, но юность рассказана –  
С недомолвками, правда, но все ж  
Честь была ей по чести оказана,  
Ибо ложь о ней тоже не ложь.  
Основное в ней схвачено, связано,  
Так что сам уже не разберешь,  
Где у были концы, где у небыли...

\* \* \*

Злость беспричинная! Так ли?  
Может все силы иссякли,  
Может быть опустошил  
Все кладовые души?

Что ж, подмети их и вымой.  
Из нищеты уязвимой  
Ветер пространства земного  
Выдует отзвук былого.

Голы и пасмурны стены,  
Плющ увивает перила.  
Нищие духом блаженны,  
Многая мудрость постыла.

\* \* \*

Обезьяна человеком стала,  
Фрак надел дикарь.  
Схожих благоглупостей немало  
Мы слышали встарь.

\* \* \*

А вечер был такой, что больше не приснится.  
Летала за окном оранжевая птица  
И перья от хвоста стелились по траве.  
И два пера легли на заспанном (?) дворе.

\* \* \*

Много тоски и печали  
В юности мы испытали.  
Помнишь промозглые ночи  
В марте бездомном, апреле, –  
Был я тогда озабочен  
Странную легкостью в теле.

\* \* \*

Не будь вещей важней поэзии,  
Я и стихов бы не писал.

\* \* \*

Благословенный Богом край,  
Чудесные места.  
И если есть на свете Рай,  
То здесь его врата.

\* \* \*

Атласный выглянет – и ластом  
Себя погладит по груди.

<Начало 1980-х>

\* \* \*

Здания мокрые, скучные, серые,  
В брызгах мазута лиловая грязь.  
...верю.

Но не могу оборвать эту связь.  
Не полюбил ни деревни, ни город я.  
Улицу разве, – но нет и её.  
Там, где... сады с огородами,  
Многоэтажное нынче жильё.  
Неузнаваемо и узнаваемо.

\* \* \*

Мне бы легче, наверное, было,  
Кабы ты меня меньше любила.  
Если б только шагнул за порог –  
И уже весела – позабыла.

\* \* \*

Нет, уж лучше ничего не буду  
Я считать законченным, пока  
Не снесет/прорвет последнюю запруду  
Дней моих взбурлившая река.

\* \* \*

Пятипалые листья каштана,  
Электрички скрежещущий вой.  
И пронзительно, и бестуманно  
Небо осени над головой.

\* \* \*

Молчу, скрываюсь и таю! –  
Не потому, что мысль мою  
Мысль исказит чужая.

\* \* \*

Все куда-то ушло, подевалось,  
Ничего не осталось теперь,  
Разве только усталая жалость  
Да пустоты в душе от потерь.  
Чем заполню я их, как сумею...

\* \* \*

Вечер в окне, как сиреневый пепел,  
Пил я весь день, а как будто и не пил;  
Кончились деньги и нету вина.  
Значит, пора выходить из запоя,  
Дело знакомое, хоть не простое, –  
Что ж, нагрешил, так отмучься сполна.



Скоро туманная выйдет луна,  
Сад заблестит серебром в позолоте.  
Тень от сосны, что сейчас не видна,  
Зябко протянется к дому напротив.  
Окна зажгутся и, глядя на свет,  
Всех я увижу, кого уже нет.

\* \* \*

Эти книги, что я не прочел,  
Эти мысли, что я не домыслил,  
Не хотят уходить нипочем,  
Все твердят, я не знаю о чем,  
Окружают, трясут за плечо,  
Дышат прямо в лицо – горячо  
Бьют в глаза, ослепляя лучом,  
Как июльское солнце сквозь листья.

Эту жизнь я неправильно жил,  
А другой мне никто не отпустит.

Я пока еще не заслужил...

\* \* \*

Думалось: будет легко.  
Стало еще тяжелее.  
Как далеко-далеко  
Видно в осенней аллее.  
Вся под ногами листва...

\* \* \*

...от станции  
...путей  
Порыжели стручки на акции,  
Побурел, отцветая, репей.

\* \* \*

День ушел, а я остался...

\* \* \*

Репов нельзя, ну а яблоков можно  
Что за язык нам достался с тобой

\* \* \*

Знаю сам, не сетуй,  
Я не без греха.  
Только не советуй,  
Не учи пока.  
Завтра протрезвею,  
Что-нибудь пойму.  
Что ж ты, хлопнув дверью,  
Канула во тьму?  
От глухого страха  
Деться мне куда?  
Липкая рубаха,  
Пресная вода.

Из семи бутылок  
Рюмку наберу.  
До чего ж уныло  
Стало мне к утру.  
Что же это, право,  
Сделалось со мной?  
Липкая отрава  
В рюмке голубой.

<Середина 1980-х ?>

\* \* \*

Повторяю глаголы модальные,  
Но не легче от них на душе.  
Приближаются войны глобальные, –  
Вот они! – я их вижу уже.

От востока, чадающего в пламени,  
Тонет запад в тяжелом дыму...

<Начало 1990-х>

\* \* \*

Собирать бутылки у ларьков,  
Ковыряться в мусорных контейнерах  
Нелегко под старость, нелегко,  
Но и не трудней всего, наверное.

\* \* \*

Хочу увидеть разное,  
А вижу все одно,  
Как будто бы сквозь грязное  
Разбитое окно,  
Как бы сквозь щелку узкую...

\* \* \*

Зябкий север, юг горячий  
Как обнимешь ты, любя,  
Если прежняя удача  
Отвернулась от тебя?

Что тебе восток и запад,  
Если всюду и всегда  
За тобой на мягких лапах  
Ходит по дому беда?

Если, праздную свободу,  
Выпадает все из рук.

<1991>

\* \* \*

Бог свет, но он и больше света  
Бог тьма, но он и больше тьмы

<1993>

Время течет то ли встречу, обтекая  
Нас, то ль с собой увлекая, вперед.  
Право, но в этом загадка какая –  
То есть, которую не разберет  
Ум человеческий. Может и вовсе  
Время недвижно – и мы средь часов,  
Словно в лесу меж берез или сосен,  
Бродим, плутая, как в позднюю осень,  
Глядя на неба студеную просинь,  
Прах попирая мгновений-листов.

Так и плутал лет пятнадцать, пожалуй,  
Я вдалеке от героев моих,  
Хоть иногда и испытывал жалость  
К ним, но забот мне хватало иных,  
Чтоб заглушить ее. Все мы умеем,  
Если за дело приняться не смеем,  
Сотни найти отговорок любых,  
Нас извиняющих!.. Хватит, мой стих,  
Двигай вперед! Никаких оправданий  
Слушать уже не хочу я! Пора  
Ранних разлук миновала, – свиданий  
Поздних приходит; и из-под пера  
Строки опять выбегают, рисуя  
Город заштатный, и дом, и крыльцо,  
Стол под газетой, девичье лицо...

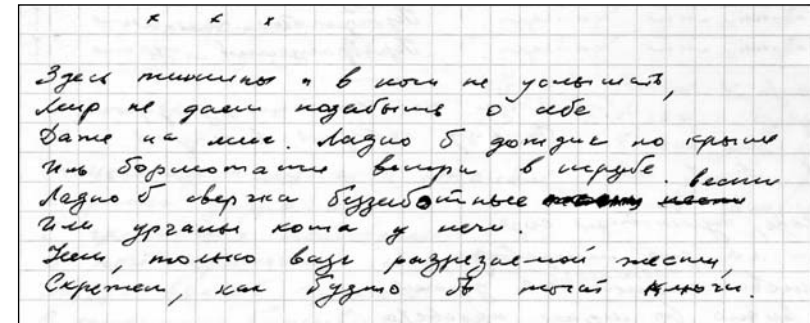
Да, я рискую! Но что ж, не рискуя,  
Много ль добьёшься в конце-то концов!

<1995>

\* \* \*

Ничего уже  
не ожидаю  
Настоящим себя  
ограждаю

18 июля 1996



\* \* \*

Здесь тишины и в ночи не услышать;  
Мир не дает позабыть о себе  
Даже на миг. Ладно б дождик по крыше  
Иль бормотание ветра в трубе.  
Ладно б сверчка беззаботные вести  
Или урчанье кота у печи.  
Нет, только визг разрезаемой жести,  
Скрежет, как будто бы точат ключи.

19 июля 1996

\* \* \*

Как все-таки странно, как странно,  
Казалось, давно отжило,  
А стало вдруг необычайно  
Мучительно и тяжело.

19 июля 1996

\* \* \*

Цвели магнолии в аллее  
И их тяжелые цветы,  
Как звезды тусклые, белели  
Среди горячей темноты.

Я шел по берегу залива  
Тропинкой узкой и кривой.  
Суда вздымались лениво,  
Скрипела галька под ногой.

Дышало море, пела скрипка,  
Сиял приморский ресторан,  
Смеялась женщина и зыбко  
Струился по низу туман.

20 июля 1996

\* \* \*

Средь сумятицы, толочи  
Наступающих дел  
Помню всякие мелочи,  
А о главном забыл.

Все я жил, как бы начерно,  
...нечего...

20 июля 1996

\* \* \*

Ночью одно, ну а утром иное,  
Днем забываешь и то, и другое,  
Чтобы при встрече опять не узнать.  
Надо бы знать уже, а не гадать, –  
Я говорю себе сидя за чаем.  
А за окном моим – необычайно –  
В блеске латуни, в сиреновой мгле,  
В отсветах алых, зеленых, лиловых,  
Скопищем чудищей многоголовых  
Небо заката прильнуло к земле.

Но на земле и за день не согретой,  
Взятой в бетон и асфальтом одетой...

20 июля 1996

\* \* \*

Мне воспеть тебя хотелось,  
Эту жизненность твою,  
Эту щедрость, эту смелость...

\* \* \*

Жизнь прошла, а до нас не дошла, –  
Так сказал мой товарищ когда-то.

А сегодня спросонья душа  
Мне взглянула в глаза виновато.

До чего же её я довел,  
Да куда же её я завел...

\* \* \*

Бьют часы на Спасской башне  
Похоронный марш,  
Ходит Ленин вокруг могилы  
Рида и Арманд.

\* \* \*

Все вернется на круги своя,  
Все вернется,  
Чья-то юность, как прежде моя,  
Черной кровью земли захлебнется.  
Чья-то зрелость уйдет в полынью,  
Как когда-то моя уходила...  
Одиночеств бессонных могила...

\* \* \*

Приснилось мне, что умер я,  
Но как бы и живу.  
И хоронить меня друзья  
Собрались наяву.

Они спросили, где б хотел  
Лежать их старый друг,

Но я ответить не сумел,  
Я растерялся вдруг.

Да и не все ли мне равно,  
Подумал я во сне...

\* \* \*

Не надо о грустном, не надо,  
И так я исполнен печали.  
О смерти бессмысленной сада  
Всю ночь мне вороны кричали.

Всю ночь мне деревья скрипели  
Свою...  
Как будто доверить хотели...

\* \* \*

Я бы запил, да пить не могу,  
Я запел бы, да кончились песни.  
День за днем от себя я бегу  
Ибо скучно нам сделалось вместе.

Ибо нечем друг друга занять  
Нам ни утром, ни в полдень, ни в полночь...

\* \* \*

Как представляю себе расстояния,  
Так невольно впадаю в тоску.

Не могу я в таком состоянии  
Через всю добираться Москву.

Мне не хватит ни сил, ни терпения,  
Вот сижу я – небрит и угрюм –  
И смотрю за окно на весеннее,  
Да на летнее, да на осеннее  
Небо зимнее, полное дум.

\* \* \*

О этот шмелиный гуд,  
О этот осиный звон,  
О этот пчелиный труд  
...времен...

\* \* \*

Я спал, но даже во сне  
Я слышал мира слова.  
Казалось звучит во мне  
Звонящая синева...

\* \* \*

Для того ль я брел, сбивая ноги,  
Чтоб в конце извилистом пути,  
На чужом присевши на пороге  
Скудные итоги подвести.

Ничего, увы, не воплотилось  
Из того, что брезжило вдали.

Для чего я жил, скажи на милость,  
Среди бед и горестей земли.

\* \* \*

Никого в земной ночи  
Даже птицы замолчали  
Жизнь, что даром получил,  
Истрепал и измочалил.

\* \* \*

На желтой бумаге (а белую берегу)  
Дешевою ручкой (перо золотое жалею)  
Сидя на стуле (а задыхаясь, как будто бегу  
В песке увязая сыпучем, утопая в мокром снегу),  
Не высоким пламенем, как в юности горя,  
а сальной свечкой чадя и тлея,

Я записываю то, что приходит на ум,  
Что возникает ниоткуда...

*12 июля 2019*

\* \* \*

Никогда ничего не любил  
Кроме жесткой травы у забора,  
А потом и ее позабыл  
Среди... и прочего вздора

*12 июля 2019*

\* \* \*

Страна махнула в эмиграцию,  
А я, оставшись не у дел,  
Как впал в глубокую прострацию,  
Так выйти и не захотел.

\* \* \*

Никого не жалко мне, а плачу...

\* \* \*

Думал, бросил писать, но опять  
Вдруг проснулся от музыки странной...

\* \* \*

Когда ветра подуют с севера,  
А снега нет, а снега нет,  
И облака плывут рассеянно,  
И льется с неба серый свет,  
Люблю бродить один по городу,  
По опустевшей мостовой,  
Люблю смотреть, закинув голову,  
Как ветви тонкие и голые  
Качает ветер надо мной.

\* \* \*

Не майся душа моя, полукалека,  
Я все же доныне еще не забыл,  
Что старше косуля и лев человека,  
А пальма и тополь древнее светил.

Я все еще помню, больная подруга,  
Нет рифмы вернее, чем кровь и любовь.  
Нет сердцу роднее той песни, что вьюга  
Поет и рыдает во тьме голубой.

Над вымерзшим полем, над вымерзшим лесом...

\* \* \*

Бросил пить для уюта в дому,  
Сам зашился, хоть вскоре расшился  
И вдруг понял, что жить ни к чему,  
Но покончить с собой не решился.

С той поры, как не пью я вина  
...друга  
...страна  
Расползлась, как жизни дерюга.

\* \* \*

От одиночества, от гула  
Дождя, идущего устало,  
Я вдруг нечаянно подумал  
О жизни собственной – и стало  
Невыносимо мне, – от пола  
Тянуло холодом, кололо

Больное сердце, но больней,  
Почти до страстных содроганий,  
Мне было от воспоминаний  
О бедной юности моей.  
Я стал обзванивать друзей.

Я стал обзванивать друзей,  
Но в черной трубке телефона,  
Сквозь скрип, шуршание и гуд,  
Мне голоса звучали сонно  
Людей каких-то незнакомых:  
– Кого? Простите, не живут. –  
И в лучшем случае: – Нет дома.  
Ну, что же, хорошо, что дом  
Хотя бы есть у них – и значит,  
Я – при упорстве и удаче –  
К ним дозвонюсь еще потом.

Так я подумал. Так подумал.  
Отбой услышал. В трубку дунул  
И положил на рычаги.  
И отошел. Мои шаги  
Вели меня по коридору.  
До комнаты их было семь,  
Я твердо знал, а между тем  
Все шел и шел я, словно в гору  
Я подымался, – экономить  
На свете все-таки нельзя, –  
(Ну и соседи мне попались)  
Уже я чувствовал усталость,  
Как свет ударил мне в глаза...

\* \* \*

Приближался декабрь к середине,  
Но по всей среднерусской равнине

В мглистом утре чернела земля  
И на всем на её протяженьи  
Отзывались в груди напряженьем  
Перемерзших озимых поля.

\* \* \*

То снег, а то туман,  
Зимы непостоянство.  
Покуда я не пьян,  
Я не терплю пространства.

Когда же я напьюсь,  
Хоть я уже не молод,  
Я все несусь, несусь  
Сквозь этот темный (?) город.

\* \* \*

...тачанки в клубах пыли...  
Мы слишком Родину любили,  
Чтобы суметь ее спасти.

\* \* \*

Совсем обмелело за лето  
Широкое устье ручья,  
Пронесется грязные чайки  
Натужно и жадно крича...



\* \* \*

Время песен одноразовых,  
Одноразовых стихов...

\* \* \*

Мне сегодня снился странный сон!  
Посреди победного разгрома  
Отравил Фролова Левинсон –  
Яд ему подсунув вместо брома.  
Что ж, такие, значит, дела,  
Что ж, такая, значит, потеха.  
Жизнь была, как будто не была,  
Разве что еще гуляет эхо  
Эхо слов невысказанных, слез  
Непролитых...  
Где последний день мой, словно пес...  
<2020>

\* \* \*

А что поделывать, если всё  
в тебе перегорело,  
А пепел ветром унесло  
неведомо куда...

\* \* \*

Ладно, может еще я и как-нибудь выживу  
До каких-то иных вещей доживу.

<Май 2020>

\* \* \*

Ну, а если все получится,  
Ну, а если все пройдет,  
Это же снова надо мучиться  
Дни и ночи напролет ...

<Май 2020>

\* \* \*

Я тебя почти не вспоминал,  
Но все дни, что ты была в отъезде,  
Сам в себе невольно ощущал  
Пустоту, невысказанную прежде.

Видно слишком много я себя  
Передал тебе за эти годы,  
Что теперь вот мучаюсь, скорбя  
От почти невысказанной свободы.

Что же, значит, надо забывать  
Те слова, что ты мне говорила...

<Август 2020>

## КОММЕНТАРИИ

Настоящее собрание стихотворений и поэм Г. Фролова не является полным, но приближается к полному: в него вошли почти все стихотворные тексты поэта, кроме переводов, а также большинство сохранившихся «набросков». Основной корпус текстов приводится по авторским книгам, а также по публикациям в периодике и рукописям поэта.

Даты под стихотворениями, не датированными автором, указываются в угловых скобках <> и означают год, не позже которого оно написано, или же основываются на первых публикациях, данных архива поэта, на составленном им Списке дат, и, в ряде случаев, на личных свидетельствах составителя. Архив сохранился у составителя и у сестры поэта Иващенко Н.В. (ранние стихи).

Выражаю благодарность всем, кто принял участие в издании: Барсуковой Ирине Евгеньевне, моей сводной сестре, за интерес к изданию и помощь в работе над ним. Иващенко Нине Васильевне, сестре Г. Фролова, за предоставление текстов многих стихов и публикаций в периодике, за охотные ответы на любые вопросы, за деятельное содействие в подготовке книги. Кондратенко Александру Ивановичу, главному редактору газеты «Орловская правда», члену СП, д.ф.н., за предоставление документов, связанных с орловским периодом творчества Г. Фролова.

Новикову Андрею (двоюродному брату Г. Фролова) и его матери Новиковой Марии Степановне (сестре отца Г. Фролова) за советы и сведения о родных. Романову Борису Николаевичу, оказавшему помощь в подготовке книги. Шелковой Лидии Александровне – за вдумчивую работу над версткой и макетом издания.

### Список условных сокращений

- БС – Геннадий Фролов. Бьющий свет: Стихи. М.: Столица, 1992.
- ВВ – Геннадий Фролов. Вавилонская башня. М.: РБП, 1992.
- ЛВ – Геннадий Фролов. Лунный вечер // Перекрестки [Сборник]. М.: Молодая гвардия, 1972. С. 225–254.
- Месяцеслов – Геннадий Фролов. Месяцеслов: Стихотворения и поэма. М.: Современник, 1987.
- НМ – Геннадий Фролов. Невольные мысли: Стихи. М.: Современный писатель, 1997.
- НП – Геннадий Фролов. Накануне парада. М.: РБП, 1993.
- НСВ – Геннадий Фролов. Не свое время: Стихотворения и поэмы. М.: Кругъ, 2011; 2012.
- Погост – Геннадий Фролов. Погост: Стихи. М.: Московская организация Союза писателей России, 2000.
- Сад 1969 – Геннадий Фролов. Сад: Стихотворения 1968–1969 гг. Рукописный сборник, 1969.
- Сад 1982 – Геннадий Фролов. Сад: Книга стихов. М.: Современник, 1982.
- СС – Геннадий Фролов. Сто стихотворений. М.: Прогресс-Плеяда, 2013.
- Ст. 1967 – Геннадий Фролов. Стихотворения. Машинописный сборник, 1967.

## НЕ СВОЕ ВРЕМЯ

Это – книга избранных стихотворений и поэм, вышедшая в 2011-м и напечатанная дополнительным тиражом в 2012. В данном издании, как правило, восстановлен авторский порядок расположения стихотворений, в прежних изданиях несколько измененный издательством. Датировка в ряде случаев уточнена и развернута по рукописям и спискам из архива поэта.

Об этой книге и ее названии поэт Вадим Ковда в статье «Мой друг Фролов» (2013) писал: «...почему название избранного «НЕ СВОЕ ВРЕМЯ» мне было ясно и без вопросов. Душа автора, чуждая всякой коммерции, не приемлет то, к чему скатывается в наше время Россия. Поэтому сейчас не его, поэта Фролова, время. И он не хотел бы в этом времени жить. Всё в общем-то очень просто. Россия попала в беду и погибает. А он, поэт Фролов, не может ей помочь. От него ничего не зависит.

...Вы только что прочли замечательные стихи поэта. Это и есть его главное дело. И раз Геннадий Фролов смог написать такое, значит он жил и живёт, бесспорно, живёт не зря, живёт в «свое время». Его стихи действительно нужны России». (45 параллель. 2015. 11 января. № 2 (314)).

1967

«**Се вид жизни скоротечной...**» (с. 5). Входило в БС. В Списке дат: «Се вид жизни быстротечной...». Эпиграф из стих. Г. Р. Державина «Потопление» (1796).

1968

«**Сегодня лето кончится...**» (с. 7). Входило в Сад 1969, БС.

**Сон I** («А он стреляет из ружья...») (с. 8). Входило в БС, Погост. Поэт *Валерий Игнатенко* был другом автора из Барановичей. Запомнились его чудные стихи «Девочка

носит уголь...». В трудные годы Перестройки помог нам деньгами. Погиб трагически: помогал соседке попасть в ее квартиру и сорвался с карниза.

**Сон II** («Старик, идущий по дороге...») (с. 9). Входило в Сад 1969 (без названия), БС, Погост.

**Сестре** («Здесь небо синее, чем море...») (с. 10). Входило в Сад 1969 (без названия и с посвящением: *Н. Фроловой посвящается*), ЛВ, Сад 1982.

«**Добирался поздно ввечеру...**» (с. 11). Входило в ЛВ, Сад 1982. В ЛВ концовка другая:

13–16 И лежали тысячи дорог,  
И земля просторная лежала.  
И казалось, только ожидала,  
Чтобы сын шагнул через порог.

**Сад** («Опять начиналась заря...») (с. 12). Входило в Сад 1969, Сад 1982.

**В деревне** («Осеннее поле воды...») (с. 13). Входило в Сад 1969 (без названия), ЛВ, Сад 1982.

1969

«**Дожди идут не день...**» (с. 14). Входило в Сад 1982. В Списке дат под названием «Стихи о дождливом лете».

**В осеннем лесу** («И деревья, что были людьми...») (с. 15). Входило в ЛВ, Сад 1982. В ЛВ без третьей строфы, с разночтением в ряде строк. В Списке дат под названием «В лесу».

«**Наше веселье и наша печаль...**» (с. 16). Входило в Сад 1969, ЛВ, Сад 1982.

«**С ветвей осыпается иней...**» (с. 17). Входило в Сад 1969 и ЛВ под названием «Зимнее», в Сад 1982.

**Над книгой** («Сверкает сад туманною...») (с. 18). Входило в Сад 1969 и ЛВ без названия; в Сад 1982. В первых двух изданиях первая строфа в иной редакции.

**Август** («Вьется старая дорога...») (с. 19). Входило в ЛВ (без последней строфы), Сад 1982, Месяцеслов.

**Воздушные шары** («Стекло в окне дрожало...») (с. 20). Входило в ЛВ (с незначительными изменениями), Сад 1982.

«У домов и у оград...» (с. 21). Входило в Сад 1982.

**Читая старую книгу...** («Ты живешь здесь одна. Ты читаешь романы...») (с. 22). Входило в Сад 1969, Месяцеслов, СС. В Сад 1969 в иной редакции, последняя строфа – другая:

29–32 Вроде все хорошо. И друзья и работа.  
Может, слишком январская ночь холодна?  
Может, нынче случайно печальное что-то  
Мне навеяла в окна луна.

**После сороковин** («Где недавно художники пылко...») (с. 24). Входило в Погост. В первом списке дат – без названия, во втором называлось «Художники».

## 1970

**На распутье** («У дороги истертый сапог из сафьяна...») (с. 25). Входило в ЛВ, Сад 1982, Месяцеслов. В Списке дат называлось «Змея». В ЛВ без названия, в другой редакции, без второй строфы.

**В роще** («Спокойней и проще...») (с. 26). Входило в ЛВ, Сад 1982.

**На берегу** («С тобой ли говорить о том, что не вернется...») (с. 27). Входило в Сад 1982.

**Над рекой** («Где ветер осоку колышет...») (с. 28). Входило в ЛВ, Сад 1982.

**Стихи о лунном вечере** («Часов в одиннадцать хандра меня заела...») (с. 29). Входило в ЛВ, но без строфы, с которой начинается стих. в НСВ. Поэт говорил, что во второй строфе, где речь идет о луне («Она плыла, огромная, чужая...»), слово «чужая» – эпитет XX века.

**Дом** («Опять мне снится по ночам...») (с. 30). Входило в ЛВ, Сад 1982, БС, Погост, СС. В ЛВ всего восемь строф из тринадцати, много разночтений и в начале последней строфы, по цензурным соображениям вместо

«молюсь» – «томлюсь». В Сад 1982 с некоторыми изменениями, без 11-й строфы.

«Миг между тьмою и светом...» (с. 32). Входило в ЛВ, БС, НМ, СС.

**Ад** («Я боюсь – в одной из тихих комнат...») (с. 34). Входило в Сад 1982, Месяцеслов, НМ, Погост, СС. Как-то в одном из устных выступлений автор сказал: «Эти стихи я написал в 19 лет».

## 1971

«**Это только весенняя слякоть...**» (с. 35). Не входило в другие книги.

«**Кто там? Кому ответил...**» (с. 36). Входило в Ст. 1967, ЛВ, Сад 1982. В Ст. 1967 и ЛВ называется «Осеннее» и начинается со 2-й строфы, отсутствует 3-я, а последняя в иной редакции:

19–23 Медленный ход природы,  
Этот сквозной простор,  
Эту печаль свободы,  
Памятную  
С тех пор.

**Жгут листву** («Жгут листву – и дым клубами...») (с. 37). Входило в ЛВ, Сад 1982. В ЛВ 3-я строка: «Стаю птиц пронесит ветер...».

«**Черна ограда, а за нею...**» (с. 38). Входило в ЛВ, Сад 1982. В ЛВ под заглавием «Зимний сад» («Каким придуман чародеем...») и изменены еще несколько строк. В Сад 1982 без изменений; рукой автора вписаны даты 1965; 1971.

«**Июль окислялся, как медный кувшин...**» (с. 39). Входило в ЛВ (с названием «Сады»), Сад 1982. В этот период автор жил в коммунальной квартире на Каланчевке в Москве – улице, ведущей к «Трем Вокзалам», необычайно шумной.

**Ночь** («Ночь опускалась угрюмою птицей...») (с. 40). Входило в Месяцеслов. В списке дат без названия.

**Снег** («Ну что ж, давай напишем...») (с. 41). Входило в ЛВ, Сад 1982.

**Гадание** («Смерть и вечность... Жизнь и доблесть!..») (с. 42). Входило в Месяцеслов, СС.

**«Еще не чувствуя беду...»** (с. 43). Входило в ЛВ, Сад 1982. В ЛВ с небольшими разночтениями. В Списке дат называлось «Сонет». Возможно, написано по впечатлениям от Царского Села.

**Соловей** («Когда залетит соловей...») (с. 44). Входило в Сад 1982. Эпиграф из стих. А. С. Пушкина «Певец» (1816).

**Зимний город** («Зимний город. Дым густой мороза...») (с. 45). Входило в Сад 1982, СС.

**«Мне воды в горсти твоей напиться...»** (с. 46). Входило в Сад 1982.

**«Неясный возглас. Шелест платья...»** (с. 47). Входило в Сад 1982. Первоначально называлось «Инне».

## 1972

**Утро** («Ночи вьюжны в декабре...») (с. 48). Входило в Сад 1982.

**Грибник** («Но все, что имеет начало...») (с. 49). Входило в Сад 1982, Месяцеслов, Погост, СС. *Геннадий Викторович Иванов* (р. 1950), поэт, первый секретарь правления Союза писателей России (с 2004 г.). Стих. датировано 1972 г., с которого началась их дружба с Г. Фроловым. Как рассказывал Г. Иванов, посвятили они друг другу стихи одновременно, предоставив каждому выбрать то, что ему ближе. Иванов выбрал «Грибник», а Фролов выбрал «Далекое».

**Пчелы** («На двери колеблется марлевый полог...») (с. 50). Входило в Сад 1982, Месяцеслов, НМ. По словам автора, это стих. нравилось Юрию Кузнецову.

**В Хосте** («Холодное “Цоликаури”...») (с. 51). Входило в Сад 1982, НМ, СС. Поэт бывал на юге много раз (правда, больше в Крыму, чем на Кавказе). Под *Белеющей чашей*

*цветка* имеются в виду, конечно, цветы магнолии, распускающиеся к вечеру.

**Град** («Внезапно без дождя густой ударил град...») (с. 52). Входило в Сад 1982.

**Страсть** («Султаны моркови пронизаны светом...») (с. 53). Входило в Сад 1982, СС.

**Нимфа** («Небо белесо – и ветер незрячий...») (с. 54). Входило в Месяцеслов, Погост, СС. Отсутствие этого стих. в Сад 1982 объясняется, видимо, замечанием издательского рецензента: «Поэт искажил образ нимфы...». Г. Фролов с усмешкой добавлял: «Надо было написать “нашей, советской, нимфы...”».

**«Пронзительный холод. Осенняя мгла. Листопад...»** (с. 55). Входило в Месяцеслов. Отсутствие стих. в Сад 1982 объясняется, видимо, той же отрицательной рецензией. Рецензент писал: «Фролов мрачен. Если дать его стихи почитать детям, они жить не захотят...».

## 1973

**«Медовых зрачков равнодушная ложь...»** (с. 56). Входило в Месяцеслов (под названием «Из Бенвенуто Челлини»; это название, как и «Чаадаев» или подзаголовок «Блудного сына» – «У картины Рембрандта», были даны в процессе сдачи книги в производство с тем, чтобы избежать цензурных придирок), НМ и СС.

**«Дни проходили, шаг чеканя...»** (с. 57). Входило в ВБ, НМ, Погост.

**Дышит поле покоем...** («Дышит поле покоем...») (с. 58). Входило в Сад 1982.

**«Тик-да-так, да-так, да-тик...»** (с. 60). Входило в БС. В строках 31–42 речь идет о русских поэтах. Предполагаю, что «отец певцов российских» – Гавриил Державин; «другой» – Константин Батюшков («Над безумной головой...»); «Двое с сумрачной судьбой», «в мундирах» – К. Рылеев и В. К. Кюхельбекер, а в заключение, конечно, Пушкин.

«Так, наверно, лучше...» (с. 62). Входило в Сад 1982, Погост.

**Блудный сын** (с. 63). Триптих входил в Месяцеслов, с подзаголовком: (У картины Рембрандта), НМ, СС. Написанный на Евангельский сюжет, он в третьей части, «Возвращение», обретает иное звучание. В этом стих. реэмигранта «погонит от порога» само государство, его «псы отчизны», почуяв изменника, и только Господь не изменит ему! Эта тема обдумывалась и переосмыслилась автором на протяжении многих лет. См. стихотворения: «Из долгих странствий возвратясь...» (1974), «Право, и слезы уже не прольются...» (1982), «Понапрасну, без смысла и цели...» (1982; 1991).

«Порой забудется...» (с. 66). Входило в Погост. Возможно, это то стих., что в Списке дат называется «Осень».

«Трав искристое сукно...» (с. 67). Не входило в другие книги.

**Осенние костры** («Ты прости меня за все...») (с. 68). Входило в Сад 1982, Месяцеслов.

1974

«Когда порой осеннею...» (с. 70). Входило в Сад 1982, Месяцеслов, Погост, СС. Как-то на вопрос, что означают строки: «Какою бездной ты прошел / Не замедляя шаг...», автор ответил: «Так, порой, человек беспечно проходит мимо опасности, даже не подозревая о ней... А если бы вдруг осознал и замедлил шаг, то мог бы в ужас прийти и даже погибнуть».

«Из праха вышли и были прах!..» (с. 71). Входило в БС.

«Мы исчезнем со временем оба...» (с. 72). Входило в БС. И. А. Бунин в «Жизни Арсеньева» пишет: «Люди совсем не одинаково чувствительны к смерти. Есть люди, что весь век живут под ее знаком, с младенчества имеют обостренное чувство смерти (чаще всего в силу столь же обостренного чувства жизни)... Вот к подобным людям принадлежу и я» (Бунин И. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож.

лит-ра, 1966. Т. 6. С. 26). Можно сказать то же и о Г. Фролове: до конца жизни его мучили «вечные» вопросы – кто мы, зачем появились на этот свет, что будет потом, после смерти...

«Из долгих странствий возвратясь...» (с. 73). Входило в НМ и Погост под названием «Реэмигрант»; в СС без названия. В Списке дат: «Из дальних странствий возвратясь...» – выражение, восходящее к первой строке басни И. А. Крылова «Лжец» (1812).

1975

«На душе темно и тихо...» (с. 74). Входило в ВБ, НМ, Погост, СС. В Списке дат название – «Плющиха». Впервые было опубликовано в 1992 г. Я его помню с давних лет, и уже тогда в нем были строки «Над покинутой Россией / Плачет Серафим...», что делало невозможным его напечатание.

«Птица дневная услышит ночную...» (с. 76). Входило в Сад 1982.

«Жизнь сурова, но о том не плачу...» (с. 77). Входило в БС, НМ. – Это и следующее стих. написаны в Крыму. В Списке дат: «Жизнь бесцельна, но о том не плачу...».

**Миндаль** («В феврале зацветает миндаль...») (с. 78). Входило в Сад 1982, НМ, СС.

«Черный дрозд пробегает в траве...» (с. 79). Входило в Сад 1982, Месяцеслов, СС.

«Проезд в снегу глубоком...» (с. 80). Входило в Месяцеслов, НМ, СС. Посвящено родной и неродной бабушкам автора, в доме которых он проводил многие месяцы в детстве. Икону Казанской Божией Матери, о которой речь идет в конце стих., Мария Григорьевна подарила внуку, и она до сих пор висит у нас в доме.

«Подкрашен небосклон...» (с. 82). Входило в Сад 1982, Погост. Возможно, начиналось как «Новый год» 1969.

«Высокий дом самоубийц...» (с. 83). Входило в НМ, Погост, СС. *Лесных Анатолий Степанович (1937–2006)*,

поэт и прозаик, друг автора с Орла и до конца своей жизни. Слова о сухих и зеленых листьях напоминают известное место из Евангелия от Луки (Лк. 23:31) (а вообще, это было обычное присловье в те времена). В контексте этого стихотворения, возможно, наш мир – это уже «сухой, совсем сухой» лист, а вечность жива и зеленеет.

«**День да ночь...**» (с. 84). Входило в ВБ, НМ, Погост, СС.

«**Заката павлинье цветет перо...**» (с. 86). Входило в Сад 1982, Месяцеслов, Погост, СС. Эпиграф из стихотворения Г. Шенгели «Александрия» (1927) появился только в НСВ в 2011 г. В книге Сад 1982 стих. кончалось предпоследней строфой. В Месяцеслове заканчивалось еще одной строфой (которая, возможно, была написана и раньше, но оказалась снята по цензурным соображениям).

Автор так рассказывал историю написания этого стих. Он был знаком с вдовой Георгия Шенгели поэтессой Ниной Леонтьевной Манухиной (1893–1980), с которой его познакомил поэт Михаил Шаповалов. И однажды, собираясь к ней на день памяти ее мужа и уже завязывая шнурки на ботинках, он вдруг присел к столу и «написал» это стих. Видимо, он вспомнил строки Шенгели о центурионе Валерии, который скакал весь день, «от пыли дорожной сер», только затем, чтоб «услышать на закате дня» новые стихи Алкея. И вот эта мысль о власти поэзии и дала толчок всему стихотворению. Оно было прочитано перед гостями и вызвало бурный восторг у Нины Леонтьевны и ее дочери, и у всех присутствовавших. Это было 15 ноября 1975 г. Но на этом история не кончается. Примерно в 2017 году литературовед и переводчик Вадим Перельмутер, занимавшийся наследием Шенгели, обратил внимание на стих. «Заката павлинье цветет перо...», решив, что это – неизвестное стих. Шенгели (возможно, он нашел его в бумагах Нины Леонтьевны). Чуть было не произошла литературная мистификация. Но события развивались следующим образом. Борис Романов, прочитал на вечере, посвященном Г. Шенгели (12 февраля 2018) это

стих. Г. Фролова. Очевидно, кто-то из присутствовавших сообщил В. Перельмутеру об этом. После чего Перельмутер позвонил Г. Фролову, и тот подтвердил свое авторство. Доподлинно содержание разговора мне неизвестно, но помню, что поэт даже немного сожалел, что все так быстро выяснилось.

**Старуха** («Старуха идет, спотыкаясь...») (с. 88). Входило в Месяцеслов, НМ, Погост, СС.

**Кошка** («Большое солнце мутнее крови...») (с. 90). Входило в Сад 1982 (без названия и в усеченном виде – отсутствуют строфы 10, 11, 13 и 14). В Списке дат без названия. Это и следующее стих. написаны, вероятно, в доме А. Дикого (см. коммент. на с. 537 к стих. на с. 393).

«**В просторе голубом...**» (с. 93). Входило в Сад 1982, Месяцеслов. До покупки части дома в Барыбино (1977) поэту пришлось за десять лет сменить 16 квартир в Москве! Отсюда эти слова *А впрочем, дом – не дом* и т. д. Еще следует заметить, что поэт был аккуратистом, и объяснял это так: «Видимо, у меня в душе такой хаос, что хотя бы внешне все должно быть прибрано и аккуратно».

1976

**После грозы** («Пароход уходит. Дым...») (с. 95). Входило в Сад 1982.

**Стирка** («Бутылка с прокушенной соской...») (с. 96). Входило в Сад 1982, Месяцеслов, Погост.

1977

«**Дай мне гнева и любви...**» (с. 97). Входило в ВБ и НМ (под названием «Молитва»), СС.

«**Все, что так трудно исправлялось...**» (с. 98). Входило в Месяцеслов.

«**В колею струящийся песок...**» (с. 99). Входило в Месяцеслов.

«**Моя любовь горька, остра...**» (с. 100). Не входило в другие книги.

**В степи:** 1. «Проскакали кони...» 2. «Пронеслись, столкнулись грудью...» (с. 101). Входило в БС (только 2-я часть), Погост. *Анатолий Макарович Ревуцкий* (1938–1998?), поэт. Анатолий учился в Литинституте на курсе ниже и был другом автора, причем относился к нему с редкой нежностью. Анатолий не раз бывал у нас дома. Погиб при невыясненных обстоятельствах. См. также комментариев к стих. «Был – пламя и ветер...» (1979).

**Из старой путевой книжки** («Странные люди встречались на свете порой мне...») (с. 102). Входило в БС (без посвящения). *Вадим Викторович Ковда* (1936–2020), поэт. С 2001 года жил в Ганновере (Германия) и часто приезжал в Москву. Знакомы они с Г. Фроловым были давно, но особенно близко Вадим сошелся с ним в последние 15–20 лет своей жизни. Написал о нем большую статью «Мой друг Фролов», недоумевал и скорбел о его непризнанности.

**Мирт** («Дождь прошел. Листва черна...») (с. 103). Входило в Сад 1982, СС. Вероятно, о Ялте.

**«С гор стекает туман голубой...»** (с. 104). Входило в Сад 1982, НМ, СС. Поэт рассказывал, что зацветание миндаля, описанное в этом стихотворении, поразительно, потому что происходит прямо на твоих глазах.

**«Путь не дальний, да грязь глубока...»** (с. 105). Входило в Месяцеслов. Это и следующее за ним стих. написано в первые месяцы переезда в собственный дом в Барыбино, потребовавший огромной работы по превращению его в обитаемое жилье, и, естественно, отвлекавший от поэтической работы.

**«Прощай мои надежды...»** (с. 106). Входило в Месяцеслов, Погост, СС.

1978

**«Где в жизнь прорастает искусства...»** (с. 108). Входило в Сад 1982, Месяцеслов, Погост и СС.

**«Воздух темных аллей, как гранатовый сок...»** (с. 109). Входило в Сад 1982.

**Осина** («– Отчего, сестра, тебя трясет...») (с. 110). Входило в ВБ, НМ. В ВБ дата 1979. Стих. об Иуде Искариоте, который, по известному русскому поверью, повесился на осине, от чего ее листья постоянно дрожат. И саму осину в некоторых странах до сих пор называют не иначе как «Иудино дерево».

**«Уезжаю, приезжаю...»** (с. 111). Входило в Сад 1982.

**Три сна** («Я сплю, и снится мне, что сплю я в чистом поле...») (с. 112). Входило в Месяцеслов, НМ, Погост, СС.

**«Не все преходяще – и значит...»** (с. 114). Входило в Сад 1982.

**«В случайные следы...»** (с. 115). Входило в Сад 1982, Месяцеслов.

**Бьющий свет** (с. 116). Неоконченная поэма частично входила в Месяцеслов (отрывок под названием «Встреча»), полностью – БС. Замысел поэмы возник еще в 1969 году, но реально автор работал над ней в 1978 г. и, как он сам говорил, «работа шла». Но, к сожалению, ему пришлось отвлечься на срочный перевод... Позже, через много лет, он сделал еще одну попытку вернуться к ней (см. «Бьющий свет 2» в Набросках), но не включил написанное в окончательный текст поэмы. Я спросила, почему он не заканчивает поэму, и в ответ услышала: «Но ведь герой погибает в конце...». Зная, что поэма во многом автобиографична, больше я вопросов не задавала.

Название поэмы, конечно, восходит к строкам Н. Гумилева: «Понял теперь я: наша свобода / Только оттуда бьющий свет...» («Заблудившийся трамвай», 1919). *Всех оживить, кто до нас проживал...* Здесь излагается в ироническом ключе теория Н. Ф. Федорова (1829–1903) о воскрешении *всех* мертвых, изложенная (его последователями) в «Философии общего дела». В поэме приводятся примеры реальных событий в древности, так, во всяком случае, говорил мне поэт. *...слыхал об Эсхине?* – имеется в виду персонаж комедии древнеримского драматурга Теренция «Братья». *В Микенах был жуткий*



*случай...* – здесь, возможно, имеется в виду убийство Агамемнона и месть Ореста, описанные Эсхилом в трилогии «Орестея».

1979

«Бледные сумерки марта...» (с. 128). Входило в Месяцеслов.

«И горделивое, и резкое...» (с. 129). Входило в Сад 1982.

«В горячем саду остаются слова без ответа...» (с. 130). Входило в Сад 1982, Месяцеслов, СС.

«Был – пламя и ветер...» (с. 131). Входило в Сад 1982 (с названием «Памяти Б. Лозового»). *Борис Алексеевич Лозовой* (1915–1976), поэт. В марте 1938 г. он был арестован с другими участниками студенческого научного кружка и осужден ОСО на 8 лет ИТЛ. Вернувшись в Москву через много лет инвалидом второй группы, Лозовой сумел закончить филфак и аспирантуру, защитить диссертацию; выпустил несколько поэтических сборников и стал редактором в издательстве «Молодая гвардия». Вот тогда-то автор и проходил у него стажировку (1968–1969 гг.). Он долго не нес ему никакой подборки своих стихов. Когда Лозовой, наконец, спросил почему, автор ответил: «А Вы не просили». Лозовой аж зашелся от такого ответа и сказал с поклоном: «Просим Вас. Пожалуйста. Принесите». Но когда Г. Фролов принес ему стих. «В степи» (1-я часть написана в 1969), где есть строки: «И лежит убитый, / Закусивши рот. / То ли был бандитом, / То ль наоборот», Лозовой возмущенно сказал ему: «Ты что, снова посадить меня хочешь? “То ли был бандитом, то ль наоборот” (!)».

«Ограда. Яблоня за нею. ...» (с. 132). Входило в Сад 1982, СС. В разные годы, в периодике и в устных выступлениях, оно называлось «Воспоминание о Курске», «Прощание с Курском». Стих. написано в 1979 году, за два года до смерти бабушки.

«Что за птица ко мне прилетала...» (с. 133). Входило в Сад 1982.

**Июль-сенозорник** («Вьются пчелы, висит ручной-ник...») (с. 134). Входило в Сад 1982.

«Удержат ускользнувшую тень...» (с. 135). Входило в Сад 1982.

«Плеск волны, на песок набегающей...» (с. 136). Входило в Сад 1982, СС.

«Улыбнись мне печально и строго...» (с. 137). Входило в Сад 1982, СС.

«Вдоль опушки ель, осина...» (с. 138). Входило в Месяцеслов. Это и последующие стихи этого года написаны в Барыбино.

**Сорока** («Сизые крылья, черная грудь...») (с. 139). Входило в Сад 1982, Погост, СС.

**Январские дни** («Уже наступили январские дни...») (с. 140). Входило в Сад 1982 (без названия), БС.

«Этот мир в переменах суровый и женственный...» (с. 141). Входило в Сад 1982, Месяцеслов.

**Вольтер** («Игру ума поставив выше...») (с. 142). Входило в НМ, Погост.

**Сальери** («Мы живем в текуче-жестком мире...») (с. 143). Входило в Сад 1982, Погост.

«Сбрось и тоску и усталость!..» (с. 144). Входило в Сад 1982, Погост.

**Слово** («Это странно, но, лишь повторяя...») (с. 145). Входило в Сад 1982, Месяцеслов, СС. Поэт любил спрашивать у разных людей: «Какое слово в русском языке является синонимом к слову “слово”?» И сам же отвечал – «глагол», тем самым указывая на *действенный* характер «слова».

**В храме** («Купола ободраны на крыши...») (с. 146). Входило в НП, НМ, СС. У поэта было три собаки, и порою он уходил с ними от дома за 12 километров. В самом Барыбино в то время храма не было, так что это мог быть храм в каком-нибудь соседнем селе. Например, кирпичный пятиглавый храм Иконы Божией Матери «Знамение» в Кузьминском (закрыт в 1937 году) или, тоже пятиглавый, храм Иконы Божией Матери «Знамение» в Лобанове

(закрыт в 1935 году) по другую сторону железнодорожного полотна. В последнем одном из его друзей запомнился уцелевший на куполе ангел с крестом.

«**Лень говорить, и читать неохота...**» (с. 147). Входило в Сад 1982, Месяцеслов, Погост.

«**Жизнью былою судьбы настоящей...**» (с. 148). Входило в Сад 1982, Месяцеслов.

«**В купель огневую!..**» (с. 149). Входило в ВВ, НМ, СС. Об огненной купели читаем, например, в молитве Ангелу-хранителю: «Буди ми покров и забрало в день испытания всех человек, вонже огнем искушаются дела благая же и злая». А Апостол Петр написал: «огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (1Пет. 4:12–13).

Из **бездны** («Ладан, золото и мирра...») (с. 150). Поэма входила в НМ. Ее название – слова из 129-го псалма Давида, восходящие к латинскому переводу: «Из бездны взываю к Тебе, Господи!..»; в каноническом церковнославянском переводе: «Из глубины возвах к Тебе, Господи!..». Опубликована она была только через 10 лет после ее окончания, в сборнике «Реквием» (М.: Современник, 1989. С. 406–416.). В поздние годы строки поэмы брали на эпитафии, и в частности, второй главе («Тридцатые годы») своей книги «Советская музыка: История и современность» (М.: Музыка, 1991) Л. Д. Никитина предпослала строки: *Где смешалась со слезами / Труб ликующая медь.* (Автор с улыбкой заметил: «На эпитафии пошел»). Уже после выхода НСВ, автор изменил (см. с. 159) с пометой, «Последняя правка», строки: *И трясет в вагоне тесном / Триста человек...; Сотни, тысячи вагонов / В сторону одну.* Автор говорил, что «триста человек», «сотни, тысячи вагонов» – это слишком много, что, кажется, он взял это у Солженицына, сейчас он написал бы иначе. *Так, как в детстве спят* – см. рефрен стих. Б. Л. Пастернака «Вторая баллада» (1930): «Как только

в раннем детстве спят». *Ты пройдешь землей изрытой / Через Брук и Гарц...* здесь и далее – аллюзия на строки стих. Э. Г. Багрицкого «Птицелов» (1918): «Так идет веселый Дидель / ... Через Гарц, поросший лесом, / Вдоль по рейнским берегам. / По Тюрингии дубовой...». *Колыма – она ведь тоже / Русская земля...* – См. текст песни «Чубчик», исполнявшейся П. Лещенко: «Сибирь ведь тоже русская земля». *Мир ловил меня, но все же, / Видишь сам Ты это, Боже, / Не поймал еще!* – см. автоэпитафию Григория Саввича Сковороды (1722–1794), украинско-русского философа, религиозного мыслителя и поэта: «Мир ловил меня, но не поймал».

1980

«**К вечеру море утихло и волны уже не выносит...**» (с. 162). Входило в Сад 1982, Месяцеслов, СС. Это и следующее стих. написаны в Коктебеле.

«**Те века, что когда-то здесь тропы торили...**» (с. 163). Входило в Сад 1982, СС. *Киммерия* – в античной историографии название территории Северного Причерноморья и Приазовья. Этот топоним ввел в поэтический оборот Максимилиан Волошин. *Медея* – в древнегреческой мифологии царица из западногрузинского царства Колхиды, волшебница и возлюбленная аргонавта Ясона. Но после того, как Ясон решил жениться на другой, Медея убила своих детей.

**Тишина** («На всем лежит глухая тишина...») (с. 164). Входило в Сад 1982.

«**Роза цветет у дороги...**» (с. 165). Входило в Месяцеслов, НМ.

«**Теплого ливня порывы...**» (с. 166). Входило в Сад 1982 (под названием «Поэт»), Погост, СС. О последней строфе стих. на мой вопрос «Почему *поэта?* Ведь поэт как раз мог бы все это понять...» автор ответил «*Такого поэта.*».

**Ласточки** («По утрам туман полями тянется...») (с. 168). Входило в Сад 1982, Месяцеслов, Погост, СС. На

Третий Спас (29 августа) примечают отлёт птиц, особенно ласточек и журавлей.

**Князь Всеслав** («Обращался лисицею рыжею...») (с. 169). Входило в Сад 1982, НМ (под названием «Всеслав»), Погост (под названием «Всеслав»). *Всеслав Брячиславович*, князь Полоцкий (умер в 1101 г.), правнук св. князя Владимира (при котором произошло Крещение Руси); герой «Слова о полку Игореве», где предстаёт как богатырь и чародей, способный оборачиваться зверем. *Старина* – народное название быliny.

**Ольга** («Не двадцать гусей заплескалось в воде...») (с. 170). Входило в Сад 1982 (под названием «Месть Ольги»). Стих. о первой мести древлянам княгини Ольги, жены Киевского князя Игоря (ок. 878–945), убитого древлянами по совету их князя Мала. Потом были еще и второй, и третий, и четвертый эпизоды мести. В 955 г. Ольга приняла крещение в Константинополе, с именем Елена.

**«Растаял снег. В саду ручей струится...»** (с. 174). Входило в СС.

**«Стужи дыханье, на окнах испарина...»** (с. 175). Входило в Сад 1982, Месяцеслов, Погост.

**«Ветер дальнего юга...»** (с. 176). Входило в Сад 1982, Погост. Друг автора Юрий Кузнецов говорил, что у Г. Фролова есть слово-паразит – «нежный» (пример употребления которого есть и в этом стих., и некоторых других). Но поэт продолжал употреблять это слово и в дальнейшем.

**«Все, что ночью душною бормочется...»** (с. 177). Входило в Сад 1982, Погост.

**«Высокие травы, густая малина, цветущая слива...»** (с. 178). Входило в Сад 1982, Месяцеслов, Погост.

**«Были порывы...»** (с. 179). Входило в Сад 1982.

**«Зима ручьями унесла...»** (с. 180). Входило в НМ.

**«В пору ту лениво-золотую...»** (с. 181). Входило в Сад 1982, Месяцеслов.

**«Этот мир в его основе...»** (с. 183). Входило в Сад 1982, Месяцеслов, НМ, СС. *Слёзы Антигоны*. В трагедии Софокла «Эдип в Колоне», слепого Эдипа, изгнанного с

царского трона, сопровождает его верная дочь Антигона. Предаваясь мучительным воспоминаниям об изгнавших его сыновьях и о собственных грехах, Эдип молит богов о смерти. Антигона утешает отца, напоминает о своей любви и преданности ему, и слёзы Антигоны возвращают его к жизни.

Через 11 лет в одной из черновых тетрадей поэт записал: «Часть строк, не вошедшая в окончательный вариант стих. “Этот мир в его основе...” и почему-то вдруг вспомнившаяся 6 октября 91 г.». (Вверху страницы дата: «6-е октября 1991 года. Воскресенье»). Вот это стих.:

Только моря горький запах,  
Только выцветший песок.  
Корабли идут на запад,  
А приходят на восток.  
И ложится тень косая  
Из грядущего на тот  
День, где нас не вспоминая,  
Наше прошлое живет.  
Что ж, и мы его забыли! –  
Помню вечер, помню дрожь  
Вялых листьев, клубы пыли  
И встающий с юга дождь.  
Он ревел на серых склонах,  
Пену мутную гоня,  
А себя не помню, словно  
Вовсе не было меня.  
Вовсе не было! Откуда ж  
На мгновенье я возник  
В этой музыке – о ужас! –  
Чтоб исчезнуть через миг?  
Чтоб исчезнуть, раствориться,  
Кануть в бездне без следа,  
И уже не возвратиться,  
Не вернуться никогда?

**«Себя преодолеть, в себе найти опору...»** (с. 184). Входило в Месяцеслов, НМ, Погост, СС. *И. Ф.* – здесь и далее имеется в виду И. Е. Фролова. Я впервые услышала от

автора это стих. еще в 1980 году, и оно произвело на меня очень сильное впечатление. В Месяцеслове последние строки второй строфы в иной редакции:

13–16 И прежняя любовь – за новую в ответе! –  
Откроет губы – горькие, как дым, –  
И запоет, что радости на свете,  
Как смерти, мы нигде не избежим.

Но в книге НМ (1997) и во всех последующих публиковался первый вариант этих строк.

«С умытых лип струящаяся свежесть...» (с. 185). Входило в Сад 1982, Погост, СС.

1981

«Нет счастья, это так! Но радость есть, я знаю...» (с. 186). Входило в Сад 1982, НМ, СС. Эпиграф из стих. А. С. Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834).

На это стих. Г. Фролова есть стихотворный отклик поэтессы Анны Смородиной (1962–2012):

Нет счастья, это так! Но радость есть, я знаю.  
Г. Фролов

Ах, если бы! Ах, если бы! Увы!  
И радости положены пределы:  
Не больше, чем полстрочки, полглавы,  
Пока судьба к тебе не охладела.  
Сегодня – есть, а завтра – нет как нет.  
И не было. В руках не трепетало.  
Облокотись на влажный парапет.  
Взгляни на теплоходы у причала.  
Довольно и того, что есть покой...  
Несытые! Чего же больше вам?  
Так ветер обращается к волнам,  
И волны отвечают вразнобой.

Апрель 1989

Месяцеслов (с. 187). Поэма входила в Месяцеслов, НМ. В ней не только 12 частей (по числу месяцев), но и,

вместе с названием, 365 строк. Причем, это, по словам поэта, обнаружилось, когда поэма была завершена.

«Лист кувыркком пронесется по площади...» (с. 200). Входило в НМ, СС. В стих. перечислены отдельные рай-центры Орловской области: Болхов, Нарышкино, Залегощь, Кромы, Колпна. Названы некоторые друзья юности: поэт Виктор Дронников, с которым автор познакомился в 1965 году; Володя Авраменко – друг со школы и на всю жизнь; Владислав Зайченко, с которым автор дружил до начала 1980-х и которому он, можно сказать, определил профессию, устроив его в Орловский театр кукол. Все они уже умерли, последним – Владислав Зайченко, актер Мурманского областного драмтеатра, за несколько дней до смерти Г. Фролова.

«Молчи, молчи!.. Я не могу молчать!..» (с. 201). Входило в Месяцеслов, СС. Первая строка отсылает к хрестоматийным строкам стих. Ф. И. Тютчева «Silentium!» (1830): «Мысль изреченная есть ложь; / Взрывая, возмутишь ключи: / Питайся ими – и молчи».

«Перелесок невзрачный, низина...» (с. 202). Входило в Месяцеслов, НМ, Погост.

«Мне снятся мертвые друзья...» (с. 203). Входило в Месяцеслов, НМ, Погост, СС.

«Куда мы торопимся? Кто нас...» (с. 204). Входило в БС, Погост. *Кронос*, в древнегреческой миф. – верховное божество, сын Урана и Геи. Кронос боялся предсказания своего отца Урана, что кто-то из детей, рожденных ему *Реей*, свергнет его, а поэтому проглатывал их одного за другим. Греки поздних времён, из-за созвучия имён, отождествляли его с богом, персонифицирующим время, Хроносом.

Муза («Что ж ты, алая от гнева...») (с. 205). Входило в Месяцеслов, Погост, СС.

Строитель корабля («Пока ты рубил кормило...») (с. 206). Входило в Месяцеслов, Погост, СС. Стих. представляет собою яркий пример автологического стиха, где слова и выражения употребляются в их прямом,

непосредственном значении. И когда Ю. Кузнецов, главный редактор альманаха, заменил, без ведома автора, в последней строфе слово «лежало» на «блистало!» (см.: *День поэзии 1983*. М.: Сов писатель, 1983. С. 54), поэт объяснил ему свою позицию: «Понимаешь, мне все равно, что оно делало: блистало, играло, сверкало... Для меня главное, что оно “лежало”. Тогда, когда это было нужно».

**Художник** («Цветущая ширь долины...») (с. 207). Входило в Месяцеслов, НМ, Погост.

**«Поезд промчится в рыданиях и в грохоте...»** (с. 208). Входило в БС.

#### 1982

**«Люблю ли? Не знаю, не знаю...»** (с. 210). Входило в Месяцеслов.

**«Ничего не осталось в душе...»** (с. 211). Входило в НП, НМ.

**«Право, и слезы уже не прольются...»** (с. 212). Входило в НМ, СС. *Евгений Павлович Шмидт* – сокурсник Г. Фролова, занимался в семинаре прозы. По окончании Литинститута жил в Ленинграде, работал одно время сценаристом на киностудии «Ленфильм». В 1982 году его первая жена, Нина Бодрова (тоже сокурсница Г. Фролова, поэтесса), с сыном уехали в Германию, а Женя (хотя и с немецкой фамилией) остался в России. Мы были у него в гостях в Ленинграде в первое время после их отъезда.

**«Этих дней мятущаяся толочь...»** (с. 213). Входило в Месяцеслов, НМ, Погост, СС.

**«Еще раз»** («Теплый дождь прошел по крыше...») (с. 214). Не входило в другие книги.

#### 1984

**«Давно померкла синева...»** (с. 215). Входило в Месяцеслов.

**В зоопарке** («А все-таки жизнь хороша...») (с. 216). Входило в НП, Погост.

**«Счастье грядущее, боль миновавшая...»** (с. 217). Входило в Месяцеслов.

**«Как ты любишь рассуждать...»** (с. 218). Входило в Месяцеслов.

**Восточный мотив** («В дивном море бытия...») (с. 219). Входило в Месяцеслов, Погост. *Лоция* – разъяснения навигационных особенностей для мореплавателей.

**«С той поры прошло немало дней...»** (с. 220). Входило в Месяцеслов, Погост.

**«Никто на земле не спасет никого...»** (с. 221). Входило в Месяцеслов (под названием «Чаадаев»), БС, Погост.

**«Вот и опять заворчалось...»** (с. 222). Входило в Месяцеслов, Погост.

**«Угли стреляют, сгорая...»** (с. 223). Входило в Месяцеслов, Погост.

**Хлеб** («То подъем, а то упадок...») (с. 224). Входило в БС.

**Урия** («Да нет, я не брошу укора...») (с. 225). Входило в БС, Погост, СС. История любви царя Давида к жене *Урии* Вирсавии изложена в Ветхом Завете (2 Цар. 11–12). *Равва* – имеется в виду Равва Аммонитская, которую осаждал военачальник Давида. Вызванный из Раввы в Иерусалим, Урия ответил на расспросы царя, но домой не пошел, а спал у ворот царского дома, со слугами. А через день отправился на фронт, где и погиб.

**«Вижу прошлое: из окон...»** (с. 226). Входило в НМ.

**Стансы** («Солнце пылающим кругом...») (с. 228). Входило в ВБ, НМ, Погост, СС. *Николай Владимирович Поснов* (1946–2005), поэт; родился на Орловщине, окончил Литературный институт. Был председателем Брянского отделения Союза писателей России (1992–1999). Дружил с Г. Фроловым еще с Орла.

**«Что еще вспомнить и что еще встретить...»** (с. 230). Входило в Месяцеслов.

#### 1985

**«Я постою еще, я сердце успокою...»** (с. 231). Входило в Месяцеслов, НМ, Погост, СС. *Николай Николаевич*

*Лисовой* (1946–2019), историк, общественный деятель и поэт; главный научный сотрудник Института российской истории РАН, член Палестинского общества (с 1974 г.), а с 1995 г. и до конца жизни – заместитель Председателя ИППО; один из близких друзей поэта.

«Ну, что ж, если радостей нету...» (с. 232). Входило в Месяцеслов, Погост.

«Прощай! Не маши торопливо рукою!..» (с. 233). Входило в Месяцеслов, Погост, СС.

«Не только то, что там...» (с. 234). Входило в БС, Погост, СС. *Константин Владимирович Смородин* (р. 1961), поэт, прозаик; окончил Литинститут, живет в г. Саранске.

*Овидий* («Часто в последнее время не спится, хоть сам не пойму почему...») (с. 235). Входило в Месяцеслов, Погост. *Лев Константинович Котюков* (1947–2022) поэт; родился в г. Орле. Закончил Литинститут в 1970 году. Друг автора с молодости и до начала 1990-х гг.

«За часы былых свиданий...» (с. 236). Входило в Месяцеслов, Погост.

«Слышу и слышу я – тикают часики...» (с. 237). Входило в Месяцеслов.

«Снова в сердце ребячливом радость...» (с. 238). Входило в Месяцеслов, НМ.

#### 1986

«Сел мой голос летучий. От водки, ты шепчешь? От ветра!..» (с. 239). Входило в ВБ, НМ, Погост, СС.

«Живу не печалюсь...» (с. 240). Входило в БС, Погост.

«А все-таки я хотел бы...» (с. 241). Входило в ВБ (с датой – 1987), НМ.

#### 1987

«Мы воспевали труд и добродетель...» (с. 242). Входило в Погост.

#### 1989

«О слияние молнии с громом...» (с. 243). Входило в НП (под названием «Моление»), НМ.

«Только стыд, которым лето...» (с. 244). Входило в НП.

Романс («Ах, как мне жаль всех живших и живущих...») (с. 245). Входило в НМ, СС.

«Пух тополевой пороши...» (с. 246). Входило в БС, НМ, Погост.

«Усиьем страдающей мысли...» (с. 248). Входило в БС.

«Была гадать тебе охота!..» (с. 249). Входило в БС, Погост.

«Возле дома снег, а на дороге...» (с. 250). Входило в: НП, НМ.

*Вавилонская башня* («Упала башня Вавилона...») (с. 251). Входило в ВБ, НМ, Погост, СС. История Вавилонской башни изложена в Ветхом Завете (Быт. 11:1–9).

«Куст герани на окне...» (с. 254). Не входило в другие книги.

#### 1990

«От солнечных ярких пятен...» (с. 256). Входило в НМ, Погост, СС.

*На погосте* (с. 257). Этот тетраптих входил в БС, Погост, СС. Причем, в СС он был включен по настоянию автора (книгу в первой редакции составляла я). Это стих. написано в год смерти матери, но первые стихи о ней появляются только в 1993 и затем в 1995 г.

«Один в одинокой стране...» (с. 262). Входило в ВБ, НМ, Погост, СС. *Борис Николаевич Романов* (р. 1947), поэт, историк литературы, эссеист; друг поэта.

*Цветут необъятные липы...»* (с. 265). Не входило в другие книги. Имеется в виду липовая аллея по дороге к саду в Орле, вырубленная, как говорили, потому что она мешала взгляду из Дома Советов на площадь перед ним.

«**Невыпитая чаша...**» (с. 266). Входило в БС, Погост.  
«**Разве я унижу...**» (с. 268). Входило в Погост.  
«**Дай вдохнуть...**» (с. 270). Входило в НМ, Погост.  
«**Странность воспоминаний...**» (с. 271). Входило в НМ, Погост.

«**Слово – серебро. Молчанье...**» (с. 272). Входило в НМ, Погост. В обеих этих книгах стих. было посвящено *И. Ф.* Помню, я говорила автору, что стоит рассказать другому о чем-то и оно перестает принадлежать тебе, теряет краски и порою вообще уходит навсегда. В НСВ посвящение было снято скорее всего потому, что в 1991 году мне посвящены два других стихотворения.

«**Душа обернулась звездой...**» (с. 273). Входило в НМ.

**Молитва** («Дай силы мне, Господь...») (с. 274). Входило в НП (без названия), НМ, СС.

«**Было время, что не было времени...**» (с. 275). Входило в НМ, СС.

«**Убегают к лесу провода...**» (с. 276). Входило в НП, НМ, Погост.

«**Стряхнуть отупение, выйти...**» (с. 278). Входило в НМ.

«**Как можно требовать от других...**» (с. 279). Входило в БС, НМ, СС. Стих. написано, возможно, в Переделкине, откуда известие о болезни матери вырвало его. Через два-три дня он вернулся в Переделкино, но через несколько дней получил известие о смерти матери, и мы оба уехали в Орел на похороны.

«**Позабытою песней встревожит мой слух...**» (с. 280). Входило в БС, СС. В 1990 г. мы с автором и его друзьями отдыхали летом в Ялте, в Доме творчества писателей. Но если начало стихотворения напоминает о Крыме, то дальше несомненно вспоминается наш отдых в Пицунде в 1987 и 1989 годах.

## 1991

«**Час за часом, день за днем...**» (с. 281). Входило в НМ.

**Два голоса** («– Из себя бы выбежать...») (с. 282). Входило в НМ.

«**Не заплачу и не затоскую...**» (с. 283). Входило в НМ, СС.

**Пьяные стихи** («Пить холодное вино по утрам...») (с. 284). Входило в БС, Погост.

«**Лист бумаги увижу, и тянет к перу...**» (с. 286). Входило в НМ.

«**Чем с тобою сейчас поделиться?..**» (с. 287). Входило в НМ, Погост.

«**Понапрасну, без смысла и цели...**» (с. 288). Входило в НП (с датой 1982), НМ, СС.

Первая дата говорит о том, что стихотворение началось уже в 1982 году, когда было написано «Право, и слезы уже не прольются...». Но если в стихотворении 1982 года поэт не судит бегущих, то здесь он говорит уже прямо «Пусть и плач из-за двери услышишь / Но дверей не откроет она!..». Автор поддерживает записанное в Конституции 1978 года право государства лишать гражданства (не зная пока о том, что уже в июле 1991 года будет принята новая Конституция РФ, которая провозгласит, что гражданин России не может быть лишен своего гражданства. А Конституция 1993 года подтвердит это).

**Невольные мысли.** (с. 289) Полиптих входил в НМ. Написано о Пасхе 1991 г.

«**Ты спроси, тебе отвечу...**» (с. 294). Входило в НМ, Погост.

«**Нет никого, кто мог...**» (с. 295). Входило в БС, Погост, СС.

«**Я все просил то гнева, то любви...**» (с. 296). Входило в БС, Погост, СС. Эпиграф из стих. автора «Дай мне гнева и любви...» (1977).

«**Слева сосны, а справа кладбище...**» (с. 297). Входило в БС, СС. Упоминаются сосны и кладбище в Переделкине.

«**Слышу я, что охвачены мы распадом...**» (с. 299). Входило в БС, СС.

«Я люблю тебя! – еще не веря...» (с. 230). Входило в НМ, СС. 7-го октября 1991 года мы венчались в храме Иоанна Воина, единственном храме в Москве, где есть придел в честь покровителей брака – Гурия, Самона и Авива (но узнали мы об этом, уже придя на венчание).

«Птичий свист не тревожит пространство...» (с. 301). Входило в НМ, СС. Имеется в виду Орловское кладбище в Лужках: во время похорон матери, да и сейчас, там не было ни деревца; был только небольшой лесок в отдалении, за кладбищем.

Прощание с Ялтой («В окне ресторан “Ореанда”...») (с. 302). Входило в НМ, СС. Автор, работавший в то время в издательстве «Столица», проводил в марте 1991 г. один из поэтических семинаров в Ялте, организованных издательством. Больше он в Ялте не был.

«Встретились, сидели, говорили...» (с. 303). Входило в НМ.

«Много лет я не вижу деревья, что я посадил...» (с. 304). Входило в БС, СС. В начале стих. речь идет о саде при доме в Барыбино. Под именами «Коля, Витя и Боря, и Гена» имеются в виду Н. Лисовой, В. Дронников, Б. Романов, Г. Иванов.

«Снова лязганье стали во мгле...» (с. 306). Входило в НП, НМ. Я недоумевала, почему автор посвятил мне это стих. И только после его ухода из жизни, вчитавшись в него, я поняла, что вторая строфа – это, своего рода, «завещание» его себе, мне и всем нам. А начиналось это стих. как длинные «Риторические стихи», оставшиеся рукописным наброском:

Я опять недоволен собой,  
Я собою опять недоволен...  
Дождь гремит водосточной трубой,  
Словно ржавыми латами воин.

Он-то знает, как просто идти  
По мощным дорогам ли, тропам,  
Иль свои пролагая пути,  
По америкам ли, по европам.

К нам со всех он приходит сторон! –  
За излишнюю верность рассудку  
Он меня упрекает, взбешен  
Слабодушьем моим не на шутку.

Что ж, я тоже уверен вполне:  
Пред собой все преграды, засеки  
Сами мы воздвигаем – вовне  
То лишь страшно, что есть в человеке.

Все твердим мы уныло: судьба!  
Рок слепой! – повторяем натужась.

Забывая, что лишь из себя  
В этот мир выпускаем мы ужас. [Свой на свет извлекаем...]

Только нашу кровью он сыт,  
Он живет, только нас попирая.  
Так поднимем же веру, как щит,  
Меч любви на врага обнажая.

Пусть же лязганье стали во мгле  
Станет лучшей песней для слуха.

Бой не в небе и не на земле –  
Он в таинственной области духа. (подчеркнуто автором)

Ибо как бы ни выпало пасть,  
Только в этом падем мы сраженье,  
Где рассудок, с душою борясь,  
Побеждает, терпя поражение.

И гоня суемудрие прочь,  
Я встаю и иду одиноко  
В эту мокрую черную ночь  
Где грохочет труба водостока.

И, сходя от восторга с ума,  
В мои легкие, сердце и печень  
Рвутся травы, деревья, дома,  
Чтоб от страхов спастись человечьих.

Неужель я опять их предам

. . . . .

Как когда-то в Эдеме Адам,  
Уходящий от древа познания.



В другом черновике были две зачеркнутые строфы: после четвертой (не приводится) и та, которая начинается словами «Только нашею кровью он сыт...».

В связи с этим стих. автор не раз цитировал стихи Н. Заболоцкого: «Читайте, деревья, стихи Гезиода...» (1946), где проходит мысль о том, что природа должна учиться у человека. Уже после выхода НСВ, автор изменил третью строфу и написал: «Последняя правка». Прежний вариант: «И, сходя от восторга с ума, / Бормоча мне блаженные речи, / Рвутся в грудь мне деревья, дома...».

1992

**Петру Рейнгардту-Никулину** (с. 307) Входило в БС, Погост (без названия, с посвящением П. Рейнгардту-Никулину), СС. Физик *Петр Игоревич Рейнгардт-Никулин* (1946–2019) был другом автора, начиная с Орла и до последних дней своей жизни. Строки *А друзей у нас в мире и не было. / Мы и сами себе не друзья!* звучат актуально и сейчас, через 30 лет после написания.

«Ничего не надо, кроме, может...» (с. 309). Входило в БС, НМ. Г. Фролов заканчивает свое стих. мольбой о полной неизвестности и забвении всего земного. Он умер в 8 часов вечера, именно «канул в ночь без слова и огня» в больнице.

«Декабрь, а как апрель!...» (с. 310). Входило в НМ, Погост.

«Я повторяю вновь...» (с. 312). Входило в БС, Погост, СС.

**Крым** («Синее небо, лиловое море...») (с. 313). Входило в НП (с датой 6 мая 1992), НМ. Хотя Крым и был в составе Украинской ССР с 1954 г., но 12 февраля 1991 года Крымская область была преобразована в Крымскую АССР в составе УССР и как бы навсегда потеряна для России. Горький пафос стих. несомненен, но следует сказать, что обратное присоединение полуострова к РФ в 2014 г. автор воспринял без восторга, с сомнением.

**Накануне парада** (У памятника Пушкину) («И разные стояли люди...») (с. 315). Входило в НП (с полными датами), НМ (только годы). Хотя это стихотворение поражаало многих своими прозрениями в будущее, оно вызывало противоречивые отклики даже у тех, кто одобрял его пафос. Чаще всего выкидывали строки о республиках («чтобы не обижать республики»), что поэта крайне возмущало («Меня всегда резали. Но теперь-то что? Не хотите – не печатайте совсем!»). Невозможно отрицать, что это – сильное, страстное стихотворение, «...а где сила, страсть, – там и поэзия», как сказал В. В. Розанов (Уединенное. М.: Изд-во политической литературы. 1990. С. 28).

«Не оттого, что глаза заблестели...» (с. 319). Входило в НМ.

«Вишня на склоне июньского дня...» (с. 321). Входило в НМ, Погост.

1993

«С чего начать? Начну с конца...» (с. 323). Входило в НМ, Погост, СС. *Виктор Петрович Дронников* (1940–2008), поэт, друг автора с Орла и до последних дней своей жизни. Стих. написано через три года после смерти матери (на похоронах которой был и В. Дронников). О последней строке стих.: *На встречу с матерью печальной*. На вопрос «Почему “печальной”?» поэт отвечал: «Не знаю. Но так написалось».

«Время сплошных неудач...» (с. 324). Входило в НМ, Погост. В одной из тетрадей набросков к этому стихотворению, после даты, приписано еще несколько строк:

Только куда провести?  
Сам я не знаю дороги.  
Господи Боже, прости,  
Дай позабыть о тревоге.  
Дай позабыть о себе  
Этой порой листопада.  
Больше, чем было в судьбе,  
Мне уже нынче не надо!

«Начинаю словно об одном...» (с. 325). Входило в НМ. В начале стих. имеется в виду дом на углу Подколокольного переулка и Яузского бульвара, перед которым стоят скульптуры «девушки с винтовкою в руке и юноши с отбойным молотком» сталинской эпохи. Троицкая лавка существует до сих пор (под названием «Православное слово на Пятницкой», на территории храма Живоначальной Троицы в Вишняках, который в 1991 году, первым из всех храмов Замоскворечья, вновь открыл свои двери для верующих).

«Солнца шар раскаленный...» (с. 327). Не входило в другие книги.

«Засыпаю, крепко сплю, и снится...» (с. 328). Входило в НМ, СС.

1994

«Не о вечном!.. О вечном успеется...» (с. 329). Входило в НМ.

«Колышется сердца заброшенный пруд...» (с. 330). Входило в НМ, Погост.

О цветах («О цветах и опять о цветах...») (с. 331). Входило в НМ, Погост.

«Звонко пелось, беспечно дышалось...» (с. 332). Входило в НМ, СС.

«И в эту ночь почти не спавши...» (с. 334). Входило в НМ, Погост, СС.

1995

«Мне бы от злобы уйти...» (с. 335). Входило в НМ.

«Что я не видел и где я не был?..» (с. 336). Входило в НМ, Погост, СС. Евгений Евгеньевич Чернов (1938–2002), прозаик. Знакомы они с Г. Фроловым были, видимо, с Литинститута, потому что оба числятся среди выпускников 1971 года, но сошлись уже в начале 1990-х и Евгений стал бывать у нас дома. Автор особенно ценил рассказ Е. Чернова «Кончина Зои Пламенной» (1991).

«Снег в саду синей, чем молоко...» (с. 337). Входило в НМ. В зачеркнутом варианте после первых четырех строк: «Словно бы душа обожжена / И страшится каждого касанья».

«Все, что можно, и все, что нельзя...» (с. 338). Входило в НМ, Погост, СС.

«Время не может, увы, ничему научить...» (с. 341). Входило в НМ, Погост.

«Вспомнил вечером я тебя...» (с. 342). Входило в НМ.

«Никто не лучше никого...» (с. 343). Входило в НМ.

«Я находил в лесу глухом...» (с. 344). Входило в НМ, СС.

1996

О цветах, о бабочках, о пчелах («Не о городах и не о селах...») (с. 345). Входило в НМ, Погост, СС. В одной из тетрадей набросков – без названия.

1998

«Потерять можно то, что нашел...» (с. 346). Входило в Погост.

«Давным-давно исчезла ты...» (с. 347). Входило в Погост.

2001

«Все покинуло, даже Муза...» (с. 348). Входило в СС.

«Жизнь утекает водой из горсти...» (с. 349). Не входило в другие книги.

«Мир подьмет лицо на рассвет...» (с. 350). Не входило в другие книги.

«Вот и последние – два! – облетели...» (с. 351). Входило в СС.

«Жизнь меня на ходу подменила...» (с. 353). Входило в СС. Написано в день рождения, в 54 года.

«Не оттого, что сказать больше нечего...» (с. 354). Входило в СС.

«Что же случилось со мной...» (с. 355). Входило в СС.

«От прошлого не отказываясь...» (с. 357). Не вошло в другие книги. *Порушкевич Дмитрий Павлович* (р. 1938), поэт, журналист. Друг автора с Орла и на всю жизнь. Порушкевич был главным редактором газеты «Орловский вестник», где не раз публиковал стихи Г. Фролова. В течение многих лет был Председателем орловского отделения Союза российских писателей. Они нечасто, но регулярно созванивались.

«Доживаю, но жизнь не клянусь...» (с. 358). Вошло в СС.

«Луна замерзает, как белая мышь...» (с. 360). Не вошло в другие книги.

«Только в зеркале вырвет из мрака...» (с. 361). Вошло в СС. Первые две строфы автор взял из своего же юношеского стихотворения, но дальше они не имеют ничего общего. Вот это раннее стих.:

Только в зеркале вырвет из мрака  
Сигарета неясный овал.  
Только хрипло пролает собака  
Непонятные людям слова.

И опять тишина без движенья,  
Без движенья одна тишина.  
Исчезает мое отраженье  
В запылившейся толще стекла.

Я навеки к нему не привязан,  
Я за все рассчитаюсь сполна.  
Скоро в комнате тонкою вязью  
Мне полы разрисует луна.

Я уйду, я усну, я растаю  
В утро, холод, весеннюю грязь.  
И пустые причины растают,  
Разделявшие некогда нас.

Ты вернешься, о прошлом жалея.  
Улыбнешься, улыбкой любя.  
Но подменит меня отраженье  
И спокойно ударит тебя.

И опять повторится... из мрака  
Сигарета, неясный овал  
И опять мне пролает собака  
Непонятные людям слова.

<1967>

«Усталые ноги еще идут...» (с. 363). Вошло в СС.

«Кому-то нравится одно...» (с. 364). Не вошло в другие книги.

«Рельсы прижмутся к шпалам...» (с. 365). Вошло в СС.

«На тему вечную предательства...» (с. 366). Не вошло в другие книги.

«Ни на что глаза не закрываю...» (с. 368). Не вошло в другие книги.

«Много мелких сыпучих предметов...» (с. 369). Не вошло в другие книги.

«Не под забором я умру...» (с. 370). Вошло в СС. Уже после выхода НСВ, автор изменил вторую строфу и написал «Последняя правка». См. прежний вариант этого стих. 1971 года:

Не под забором я умру,  
Мне не дано и этого.  
В холодном доме поутру  
Поставят гроб газетовый.

Я перед смертью надоем  
Придирками, недугами.  
И сразу станет легче всем,  
Когда слетит подруга мне.

Когда закроются глаза,  
Конец всему лечению.  
И у жены скользнет слеза  
Немого облегчения.

Родня деньжонок соберет  
И по-людски схоронит.  
И только муза отпоет,  
Но через миг не вспомнит.

## СТИХОТВОРЕНИЯ. 1964–2021

Стихотворения из книг,  
не вошедшие в избранное  
«НЕ СВОЕ ВРЕМЯ»

Все стихотворения, представляющие книги поэта, публикуются здесь в последней авторской редакции и в хронологическом порядке.

Из книги «ЛУННЫЙ ВЕЧЕР». 1972

**Из окна** («А поезд качает на рельсах...») (с. 373). Печ. по ЛВ. В ранних вариантах встречалось как с названием «Из окна», так и без него.

**Январь** («Январь, январь!.. Опять январь...») (с. 374). Печ. по ЛВ.

**На обрыве** («Как будто волны по заливу...») (с. 375). Печ. по ЛВ.

**Кони** («Снятся кони... В жизни, право...») (с. 376). Входило в ЛВ, Месяцеслов (без последних четырех строк), СС. Печ. по СС. В ЛВ с разночтениями:

17–18 И пофыркивает влажно  
В ветер розами ноздрей.

48–50 Лишь зрачок ее лиловый  
Долго смотрит на меня.

**«Пускаю бумажную птицу...»** (с. 378). Входило в ЛВ (с назв. «Птица») и Месяцеслов. Печ. по кн. Месяцеслов. В ЛВ с небольшими разночтениями:

1–3 Бумажную птицу пускаю.  
Но нежной спиралью она  
В кудрявые клены слетает,  
. . . . .

14–15 То тусклая, то голубая,  
То в золоте, то в синеве.

**В пути** («За мартовским лесом дорога...») (с. 379). Входило в ЛВ и Сад 1982. Печ. по кн. Сад 1982. В Списке дат – без названия.

**«Огонь лизнул, и сморщились колени...»** (с. 380). Печ. по ЛВ. Первоначально называлось «Сонет». Владимир Алексеевич Губанов учился на курс ниже и был другом автора в Литинституте и какое-то время после него. Описал один случай из жизни Г. Фролова в книге: Православные чудеса в XX веке. Свидетельства очевидцев. (М: «Трим», 1993. Кн. 2. С. 55–57). Автор говорил, что «если Джордано Бруно был заживо сожжен инквизицией на костре за то, что не мог отказаться от своих взглядов, то живший вскоре после него Галилей спокойно подписал отречение и умер своей смертью, потому что для него истина была несомненна и его отречение не играло роли».

Из книги «САД». 1982

**Без тебя** («Я еще могу бродить по лужам...») (с. 381). Печ. по кн. Сад 1982.

**«Придет пора – и ты, как многие...»** (с. 383). Входило в Сад 1982 и Месяцеслов. Печ. по кн. Месяцеслов.

**«...Ну, а нет ее пока...»** (с. 384). Печ. по кн. Сад 1982.

**«То страсть сумасбродного лета...»** (с. 385). Печ. по кн. Сад 1982.

**«Еще сады листвою не одеты...»** (с. 386). Входило в Сад 1982 и Месяцеслов. Печ. по кн. Месяцеслов. Ранний вариант этого стихотворения с иным началом: «Ну вот весна. А значит близко лето. / У дома снег...». Она минувла, Зима тревоги! – неточная цитата из пьесы У. Шекспира «Жизнь и смерть короля Ричарда III». Под Зимой тревоги, возможно, автор имел в виду угрозу китайского вторжения (в народе ходили слухи «На нас китаец идет войной»). Приехав к автору в гости ранней весной 1979 г. в Барыбино, я услышала: «Вот вернулся домой из командировки пораньше. Неизвестно ведь, что будет...».

**«Синее небо бездонное...»** (с. 387). Печ. по кн. Сад 1982.

И з к н и г и « М Е С Я Ц Е С Л О В ». 1987

«**Правда хорошо, а счастье лучше...**» (с. 388). Входило в Месяцеслов и НМ. Печ. по НМ.

«**Прекрасный летний день...**» (с. 389). Печ. по кн. Месяцеслов.

«**До сих пор я помню! – снова...**» (с. 390). Печ. по кн. Месяцеслов.

«**Какие новости услышаны...**» (с. 391). Печ. по кн. Месяцеслов.

**Сотворение собаки** (с. 392). Входило в Месяцеслов и СС. Печ. по СС. *Посвящено поэту В. Дронникову* (см. коммент. на с. 529 к стих. на с. 323). Сюжет легенды автор заимствовал из книги Дж. Фрэзера «Золотая ветвь: Исследование магии и религии» (М.: Политиздат, 1980). *Племя куми* – одно из бирманских племен.

И з к н и г и « Б Ъ Ю Щ И Й С В Е Т ». 1992

**В Сестрорецке** (с. 394). Печ. по кн. БС. В Списке дат названия нет.

**Ворон** («Что ж ты, ворон, сидишь на суку...») (с. 396). Печ. по кн. БС.

И з к н и г и « П О Г О С Т ». 2000

**Старинные романы:** 1. «Когда неудачи вокруг...» 2. «Я любил романы, где злодеи...» (с. 397). Печ. по кн. Погост. В Списке дат называлось «Диккенс». В стих. упоминаются герои из романов Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» и «Крошка Доррит». А во второй части вольно пересказан сюжет романа Г. Филдинга «История Тома Джонса найденыша». Поэт очень любил эти романы и фильм «Том Джонс» Тони Ричардсона, поставленный по роману Филдинга.

В связи с характером героев сто́ит, наверное, привести наблюдение автора по поводу изменения национального характера англичан: «Англия Чосера, Шекспира, Филдинга и др., то есть до XIX века, это совершенно

другая Англия, непохожая на ту, которую мы знаем сейчас, – сухую, чопорную и пр. Это жизнерадостные гуляки, говоруны, обжоры. Такое впечатление, что весь живой, бродильный элемент уехал либо в колонии, либо был сослан в Австралию». (Недаром кто-то из австралийцев сказал: «Мы все ведем свою родословную со скамьи подсудимых»). Можно добавить, что этому изменению национального характера англичан в немалой мере способствовала победа протестантизма.

«**Дом на снос – и мы ломаем...**» (с. 399). Печ. по кн. Погост. Последним съемным жильем перед покупкой дома в Барыбино был дом-дача актера Алексея Дикого в Новогирееве, отапливавшийся дровами. Для этой цели и собирали деревянные вещи из дома на снос.

**Ремонт** («Желанье чистоты...») (с. 400). Печ. по кн. Погост. В одной из тетрадей набросков – без названия.

И з к н и г и « С Т О С Т И Х О Т В О Р Е Н И Й »  
2013

«**Вот тут-то и вспомнишь, что больше не молод...**» (с. 401). Печ. по СС, где опубликовано впервые.

Н е и з д а н н о е и н е с о б р а н н о е

И з м а ш и н о п и с н о г о с б о р н и к а  
«С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я». 1967

Сборник публикуется с сохранением авторской композиции. В машинописи отсутствуют (вырезаны) пять стихотворений из 32-х: «Весеннее: Апрель», «Осеннее», «Рондо», «Любимая, в нашей любви...», «Сумбурные строфы моих побед...». Однако, тексты трех из них («Осеннее», «Рондо» и «Сумбурные строфы моих побед...») восстановить удалось. Из четвертого («Любимая, в нашей любви...»), уцелевшего в неполном, черновом виде, публикуется первая строфа.

Почти все стихи печатаются по тексту машинописного сборника (как исключение, по ЛВ или по памяти сестры автора).

Вошедшие в Сборник стихотворения частично публиковались в газетах, но публикации, оказавшиеся недоступными составителю, в комментариях не отмечены. Многие стихи из этого Сборника обсуждались на заседании Орловского литобъединения 2 февраля 1966 года (сохранился Протокол обсуждения), когда поэт учился на 1 курсе Орловского пединститута. Большинство этих стихотворений поэт читал мне еще в школе.

### И. П о в е х а м

**Свисток** («Из орешника дед вырезал мне свисток...») (с. 402). Опубликовано: Орловский комсомолец. 1965. 28 марта. С. 3. Литстраница «Орлёнок», под заглавием «Первые стихи Геннадия Фролова». Это его первая публикация, и есть даже справка об этом. Сохранилась также другая орловская публикация этого года, в которой поэт представлен так: «*Геннадий Фролов*. Биография только начинается. Учится в 11 классе 26-й школы».

**Март** («Куда-то едешь за пятак...») (с. 402). Опубликовано: Орловский комсомолец. 1965. 1 мая. С. 3. Литстраница «Орлёнок», под заглавием «Весенние стихи».

**Герцена** («Я запомнил себя на “Герцена”...») (с. 404). Опубликовано в неустановленной орловской или курской газете (сохранилась вырезка без выходных данных). Речь идет о Курске: дом бабушек, в котором автор рос, а потом проводил почти все каникулы, стоял на улице Герцена.

**У моря** («У черного моря – зеленый фасад...») (с. 404). Опубликовано: Орловский комсомолец. 1965. 1 мая. С. 3. Литстраница «Орлёнок». В ЛВ без последней строфы: «По блеклому пляжу иду босиком...». *Вчера мы приехали к морю...* – поэт в отрочестве несколько раз отдыхал с родителями в Сухуми.

«**Ацетоном пахнут ананасы...**» (с. 405). Опубликовано в газете (сохранилась вырезка без выходных данных).

*Говорят о черных парусах* – т. е., о пиратских кораблях. *Клипер* – трёхмачтовое парусное судно XIX и XX века.

**Дождь** («Снова выбегу из зала...») (с. 405). Опубликовано в той же газете, что и «Ацетоном пахнут ананасы...» под названием «Первый дождь».

### П. М и р д р е в н и х ц и ф р

«**Каждый живет, как и все живут...**» (с. 408). Читал мне.

«**Солдатская песня взорвется...**» (с. 409). Хотя в содержании озаглавлено «Солдатское», в рукописи – без названия, а в Списке дат называется «Солдатская песня». *И сказка о приторном боге / Растает, как пушечный дым...* – у автора был короткий период неверия в 1966–1967 гг.

«**И опять просыпался радостно...**» (с. 410). В тексте книги напечатано «И опять просыпаясь радостно...».

«**Цветы догорали, как свечи...**» (с. 411). *Над гробом долгие речи...* – возможно, имеется в виду смерть деда поэта, Степана Игнатьевича Фролова (1883–1957). На похоронах автор не был, на них ездил его отец Василий Степанович.

**Осеннее** («Вечер осенний светел...») (с. 413). Входило в кн. ЛВ, по которой печатается. См. в НСВ поздний вариант стих. («Кто там? Кому ответил...»), датированный 8 марта 1971.

**Дед** («Все суета. Мне остался в награду...») (с. 417). О ком идет речь в стих. установить не удалось, деда со стороны отца и матери автора в штурме Перекопа не участвовали.

**Провода** («Проклинают меня провода...») (с. 418). *Ихтиандр* – персонаж научно-фантастического романа Александра Белыева «Человек-амфибия» (1927). Фильм по этому роману вышел в начале 1962 г.

### Ш. О п ы т ы

**Рондель** («Пойми меня и не жалей...») (с. 420). *Рондель* – французская стихотворная форма из тринадцати

строк, где первые две строки повторяются в седьмой и восьмой строках, а последняя строка повторяет первую. На первом-втором курсах Литинститута поэт активно писал рондо, рондели, триолеты, венки сонетов, осваивая канонические строфические формы. Большинство этих опытов не сохранилось.

**Рондо** («Прощанья горек вкус...») (с. 421). В раннем варианте стих. называлось «Прощание». *Рондо* – французская стихотворная форма, в данном случае, из пятнадцати строк, где начальные слова первого стиха повторяются в девятой и в заключительной строках.

**«Любимая. В нашей любви...»** (с. 422). Печ. только первая строфа, восстановленная по памяти сестрой автора. В Списке дат – под названием «Любимой».

**Кармен** («Покатились апельсины по полу...») (с. 423). Имеется в виду американский фильм «Любовь Кармен» (1948) с Ритой Хейворт и Гленном Фордом: только в этом фильме есть кадр с апельсинами, покатавшимися по полу. *Пистольеры* – элитная легкая кавалерия Имперской армии, состоявшая из молодых дворян, владеющих пистолетами. *Розовые маки* – имеется в виду кровь Кармен, стекающая на клинок Хосе. *Узор толедского клейма* – характерный узор клейма толедского оружейника, сделавшего данный клинок из стали.

**«Уйду туда, где Одиссей...»** (с. 424). *Геба* (греч. миф.) – богиня юности. *Как ждал в Шервуде Робин Гуд / Монаха на дороге*. Здесь, возможно, имеется в виду одна из английских средневековых баллад о Робин Гуде в переводе Игн. Ивановского (Баллады о Робин Гуде. Л.: Детгиз, 1963).

**«Сумбурные строфы моих побед...»** (с. 425). Стих. восстановлено по памяти сестрой автора.

И з р у к о п и с н о г о с б о р н и к а « С А Д »  
1969

Возможно, название книги Сад обязано своим происхождением стихотворению В. Хлебникова «Зверинец», которое начинается со слов «О Сад, Сад!».

Рукописная книга Сад 1969 была составлена автором и сохранилась в записи его сестры. В книге, скрепленной скобами, 32 страницы. На обложке рукой сестры написано: «Геннадий Фролов. Сад. Стихотворения». А ниже, почерком автора: Геннадий Фролов. 1968 г. и под этой надписью: Г. Фролов. 1969.

Сохранена авторская композиция Сборника; даты приводятся по Авторскому списку дат. Кроме публикуемых 17 стих., в Сад 1969 входило еще 9 стих., включенных в избранное «Не свое время», что отмечено в комментариях (см. выше), а еще одно, «Водитель играет баранкой...», – сокращенный вариант стих. «Натруженный рокот машины...».

**«Средь ужасов мирного края...»** (с. 426). В Списке дат под заглавием «Средь радостей мирного края...».

**«Не жду я хорошего слова...»** (с. 427). У этого стих. есть вариант названия – «Без пессимизма» с посвящением Н. Н. Сидоренко, руководителю творческого семинара, в котором автор занимался в Литинституте.

**«Я уехал и осталось где-то далеко...»** (с. 428). В стих. есть строка «Поезд вез меня четыре дня...». Сейчас уже трудно сказать, куда именно ездил автор. По словам поэта Льва Котюкова, учившегося в Литинституте на курс старше, Г. Фролов ездил в творческие командировки от Бюро пропаганды. Возможно, это был Иркутск или какой-то другой город. Сохранилась авторская рукопись этого стих.

**Бабушкам** («Дерюжный коврик у порога...») (с. 430). Входило в Сад 1969 и ЛВ. Печ. по ЛВ. В Сад 1969 – без названия и с посвящением *Бабушкам Муре и Маше*, третья строфа с разночтениями.

**«Я к разлуке губами приник...»** (с. 432). Возможно, имеется в виду поездка в Туркмению от Бюро пропаганды.

**«Горький запах твоих волос...»** (с. 432). В Списке дат приписаны инициалы И. Б. (см. следующее стих.).

**Инне** («За окном мороз, а в комнате...») (с. 433). Вошло в Сад 1969 и ЛВ. Печ. по ЛВ. В Сад 1969 без названия, с посвящением *Инне*. Стих. посвящено первой жене поэта *Инне Валентиновне Булгаковой* (1947–2014), писательнице.

**Песня** («Этой песней мне душу потешь-ка...») (с. 434). *Сухомятной чужой стороной...* – одно из значений слова «сухомятка» в словаре Фасмера: *польск.* заросли, чаща, бездорожье.

**Осень** («Это птичье прощание с краем...») (с. 435). В Списке дат – без названия.

**«Натруженный рокот машины...»** (с. 435). Сохранилась авторская рукопись стих. В Списке дат стих. названо «Шофер» с пометой: газ<ета>.

**«Палисадник. Фонарь над забором...»** (с. 437). Имеется в виду дом бабушек в Курске.

**«Где слог найду, чтобы воспеть девчонок...»** (с. 437) Шутливая вариация на стих. Михаила Кузмина «Где слог найду, что описать прогулку...» из цикла «Любовь этого лета» (1906).

**«Старик прикорнул на пороге...»** (с. 438). Полная дата – по Авторскому списку дат, в котором стих. называется «Июль»; под этим названием опублик. в сб. «Приметы» (М.: Молодая гвардия, 1970). С. 275.

#### С т и х о т в о р е н и я   р а з н ы х   л е т

Стихотворения этого раздела воспроизводятся по текстам, предоставленным сестрой Г. Фролова Н. В. Иващенко и по иным источникам из архива поэта: из авторских файлов «Ne Voshedshie v Knigu» и «Ne echatavshiesya» Часть из них публиковалась в периодике.

Стихотворения из авторского списка «Не печатавшихся» отмечены \* в Содержании.

**Король и принцесса** («Король принцессу полюбил...») (с. 439). Это очень давнее, незаконченное стих. Написано автором красными чернилами на пожелтевшей от

времени бумаге. Вероятно, задумывался цикл стихотворений (поэтому рядом с названием стоит цифра 1), но он не был написан.

**Груши** («Отбросив все чаянья...») (с. 440). Печ. по газетной публикации (выходные данные не установлены). *Старо-Московская* – улица в г. Орле (продолжение 1-й Курской улицы, где когда-то жил автор).

**«Мы поэты – до многого голодны...»** (с. 441). Печ. по первой публикации: Орловский комсомолец. 1965. 28 марта.

**«В этом что-то от древнего мира...»** (с. 443). Эпиграф из стих. О. Э. Мандельштама «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» (1915). Автор ставит имя Инна в ряд с именами царевны Софьи и Елены Прекрасной, ради которых шли на смерть полки. В Списке дат стих. называлось «Инне».

**«Шарманка играет “Разлуку”...»** (с. 445). Судя по дате, стих. написано после посещения г. Орла, незадолго до женитьбы (1 июня 1967 г.). *Шарманка играет «Разлуку»...* – «Разлука» («Разлука, ты разлука, / Чужая сторона...») была излюбленной песней шарманщиков, так как «била на жалость».

**Осенняя элегия** («Осенней скукою навеяны...») (с. 446). Печ. по газетной публикации 8 марта 1971. В Списке дат называлось «Осенней скукою навеяны...» и датировано 1967 годом.

**«День не сторел. Он тянулся, как жвачка воловья...»** (с. 446). Эпиграф из стих. О. Э. Мандельштама «О, небо, небо, ты мне будешь снится!..» (1911).

**«Хорошо приехать рано...»** (с. 448). В рукописи стоит двойная дата: 1967 или 68, почерком автора.

**«Движенья неясный намек...»** (с. 448). Предположительно, стих. называется «В автобусе» (Список дат).

**На море** («Вчерашние мысли случайно...») (с. 449). В машинописи в 15-й строке «приказала» зачеркнуто, и авторской рукой вписано «увлекает». Посвящено поэту Дм. Порушкевичу (см. коммент. на с. 532 к стих. на с. 357).



«Спустилась ночь – и снова...» (с. 450). Печ. по авторскому списку «Не вошедших». Это вариант стих., которое в рукописи называлось «Я лучше этой речи...». В прежнем варианте есть небольшие разночтения и особенно отличается первая строфа:

Я лучше этой речи  
Тебе б сказать не смог.  
Нас, как всегда под вечер,  
Валит усталость с ног.

«И любви, и печали...» (с. 452). Печ. по авторскому списку «Не Печатавшихся». Эти стихи автор дал мне, после того как мы встретились с подругами молодости в кафе на Маросейке. Это было весной 2005 года. Я подарила экземпляр одной из подруг. В нем были небольшие разночтения, заменено «я» на «мы» в первой строфе:

Но любви и печали  
Отошедших, прежних дней  
Мы порой еще встречаем  
В жизни длящейся своей.

«За окном бушует вьюга...» (с. 453). В Списке дат называлось «Пушкин». Это стих. о том, как 11 января 1825 года Пушкина, находившегося в ссылке в Михайловском, навестил его лицейский друг Иван Иванович Пущин. См. об этом: *Пущин И. И.* Записки о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит-ра, 1985. Т. 1. С. 99–104.

Лето («Это право твоё на цветы...») (с. 454). Строки *Там, где детство мое и чужое / Оставляло следы на песке...* говорят о том, что стих. написано в г. Орле. Поэт много времени проводил летом на Оке: брал напрокат лодку и уезжал на ней на несколько часов, один или с друзьями. Датируется <1971>, по аналогии со стих. «Крутой тропинкой спустишься к реке...».

«Дом уснул. Проулок пуст...» (с. 455). В списке «Не печатавшихся» с датой 1971. Это, видимо, то стих., что в Списке дат называется «Вьюга».

Воспоминание («Над острой оградой чугунной...») (с. 457). Печ. по авторскому списку «Не вошедших». В публикации 1991 года в журн. «Мы» (№ 2) – без названия, но вся подборка называется по строке из этого стих.

«Бывает вдруг нахлынет...» (с. 458). Это стих. было обнаружено в тетради с набросками, где к строке 23 вместо «И вдруг остановиться...» приписан сбоку вариант «И вдруг на миг застынешь...». Хотя под стих. стоит «Приблизительно 1973», в Списке дат оно значится под 1976 г.

Последние каникулы («Нам школьный звонок отзвенело окончание лета...») (с. 459). Стих. относится ко времени работы автора в Репертуарно-редакционной коллегии Управления театров при Министерстве Культуры СССР (окт. 1974 – сент. 1977). Эта и следующая песни изданы: *Каугвер Р.* Теплая земля. / Пьеса в двух действиях. Пер. с эст. и тексты песен Г. Фролова. М.: ВААП-Информ., 1979. В пьесе шесть песен, но из них публикуются две, как наиболее интересные – эта и следующая.

«Ах, сколько в Америке было бизонов...» (с. 461). Текст песни сохранился в папке с набросками.

«Сад себя перерос, за ограду...» (с. 462). Печ. впервые, по авторскому списку «Не печатавшихся». В более коротком (раннем?) варианте:

6–8 Что ж задумалась, как на пороге  
Перед некою жизнью иной,  
Что ж назад оглянулась в тревоге?

Там же стоит дата 31.07. Предположительно – 1981 г., так как по стилистике стих. напоминает поэму «Месяцеслов» (1981) и потому что в 1982 г. жизнь автора резко поменялась.

«До будильника проснусь...» (с. 462). В списке дат и в варианте, присланном мне сестрой автора, – «До звонка еще проснусь...» и далее есть еще небольшие разночтения.

«Печаль под вечер смолкла...» (с. 465). Это стих. записано моей рукой со слов автора и лежало в одной из книг его стихов.

«**Ни тебе ни покрывки, ни дна...**» (с. 466). Печ. впервые, по авторскому списку «Не печатавшихся». В одной из черновых тетрадей дата 2 августа 1995 (а не 2 февраля 1995), но текст стих. зачеркнут.

«**Жизнь могла бы сложиться не так...**» (с. 467). Началось это стих. еще в 1996 г., тогда, 19 июля, были написаны (и зачеркнуты) первые четыре строки. В поздних набросках иной вариант:

1–12 Жизнь могла бы сложиться не так,  
Как сложилась; могла быть и хуже.  
Что ж глядишь ты, печалюсь, чужак  
На свое отражение в луже.  
  
Что ж застыл ты, не чувствуя дрожь,  
Ты и эту канаву минуешь.  
Ну и что же, что ты не живешь,  
Ты куда еще существуешь.  
  
Или впрямь себя не узнаешь?  
Ты еще существуешь пока,  
А мгновения или века  
Лишь условность пустая – не боле.

В третьей строке рукописи вариант: «...ты, сощурысь, чужак...». Третья строфа вписана позднее.

Работал над этим стих. поэт почти до своего ухода из жизни (сохранилось 13 набросков). Это стих., особенно его начало, любил цитировать отец поэта вплоть до своей смерти 11 января 2009 г.

«**День весенний пасмурен и зябок...**» (с. 467). Это стих. я записала со слов автора примерно 26–28 апреля 2021 года. Когда я воскликнула: «Какое хорошее стихотворение!», поэт сказал: «Ну, это очень давнее... Оно было написано еще в Орле...». Позже, в электронных файлах я обнаружила этот ранний вариант:

День весенний пасмурен и зябок,  
Нынче солнце с небом не в ладу.  
Не дожидаться мне зеленых яблок  
На понурых саженцах в саду.

Ну, да что мне в жизни неприкаянной  
Этих крыш волнистая гряда.  
Пролетела птица, в небо канула,  
Не вернется никогда.

Видно, и моя пора подходит.  
Видно, и моя уже пришла.

Вместо двух последних строк, в апреле 2021 было дописано еще две строфы.

Сразу после ухода поэта из жизни стих. было опубликовано на нескольких сайтах в Интернете друзьями поэта, а в 2022 г. напечатано в № 2 молодежного журнала «Странник» (Саранск) в составе моих воспоминаний об авторе (*Инна Фролова. Живое чувство...*).

#### Н а б р о с к и

Публикация «Набросков» основана на сохранившихся в архиве поэта тетрадях и других рукописях, а также на текстах электронных файлов. Сложность датировки не позволяет представить их строго хронологически, тем не менее составитель попытался установить их порядок в некой, пусть условной, временной последовательности, учитывая авторские датировки и расположение текстов в источниках.

Черные рукописные тетради существовали задолго до появления у поэта компьютера в 1995 году. Но на сегодняшний день осталась одна черная тетрадь и несколько листков из других тетрадей, вложенных в нее. После Молитвы ко Господу Иисусу Христу о даровании помощи на свершение дела, написанной на первой странице, видно, что вырвано много страниц и оставлены только стихи 2001 года и примыкающие к ним поздние наброски.

На вырванных страницах записаны бисерным почерком наброски разных лет. Эти страницы автор поместил вразнобой в Красную папку. Видимо, он предполагал работать над этими набросками и хотел, чтобы они были собраны в одном месте.

В оставшейся, не вырванной, части тетради идут стихи из цикла 2001 года, все 18 стихотворений со следами работы над ними и с полными датами. А после них идет последний раздел из 7 страниц поздних набросков, написанных более крупным и небрежным почерком. Над двумя из них стоит дата 12 июля 2019 года.

Кроме «черной» тетради сохранилась «бордовая». В ней также вырвано много страниц: из 96 страниц осталось 40. После Молитвы идут стихи 1991–1996 гг., большей частью с полными датами, входившие в книги поэта и печатавшиеся в периодике. Набросков в этой тетради немного: 10 набросков, большей частью повторяющихся в других источниках.

«Трепещущий путь светляка над кустами глухой ежевики...» (с. 469). Автор не раз читал мне это четверостишие, меняя отдельные слова, как это было ему свойственно. В ранних вариантах всего полторы строки и есть помета сбоку (*груз.*). Вероятно, он слышал грузинскую народную песню «Светлячок», которую поют на два-три голоса. И еще мне помнится, что во 2-й строке было: «О жизнь моя, пробуй, как ягоды *горьки* на вкус!». А последняя строка в его чтении звучала так: «И запах *миמוзы* пронзительнее, чем укус». Но мимоза в июне-июле уже не цветет, поэтому появились «цветущие растения».

В последний год поэт вспоминал весь этот турпоход: от Сухуми (?) через перевал, с трехдневным отдыхом в Майкопе и потом – то ли пешком, то ли автобусом – до Новороссийска, и оттуда отлет в Москву. Вероятно, путевку купил ему отец. Через Майкоп протекает река Белая. Автор говорил, что вода в этой реке холодная и течение очень быстрое, как во всех горных реках. Он спас девушку, которая, не зная этого, полезла в воду и ее стало уносить течение; но он говорил, что прибиться к берегу было невероятно трудно.

«Нас трескающая ждет работа...» (с. 469). Печ. первая строфа стих., восстановленная по памяти.

«И к тополю и к вязу...» (с. 469). В рукописи этот набросок называется «Сентябрь», но это название отсутствует в Списке дат.

«Долгие годы хотелось хоть угол какой-нибудь свой...» (с. 470). В самом конце приписаны два слова: «постояльцем / скитальцем».

«Рвутся последние связи горючие...» (с. 470). Автор обращался к этому наброску и в поздние годы, что говорит о том, что он надеялся его продолжить.

«Хлопья пушистые памяти тающей...» (с. 471). Очевидно, что речь идет о г. Орле.

«Абазур. Под клеенкою стол...» (с. 472). Скорее всего, имеется в виду дом-дача Алексея Дикого. В этом доме три или даже все четыре мезонина. А поскольку автор снимал этот дом перед переездом в Барыбино, набросок датирован 1977 годом.

«Чем похвалишься? Да нечем...» (с. 473). Последняя строка «В годы горестей и бед» добавлена позже: другими чернилами и более крупным почерком.

«Я не знаю, что пригрезится...» (с. 474). Сохранился вариант из двух первых строф. *Чалка* – причальный канат, трос. *Зачалить* – закрепить чалкой судно.

«Если б не было бы вечности...» (с. 475). Сохранился вариант последних строк первой строфы: *Я, исполненный беспечности, / Жизнь бы прожил не печальсь. Лы́тать* – уклоняться от дела. *Дела пытаешь, аль от дела лы́таешь?* = О д'ѣлѣ спрашиваешь, или безъ д'ѣла бродишь? – сказочный вопрос богатырю страннику. (Толковый словарь Даля).

«Злость беспричинная! Так ли?..» (с. 476). Хотя это стих. выглядит законченным, но автор оставил его в «Набросках».

«Не будь вещей важнее поэзии...» (с. 477). Поэт часто повторял эти две строки.

«Атласный выгянет – и ластом...» (с. 477). Эти строки были написаны после посещения зоопарка, где

наше внимание привлечет купающийся в жару тюлень, потому что мы еще долго вспоминали его благодушный жест ластом. Датируется началом 1980-х (для сравнения, стих. «В зоопарке» в НСВ имеет дату 1984).

«Здания мокрые, скучные, серые...» (с. 478). Во второй строфе имеется в виду, видимо, улица в Курске, где рос поэт. Со временем снесли всю улицу и сады, и построили многоквартирные дома.

«Молчу, скрываюсь и таю...» (с. 479). Это, конечно, перифраз строки из стих. Ф. Тютчева «Silentium!» «Молчи, скрывайся и таи...» (см. коммент. на с. 519 к стих. на с. 201).

«Вечер в окне, как сиреневый пепел...» (с. 479). Вариант последней строки: «Всех я *припомню*, кого уже нет».

«Знаю сам, не сетуй...» (с. 481). Хотя это стих. выглядит законченным, но автор оставил его в «Набросках» и не раз обращался к нему. Сохранился вариант с разночтениями: в 9-й строке – «От ночного страха», в 11-й строке «Мокрая рубаха»; без последних четырех строк.

«Повторяю глаголы модальные...» (с. 482). Поэт повторял четыре первые строки с начала 1990-х гг. Сохранился вариант 2-й строфы:

1–4 От Востока кипящего пламени  
Гибнет Запад в чающем дыму.  
Потрясая развернутым знаменем  
уму.

«Бог свет, но он и больше света...» (с. 483). Перифраз цитаты из И. Дамаскина. В тетради поэта сохранилась выписка из книги Иоанна Дамаскина «Точное изложение православной веры» (М: Изд-во Сретенского монастыря, 2014), «Книга I, глава 12, стр. 113»: «Есть же и некоторое такое, что говорится о Боге утвердительно, но имеет силу превосходного отрицания, как, например (когда Бога называем) тьмою, не потому что Бог – тьма, но потому, что Он не есть свет, а выше света». Сохранился вариант:

1–4 Бог не свет,  
Он больше света,  
Бог не тьма,  
Он больше тьмы.

Бьющий свет 2 («Время течет то ли встречу, обтекающая...») (с. 484). Эта попытка продолжения прерванной поэмы (см. НСВ с. 116) не пошла дальше написанных 27 строк и не была включена автором в ее опубликованный текст.

«Здесь тишины и в ночи не услышать...» (с. 485). Сохранились варианты некоторых строк – 2-й: «беззаботные вести», «монотонные вести»; 6-й: «Или ворчанье кота у печи», «ворчание углей»; есть варианты 9-й и 10-й строк, но они зачеркнуты автором.

«Цветы магнолии в аллее...» (с. 486). Все стих. зачеркнуто, но мы его воспроизводим, так как автор читал его, особенно первую строфу, не один раз. Это единственный случай отступления от правила не публиковать зачеркнутые стихи и строки. Дата вверху страницы 20 июля 1996, но стих. могло быть написано и раньше.

«Жизнь прошла, а до нас не дошла...» (с. 487). Эти слова не раз говорил Ю. Кузнецов.

«Приснилось мне, что умер я...» (с. 488). В ранних вариантах только первая строфа и начало второй: «Они спросили...».

«Не надо о грустном, не надо...» (с. 489). Сохранился вариант из пяти неполных строк «Сегодня о грустном не надо...». В нем в 3-й строке: «О смерти *бессмертного* сада»; а в 5-й – всего два слова: «О гибели...».

«Я бы запил, да пить не могу...» (с. 489). Есть усеченный вариант, состоящий из шести строк: идет первая строфа, а дальше строка зачеркнута и после нее: «Никогда я себя не любил».

«Как представлю себе расстояния...» (с. 489). Расстояния в последние годы жизни действительно превратились в проблему: автор уже почти никуда не ходил и не

ездил. Казалось, это проблема психологическая, но за ней существовали и проблемы телесные.

«Для того ль я брел, сбивая ноги...» (с. 490). Сохранился другой вариант:

Для того ль я шел, сбивая ноги,  
Чтоб в конце извилистом пути,  
На чужом присевши на пороге  
Скудные итоги подвести.

.....  
.....

Нет, уж лучше ничего не буду  
Я считать законченным, пока  
Не снесет (прорвет) последнюю запруду  
Дней моих взбурлившая река.

«На желтой бумаге (а белую берегу!)...» (с. 491).  
В других источниках всего три строки:

На желтой бумаге (а белую берегу!)  
Шариковой ручкой (перо золотое жалею!)  
В странной отваге (сдержать ее не могу!)

«Никогда ничего не любил...» (с. 491). Во 2-й строке  
два варианта: «забора / дороги».

В других источниках разночтения:

1–5 Никогда *никого* не любил,  
Так, как эту траву у дороги,  
Ту крапиву, что жалила ноги  
Жесткой (?) пеной колючих светил  
А потом и ее позабыл

2–3 Кроме жесткой травы у дороги,  
Той крапивы, что жалила ноги...

Когда автор прочел мне две первые строки, я сказала:  
«Да, я знаю...», но он ответил: «Но как раз наоборот...».

«Не майся душа моя, полукалека...» (с. 493). Автор  
возвращался к этому наброску много раз. Сохранились  
варианты с несущественными разночтениями. Согласно  
Ветхому Завету (Бытие 1: 11–31), Бог создал траву и

деревья в третий день Творения; светила – в четвертый;  
животных и человека – в шестой день.

«От одиночества, от гула...» (с. 493). Автор возвра-  
щался к этому наброску до конца жизни. Сохранились  
некоторые разночтения:

8 Уже почти до содроганий  
13 Но в хриплой трубке телефона  
14 Сквозь треск, шуршание и гуд

«Мне сегодня снился странный сон!..» (с. 496). Как  
я помню, автор написал этот набросок в 2020 году, читал  
по телефону многим, спрашивал, помнят ли они, что  
это – эпизод из «Разгрома» А. Фадеева. Речь идет о главе  
«Страда», в которой рассказано, как партизанский коман-  
дир Левинсон вместе с врачом Сташинским дают тяжело  
раненому Фролову, перед неизбежным отступлением,  
вместо брома яд, что понимает и сам умирающий Фролов.  
Сохранился вариант: «...кальсон / Мне опять приснился  
этот сон / ...из хрома / Отравил Фролова Левинстон / Яд  
ему подсунув вместо брома...» Ниже вписано: «В образе  
Левинсона Фадеев подчеркивает высоту коммунистиче-  
ского сознания. Из аннотации».

«Ладно, может, еще я и как-нибудь выживу...»; «Ну,  
а если все получится...» (с. 497). Эти два наброска датиру-  
ются месяцем тяжелой болезни.

«Я тебя почти не вспоминал...» (с. 497). Датируется  
2020 г., потому что в июле–августе я была в монастыре в  
Калужской области. Обычно я проводила там два месяца,  
но в том году почувствовала его одиночество и вернулась  
через месяц.

А л ф а в и т н ы й у к а з а т е л ь  
с т и х о т в о р е н и й

«А вечер был такой, что больше не приснится...» . . . . .	476
«А все-таки жизнь хороша...» (В зоопарке) . . . . .	216
«А все-таки я хотел бы...» . . . . .	241
«А он стреляет из ружья...» (Сон I) . . . . .	8
«А поезд качает на рельсах...» (Из окна) . . . . .	373
«А что поделать, если всё...» . . . . .	496
«Абазур. Под клеенкою стол...» . . . . .	472
Август . . . . .	19
Ад . . . . .	34
«Атласный выглянет – и ластом...» . . . . .	477
«Ах, как мне жаль всех живших и живущих...» (Романс). . . . .	245
«Ах, сколько в Америке было бизонов...» . . . . .	461
«Ацетоном пахнут ананасы...» . . . . .	405
<b>Бабушкам</b> . . . . .	430
Баллада . . . . .	431
Без тебя . . . . .	381
«Благословенный Богом край...» . . . . .	477
«Бледные сумерки марта...» . . . . .	128
Б л у д н ы й с ы н (3 стихотворения). . . . .	63
«Бог свет, но он и больше света...» . . . . .	483
«Большое солнце мутнее крови...» (Кошка) . . . . .	90
«Бросил пить для уюта в дому...» . . . . .	493
«Будут слова славить...» . . . . .	416

«Бутылка с прокушенной соской...» (Стирка) . . . . .	96
«Бывает вдруг нахлынет...» . . . . .	458
«Был – пламя и ветер...» . . . . .	131
«Была гадать тебе охота!..» . . . . .	249
«Были порывы...» . . . . .	179
«Было время, что не было времени...» . . . . .	275
«Бьют часы на Спасской башне...» . . . . .	488
Бьющий свет . . . . .	116
Бьющий свет 2 . . . . .	484
<b>«В горячем саду остаются слова без ответа...»</b> . . . . .	130
В деревне . . . . .	13
«В дивном море бытия...» (Восточный мотив) . . . . .	219
«В доме свечи мерцают на ели...» (М е с я ц е с л о в . I) . . . . .	187
«В зеленоватый полумрак...» . . . . .	412
В зоопарке . . . . .	216
«В колею струящийся песок...» . . . . .	99
«В купель огневую!..» . . . . .	149
«В окне ресторан “Ореанда”...» (Прощание с Ялтой) . . . . .	302
В осеннем лесу . . . . .	15
«В пору ту лениво-золотую...» . . . . .	181
«В просторе голубом...» . . . . .	93
В пути . . . . .	379
«В путь-дорогу собираясь...» . . . . .	475
В роще . . . . .	26
«В ряби озера отблеск железа...» . . . . .	472
В Сестрорецке . . . . .	394
«В случайные следы...» . . . . .	115
В с т е п и (2 стихотворения) . . . . .	101
«В феврале зацветает миндаль...» (Миндаль) . . . . .	78
В Хосте . . . . .	51
В храме . . . . .	146
«В чем смысл пути? В неведомом, неясном...» (Б л у д н ы й с ы н . 2. Звезда любви) . . . . .	63
«В этом что-то от древнего мира...» . . . . .	443

Вавилонская башня. . . . .	251
«Вдоль опушки ель, осина...» . . . . .	138
«Ветер дальнего юга...» . . . . .	176
«Вечер в окне, как сиреневый пепел...» . . . . .	479
«Вечер осенний светел...» (Осеннее) . . . . .	413
«Вечером осенним...» (В Сестрорецке) . . . . .	394
«Взгляд спокойней, уверенней голос...» (М е с я ц е с л о в. VIII). . . . .	194
«Вижу прошлое: из окон...» . . . . .	226
«Вишня на склоне июньского дня...» . . . . .	321
«Внезапно без дождя густой ударил град...» (Град) . . . . .	52
«Вновь снега́ отряхает природа...» (М е с я ц е с л о в. IV). . . . .	190
Возвращение (Б л у д н ы й с ы н. 3). . . . .	64
«Воздух темных аллей, как гранатовый сок...» . . . . .	109
Воздушные шары . . . . .	20
«Возле дома снег, а на дороге...» . . . . .	250
Вольтер . . . . .	142
Ворон . . . . .	396
Воспоминание . . . . .	457
Восточный мотив . . . . .	219
«Вот и опять заворочалось...» . . . . .	222
«Вот и последние – два! – облетели...» . . . . .	351
«Вот тут-то и вспомнишь, что больше не молод...» . . . . .	401
«Время не может, увы, ничему научить...» . . . . .	341
«Время песен одноразовых...» . . . . .	496
«Время сплошных неудач...» . . . . .	324
«Время течет то ли встречь, обтекая...» (Бьющий свет 2) . . . . .	484
«Все вернется на круги своя...» . . . . .	488
«Все вернулось и не исчезает...» . . . . .	456
«Все куда-то ушло, подевалось...» . . . . .	479
«Все покинуло, даже Муза...» . . . . .	348
«Все суета. Мне остался в награду...» (Дед) . . . . .	417
«Все, что можно, и все, что нельзя...» . . . . .	338
«Все, что ночью душною бормочется...» . . . . .	177
«Все, что так трудно исправлялось...» . . . . .	98
«Вспомнил вечером я тебя...» . . . . .	342
«Встретились, сидели, говорили...» . . . . .	303
«Вчерашние мысли случайно...» (На море) . . . . .	449

«Высокие травы, густая малина, цветущая слива...» . . . . .	178
«Высокий дом самоубийц...» . . . . .	83
«Вьется старая дорога...» (Август) . . . . .	19
«Вьюжной ночью закутавши плечи...» (М е с я ц е с л о в. II) . . . . .	188
«Вьются пчелы, висит рукомойник...» (Июль-сенозорник) . . . . .	134
Гадание. . . . .	42
«Где в жизнь прорастает искусства...» . . . . .	108
«Где ветер осоку колышет...» (Над рекой) . . . . .	28
«Где недавно художники пылко...» (После сороковин) . . . . .	24
«Где слог найду, чтобы воспеть девчонок...» . . . . .	437
Герцена . . . . .	404
«Горький запах твоих волос...» . . . . .	432
Град . . . . .	52
Грибник . . . . .	49
Груши . . . . .	440
«Да нет, я не брошу укора...» (Урия) . . . . .	225
«Давно померкла синева...» . . . . .	215
«Давным-давно исчезла ты...» . . . . .	347
«Дай вдохнуть...» . . . . .	270
«Дай мне гнева и любви...» . . . . .	97
«Дай силы мне, Господь...» (Молитва) . . . . .	274
Два голоса . . . . .	282
«Движенья неясный намек...» . . . . .	448
Дед . . . . .	417
«Декабрь, а как апрель!..» . . . . .	310
«День весенний пасмурен и зябок...» . . . . .	467
«День да ночь...» . . . . .	84
«День не сгорел. Он тянулся, как жвачка воловья...» . . . . .	446
«День ушел, а я остался...» . . . . .	481
«Дерюжный коврик у порога...» (Бабушкам) . . . . .	430
«Для того ль я брел, сбивая ноги...» . . . . .	490
«Дни проходили, шаг чеканя...» . . . . .	57
«До будильника проснись...» . . . . .	462

«До сих пор я помню! — снова...» . . . . .	390
«Добирался поздно ввечеру...» . . . . .	11
«Дожди идут не день...» . . . . .	14
Дождь . . . . .	405
«Дождь прошел. Листва черна...» (Мирт) . . . . .	103
«Дождь шумел в траве высокой сада...» (Разлука) . . . . .	436
«Доживаю, но жизнь не кляню...» . . . . .	358
«Долгие годы хотелось хоть уголок какой-нибудь свой...» . . . . .	470
Дом . . . . .	30
«Дом далек. Отдохни у дороги...» (Б л у д н ы й с ы н. 3. Возвращение). . . . .	64
«Дом на снос — и мы ломаем...» . . . . .	399
«Дом уснул. Проулок пуст...» . . . . .	455
«Думал, бросил писать, но опять...» . . . . .	492
«Думалось — будет легко...» . . . . .	480
«Душа обернулась звездой...» . . . . .	273
Дышит поле покоем... . . . . .	58
«Дышит поле покоем...» (Дышит поле покоем...) . . . . .	58
«Если б не было бы вечности...» . . . . .	475
«Есть у племени куми легенда одна...» (Сотворение собаки) . . . . .	392
«Еще легко течет река...» (М е с я ц е с л о в. X) . . . . .	196
«Еще не чувствуя беду...» . . . . .	43
Еще раз . . . . .	214
«Еще сады листвою не одеты...» . . . . .	386
<b>Ж</b> гут листву . . . . .	37
«Жгут листву — и дым клубами...» (Жгут листву) . . . . .	37
«Желанье чистоты...» (Ремонт) . . . . .	400
«Живу не печалюсь...» . . . . .	240
«Жизнь без смерти была бы пуста...» (На погосте. 4) . . . . .	260
«Жизнь бессмысленна, но не пуста...» (На погосте. 2) . . . . .	257
«Жизнь меня на ходу подменила...» . . . . .	353
«Жизнь могла бы сложиться не так...» . . . . .	467

«Жизнь не сжата, но юность рассказана...» . . . . .	475
«Жизнь не тем ли прекрасна...» . . . . .	463
«Жизнь прошла, а до нас не дошла...» . . . . .	487
«Жизнь сурова, но о том не плачу...» . . . . .	77
«Жизнь утекает водой из горсти...» . . . . .	349
«Жизнь, наверное, слишком проста...» (На погосте. 3) . . . . .	259
«Жизнью былою судьбы настоящей...» . . . . .	148
«За мартовским лесом дорога...» (В пути) . . . . .	379
«За окном бушует вьюга...» . . . . .	453
«За окном мороз, а в комнате...» (Инне) . . . . .	433
«За часы былых свиданий...» . . . . .	236
«Заката павлиньи цветет перо...» . . . . .	86
«Засыпаю, крепко сплю, и снится...» . . . . .	328
«Зацветает шиповник — ну, что же!..» (М е с я ц е с л о в. VI) . . . . .	192
Звезда любви (Б л у д н ы й с ы н. 2) . . . . .	63
«Звонко пелось, беспечно дышалось...» . . . . .	332
«Здания мокрые, скучные, серые...» . . . . .	478
«Здесь небо синее, чем море...» (Сестре) . . . . .	10
«Здесь тишины и в ночи не услышать...» . . . . .	485
«Здравствуй, май! Веселый месяц года!..» (М е с я ц е с л о в. V) . . . . .	191
«Зима ручьями унесла...» . . . . .	180
Зимний город . . . . .	45
«Зимний город. Дым густой мороза...» (Зимний город) . . . . .	45
«Злость беспричинная! Так ли?..» . . . . .	476
«Знаю сам, не сетуй...» . . . . .	481
«Зябкий север, юг горячий...» . . . . .	483
«И в эту ночь почти не спавши...» . . . . .	334
«И горделивое, и резкое...» . . . . .	129
«И деревья, что были людьми...» (В осеннем лесу) . . . . .	15
«И к тополю, и к вязу...» . . . . .	469
«И любви, и печали...» . . . . .	452



«И опять просыпаясь радостно...» . . . . .	410
«И разные стояли люди...» (Накануне парада) . . . . .	315
«И саксы плакались утробно...» (Март) . . . . .	402
«Игру ума поставив выше...» (Вольтер) . . . . .	142
Из бездны . . . . .	150
«Из долгих странствий возвратясь...» . . . . .	73
Из окна . . . . .	373
«Из орешника дед вырезал мне свисток...» (Свисток) . . . . .	402
«Из праха вышли и были прах!..» . . . . .	71
«– Из себя бы выбежать...» (Два голоса) . . . . .	282
Из старой путевой книжки . . . . .	102
Инне . . . . .	433
«Июль окислялся, как медный кувшин...» . . . . .	39
Июль-сенозорник . . . . .	134
<b>К</b> вечеру море утихло и волны уже не выносит...» . . . . .	162
«Каждый живет, как и все живут...» . . . . .	408
«Как будто волны по заливу...» (На обрыве) . . . . .	375
«Как все-таки странно, как странно...» . . . . .	486
«Как можно требовать от других...» . . . . .	279
«Как представлю себе расстояния...» . . . . .	489
«Как ты любишь рассуждать...» . . . . .	218
«Как черная роза, как бархат черный...» (Розы) . . . . .	421
«Какие новости услышаны...» . . . . .	391
«Какое сырое утро!..» (Невольные мысли. 3) . . . . .	290
«Какое сырое утро!..» (Невольные мысли. 5) . . . . .	291
Кармен . . . . .	423
Князь Всеслав . . . . .	169
«Когда ветра подуют с севера...» . . . . .	492
«Когда залетит соловей...» (Соловей) . . . . .	44
«Когда не строка к строке...» . . . . .	472
«Когда неудачи вокруг...» (Старинные романы. 1) . . . . .	397
«Когда порой осеннею...» . . . . .	70
«Кольнется сердца заброшенный пруд...» . . . . .	330
Кольцо . . . . .	415

«Кому-то нравится одно...» . . . . .	364
Кони . . . . .	376
Король и принцесса . . . . .	439
«Король принцессу полюбил...» (Король и принцесса) . . . . .	439
«Король с королевой сидели...» . . . . .	422
Кошка . . . . .	90
«Крутой тропинкой спустишься к реке...» . . . . .	456
Крым . . . . .	313
«Кто с тобою сравнится удачей...» . . . . .	426
«Кто там? Кому ответил...» . . . . .	36
«Куда мы торопимся? Кто нас...» . . . . .	204
«Куда-то едешь за пятак...» (Март) . . . . .	403
«Купола ободраны на крыши...» (В храме) . . . . .	146
«Куст герани на окне...» . . . . .	254
<b>Л</b> адан, золото и мирра...» (Из бездны) . . . . .	150
«Ладно, может, еще я и как-нибудь выживу...» . . . . .	497
Ласточки . . . . .	168
«Лень говорить, и читать неохота...» . . . . .	147
Лето . . . . .	454
«Лист бумаги увижу, и тянет к перу...» . . . . .	286
«Лист кувыркком пронесется по площади...» . . . . .	200
«Луна замерзает, как белая мышь...» . . . . .	360
«Любимая. В нашей любви...» . . . . .	422
«Люблю ли? Не знаю, не знаю...» . . . . .	210
«Люблю тебя, но жизнь давно...» . . . . .	457
<b>М</b> арт («И саксы плакались утробно...») . . . . .	402
Март («Куда-то едешь за пятак...») . . . . .	403
«Медовых зрачков равнодушная ложь...» . . . . .	56
<b>М</b> е с я ц е с л о в (12 стихотворений) . . . . .	187
«Миг между тьмою и светом...» . . . . .	32
Миндаль . . . . .	78
«Мир древних цифр...» . . . . .	414
«Мир подъямлет лицо на рассвет...» . . . . .	350
Мирт . . . . .	103

«Мне бы легче, наверное, было...» . . . . .	478
«Мне бы от злобы уйти...» . . . . .	335
«Мне воды в горсти твоей напиться...» . . . . .	46
«Мне воспеть тебя хотелось...» . . . . .	487
«Мне сегодня снился странный сон...» . . . . .	496
«Мне снятся мертвые друзья...» . . . . .	203
«Много лет я не вижу деревья, что я посадил...» . . . . .	304
«Много мелких сыпучих предметов...» . . . . .	369
«Много тоски и печали...» . . . . .	477
«Мокрая улица. Грязный вокзал...» . . . . .	473
Молитва . . . . .	274
«Молчи, молчи!.. Я не могу молчать!..» . . . . .	201
«Молчу, скрываюсь и таю...» . . . . .	479
«Моя любовь горька, остра...» . . . . .	100
Муза . . . . .	205
«Мы воспевали труд и добродетель...» . . . . .	242
«Мы живем в текуче-жестком мире...» (Сальери). . . . .	143
«Мы исчезнем со временем оба...» . . . . .	72
«Мы поэты – до многого голодны...» . . . . .	441
«Мысль и тут лишь собой занята...» (На погосте. 1) . . . . .	257
<b>На берегу</b> . . . . .	27
«На всем лежит глухая тишина...» (Тишина) . . . . .	164
«На двери колеблется марлевый полог...» (Пчелы) . . . . .	50
«На душе темно и тихо...» . . . . .	74
«На желтой бумаге (а белую берегу)...» . . . . .	491
«На земле белеет паутина...» (Месяцеслов. IX). . . . .	195
На море . . . . .	449
На обрыве . . . . .	375
На погосте (4 стихотворения) . . . . .	257
На распутье . . . . .	25
«На тему вечную предательства...» . . . . .	366
Над книгой. . . . .	18
«Над острой оградой чугунной...» (Воспоминание) . . . . .	457
Над рекой . . . . .	28
Накануне парада . . . . .	315

«Нам школьный звонок отзвенел окончание лета!..» (Последние каникулы) . . . . .	459
«Нас трескучая ждет работа...» . . . . .	469
«Натруженный рокот машины...» . . . . .	435
«Начинаю словно об одном...» . . . . .	325
«Наше веселье и наша печаль...» . . . . .	16
«Не будь вещей важнее поэзии...» . . . . .	477
«Не все начиналось с дороги...» . . . . .	447
«Не все преходяще – и значит...» . . . . .	114
«Не двадцать гусей заплескалось в воде...» (Ольга) . . . . .	170
«Не жду я хорошего слова...» . . . . .	427
«Не заплачу и не затоскую...» . . . . .	283
«Не майся душа моя, полукалека...» . . . . .	493
«Не надо о грустном, не надо...» . . . . .	489
«Не о вечном!.. О вечном успеется...» . . . . .	329
«Не о городах и не о селах...» (О цветах, о бабочках, о пчелах) . . . . .	345
«Не оттого, что глаза заблестели...» . . . . .	319
«Не оттого, что сказать больше нечего...» . . . . .	354
«Не под забором я умру...» . . . . .	370
«Не только то, что там...» . . . . .	234
«Небо белесо – и ветер незрячий...» (Нимфа) . . . . .	54
Н е в о л ь н ы е м ы с л и (6 стихотворений) . . . . .	289
«Невыпитая чаша...» . . . . .	266
«Нет никого, кто мог...» . . . . .	295
«Нет счастья, это так! Но радость есть, я знаю...» . . . . .	186
«Нет, уж лучше ничего не буду...» . . . . .	478
«Неясный возглас. Шелест платья...» . . . . .	47
«Ни на что глаза не закрываю...» . . . . .	368
«Ни тебе ни крышишки, ни дна...» . . . . .	466
«Никогда ничего не любил...» . . . . .	491
«Никого в земной ночи...» . . . . .	491
«Никого не жалко мне, а плачу...» . . . . .	492
«Никто на земле не спасет никого...» . . . . .	221
«Никто не лучше никого...» . . . . .	343
Нимфа . . . . .	54
«Ничего не надо, кроме, может...» . . . . .	309

«Ничего не осталось в душе...» . . . . .	211
«Ничего уже...» . . . . .	485
«Но все, что имеет начало...» (Грибник) . . . . .	49
«Ночи вьюжны в декабре...» (Утро) . . . . .	48
Ночь («Ночь была синяя, ты – голубая...») . . . . .	442
Ночь («Ночь опускалась угрюмою птицей...») . . . . .	40
«Ночь была синяя, ты – голубая...» (Ночь) . . . . .	442
«Ночь опускалась угрюмою птицей...» (Ночь) . . . . .	40
«Ночью одно, ну а утром иное...» . . . . .	487
«Ну что ж, давай напишем...» (Снег) . . . . .	41
«Ну, а если все получится...» . . . . .	497
«...Ну, а нет ее пока...» . . . . .	384
«Ну, что ж, если радостей нету...» . . . . .	232
«О слияние молнии с громом...» . . . . .	243
«О цветах и опять о цветах...» (О цветах) . . . . .	331
О цветах . . . . .	331
О цветах, о бабочках, о пчелах . . . . .	345
«О этот шмелиный гуд...» . . . . .	490
«Обезьяна человеком стала...» . . . . .	476
«Облетели заросли малины...» (Месяцеслов. XI) . . . . .	197
«Обращался лисицею рыжею...» (Князь Всеслав) . . . . .	169
Овидий . . . . .	235
«Огонь лизнул, и сморщились колени...» . . . . .	380
«Ограда. Яблоня за нею...» . . . . .	132
«Один в одинокой стране...» . . . . .	262
Ольга . . . . .	170
«Опускаются сумерки рано...» (Месяцеслов. XII) . . . . .	198
«Опять весна. Хотя вокруг людей...» . . . . .	471
«Опять мне снится по ночам...» (Дом) . . . . .	30
«Опять начиналась заря...» (Сад) . . . . .	12
«Опять от невольных мыслей...» (Невольные мысли. 1) . . . . .	289
Осеннее . . . . .	413
«Осеннее поле воды...» (В деревне) . . . . .	13
«Осенней скукою навеяны...» (Осенняя элегия) . . . . .	446

Осенние костры . . . . .	68
Осенняя элегия . . . . .	446
Осень . . . . .	435
Осина . . . . .	110
«Осыпаются с шишки еловой...» (Месяцеслов. III) . . . . .	189
«От ночного кошмара давящего...» . . . . .	465
«От одиночества, от гула...» . . . . .	493
«От прошлого не отказываясь...» . . . . .	357
«От солнечных ярких пятен...» . . . . .	256
«...от станции» . . . . .	481
«Отбросив все чаянья...» (Груши) . . . . .	440
«– Отчего, сестра, тебя трясет...» (Осина) . . . . .	110
«Палисадник. Фонарь над забором...» . . . . .	437
«Пароход уходит. Дым...» (После грозы) . . . . .	95
«Пахнут горькими травами руки...» . . . . .	411
«Перелесок невзрачный, низина...» . . . . .	202
Песня . . . . .	434
Петру Рейнгардту - Никулину (2 стихотворения) . . . . .	307
«Печаль под вечер смолкла...» . . . . .	465
«Пить холодное вино по утрам...» (Пьяные стихи) . . . . .	284
«Плеск волны, на песок набегающей...» . . . . .	136
«По вехам со смехом...» . . . . .	406
«По утрам туман полями тянется...» (Ласточки) . . . . .	168
«Повторяю глаголы модальные...» . . . . .	482
«Погоди, не надо, милая...» . . . . .	474
«Подкрашен небосклон...» . . . . .	82
«Поезд промчится в рыданьях и в грохоте...» . . . . .	208
«Позабытою песней встревожит мой слух...» . . . . .	280
«Пойми меня и не жалея...» (Рондель) . . . . .	420
«Покатились апельсины по полу...» (Кармен) . . . . .	423
«Пока ты рубил кормило...» (Строитель корабля) . . . . .	206
«Понапрасну, без смысла и цели...» . . . . .	288
«Порой забудется...» . . . . .	66
После грозы . . . . .	95
После сороковин . . . . .	24

Последние каникулы . . . . .	459
«Постылая слава пирата...» . . . . .	424
«Потерять можно то, что нашел...» . . . . .	346
«Право хорошо, а счастье лучше...» . . . . .	388
«Право, и слезы уже не прольются...» . . . . .	212
«Прекрасный летний день...» . . . . .	389
«Приближался декабрь к середине...» . . . . .	495
«Придет пора — и ты, как многие...» . . . . .	383
«Приснилось мне, что умер я...» . . . . .	488
Провода . . . . .	418
«Проезд в снегу глубоком...» . . . . .	80
«Проклинают меня провода...» (Провода) . . . . .	418
«Проливные помидоры августа...» . . . . .	430
«Пронеслись, столкнулись грудью...» (В степи. 2) . . . . .	101
«Пронзительный холод. Осенняя мгла. Листопад...» . . . . .	55
«Проскакали кони...» (В степи. 1) . . . . .	101
Простуда . . . . .	464
«Прощай мои надежды...» . . . . .	106
«Прощай! Не маши торопливо рукою!..» . . . . .	233
Прощание с Ялтой . . . . .	302
«Прощанья горек вкус. Кусаю ветвь сирени...» (Рондо) . . . . .	421
«Птица дневная услышит ночную...» . . . . .	76
Птица странствий (Блудный сын. 1) . . . . .	63
«Птица странствий поет в груди...» (Блудный сын. 1. Птица странствий) . . . . .	63
«Птичий свист не тревожит пространство...» . . . . .	301
«Пускаю бумажную птицу...» . . . . .	378
«Путь не дальний, да грязь глубока...» . . . . .	105
«Пух тополевой пороши...» . . . . .	246
Пчелы. . . . .	50
Пьяные стихи . . . . .	284
«Пятипалые листья каштана...» . . . . .	479
«Разве я унижу...» . . . . .	268
Разлука . . . . .	436
«Растаял снег. В саду ручей струится...» . . . . .	174
«Рвутся последние связи горячие...» . . . . .	470

«Резкие звуки хлестнули по нервам...» . . . . .	407
«Рельсы прижмутся к шпалам...» . . . . .	365
Ремонт . . . . .	400
«Репов нельзя, ну а яблоков можно...» . . . . .	481
«Роза цветет у дороги...» . . . . .	165
Розы . . . . .	421
Романс . . . . .	245
Рондель («Пойми меня и не жалея...») . . . . .	420
Рондель («Ты сидела одна у огня...») . . . . .	420
Рондо . . . . .	421
«С ветвей осыпается иней...» . . . . .	17
«С гор стекает туман голубой...» . . . . .	104
«С тобой ли говорить о том, что не вернется?..» (На берегу) . . . . .	27
«С той поры прошло немало дней...» . . . . .	220
«С умытых лип струящаяся свежесть...» . . . . .	185
«С чего начать? Начну с конца...» . . . . .	323
«Сад себя перерос, за ограду...» . . . . .	462
Сад . . . . .	12
Сальери . . . . .	143
«Сбрось и тоску и усталость!..» . . . . .	144
«Сверкает сад туманною...» (Над книгой) . . . . .	18
Свисток . . . . .	402
«Се вид жизни скоротечной...» . . . . .	5
«Себя преодолеть, в себе найти опору...» . . . . .	184
«Сегодня лето кончится...» . . . . .	7
«Сел мой голос летучий. От водки, ты шепчешь? От ветра!..» . . . . .	239
Сестре. . . . .	10
«Сизые крылья, черная грудь...» (Сорока) . . . . .	139
«Синее небо бездонное...» . . . . .	387
«Синее небо, лиловое море...» (Крым) . . . . .	313
«Слева сосны, а справа кладбище...» . . . . .	297
Слово . . . . .	145
«Слово — серебро. Молчанье...» . . . . .	272
«Слышу и слышу я — тикают часики...» . . . . .	237

«Слышу я, что охвачены мы распадом...» . . . . .	299
«Смерть и вечность... Жизнь и доблесть!..» (Гадание) . . . . .	42
«Снег в саду синей, чем молоко...» . . . . .	337
Снег . . . . .	41
«Снова в сердце ребячливом радость...» . . . . .	238
«Снова выбегу из зала...» (Дождь). . . . .	405
«Снова лязганье стали во мгле...» . . . . .	306
«Снятся кони... В жизни, право...» (Кони). . . . .	376
«Собирать бутылки у ларьков...» . . . . .	482
«Совсем обмелело за лето...» . . . . .	495
«Созревает черника – устало...» (М е с я ц е с л о в . VII) . . . . .	193
«Солдатская песня взорвется...» . . . . .	409
«Солнца шар раскаленный...» . . . . .	327
«Солнце пылающим кругом...» (Стансы). . . . .	228
Соловей . . . . .	44
Сон I . . . . .	8
Сон II . . . . .	9
Сорока . . . . .	139
Сотворение собаки . . . . .	392
«Спокойней и проще...» (В роще) . . . . .	26
«Спустилась ночь – и снова...» . . . . .	450
«Средь сумятицы, толочи...» . . . . .	486
«Средь ужасов мирного края...» . . . . .	426
Стансы . . . . .	228
«Старик прикорнул на пороге...» . . . . .	438
«Старик, идущий по дороге...» (Сон II) . . . . .	9
Ст а р и н н ы е р о м а н ы (2 стихотворения) . . . . .	397
Старуха . . . . .	88
«Старуха идет, спотыкаясь...» (Старуха). . . . .	88
«Стекло в окне дрожало...» (Воздушные шары). . . . .	20
Стирка . . . . .	96
Стихи о лунном вечере . . . . .	29
«Страна махнула в эмиграцию...» . . . . .	492
«Странность воспоминаний...» . . . . .	271
«Странные люди встречались на свете порой мне...» (Из старой путевой книжки) . . . . .	102

Страсть . . . . .	53
Строитель корабля . . . . .	206
«Стряхнуть отупение, выйти...» . . . . .	278
«Стужи дыханье, на окнах испарина...» . . . . .	175
«Султаны моркови пронизаны светом...» (Страсть) . . . . .	53
«Сумбурные строфы моих побед...» . . . . .	425
«Счастье грядущее, боль миновавшая...» . . . . .	217
«Так, наверно, лучше...» . . . . .	62
«...тачанки в клубах пыли...» . . . . .	495
«Те века, что когда-то здесь тропы торили...» . . . . .	163
«Теплого ливня порывы...» . . . . .	166
«Теплый дождь прошел по крыше...» (Еще раз). . . . .	214
«Тик-да-так, да-так, да-тик...» . . . . .	60
«Тихий шорох и скрипы – откуда?..» (Простуда). . . . .	464
Тишина . . . . .	164
«То подъем, а то упадок...» (Хлеб) . . . . .	224
«То снег, а то туман...» . . . . .	495
«То страсть сумасбродного лета...» . . . . .	385
«Того, кто лежит на постели...» . . . . .	444
«Только в зеркале вырвет из мрака...» . . . . .	361
«Только небо, в котором проносятся...» . . . . .	451
«Только стыд, которым лето...» . . . . .	244
«Трав искристое сукно...» . . . . .	67
«Трепещущий путь светляка над кустами глухой ежевики...» . . . . .	469
Три сна . . . . .	112
«Тряхни яйцо – повалит снег...» . . . . .	466
«Ты живешь здесь одна. Ты читаешь романы...» (Читая старую книгу...) . . . . .	22
«Ты попросила написать...» (Баллада) . . . . .	431
«Ты прости меня за все...» (Осенние костры) . . . . .	68
«Ты прости, что тебя растревожу я...» (Петру Рейнгардту - Никулину. 1) . . . . .	307
«Ты сидела одна у огня...» (Рондель) . . . . .	420
«Ты спроси, тебе ответчу...» . . . . .	294

«У домов и у оград...» . . . . .	21
«У дороги истертый сапог из сафьяна...» (На распустье) . . . . .	25
У моря . . . . .	404
«У Черного моря – зеленый фасад...» (У моря) . . . . .	404
«Убегают к лесу провода...» . . . . .	276
«Угли стреляют, сгорая...» . . . . .	223
«Удержать ускользнувшую тень...» . . . . .	135
«Уезжаю, приезжаю...» . . . . .	111
«Уже наступили январские дни...» (Январские дни) . . . . .	140
«Уже отбросив все надежды...» (Кольцо) . . . . .	415
«Уйду туда, где Одиссей...» . . . . .	424
«Улыбнись мне печально и строго...» . . . . .	137
«Упала башня Вавилона...» (Вавилонская башня) . . . . .	251
Урия . . . . .	225
«Усильем страдающей мысли...» . . . . .	248
«Усталые ноги еще идут...» . . . . .	363
Утро . . . . .	48
«Утро новое встанет насуплено...» (Петру Рейнгардту - Никулину. 2) . . . . .	307
«Утро. Кофе. Сигарета...» . . . . .	473
<b>Хлеб</b> . . . . .	224
«Хлопья пушистые памяти тающей...» . . . . .	471
«Холодное “Цоликаури”...» (В Хосте) . . . . .	51
«Хорошо приехать рано...» . . . . .	448
«Хочу увидеть разное...» . . . . .	483
Художник . . . . .	207
«Царит тишина в округе...» (Невольные мысли. 6) . . . . .	292
«Цвели магнолии в аллее...» . . . . .	486
«Цветут необъятные липы...» . . . . .	265
«Цветущая ширь долины...» (Художник) . . . . .	207
«Цветы догорали, как свечи...» . . . . .	411
«Час за часом, день за днем...» . . . . .	281
«Часов в одиннадцать хандра меня заела...» (Стихи о лунном вечере) . . . . .	29

«Часто в последнее время не спится, хоть сам не пойму почему...» (Овидий) . . . . .	235
«Чего ж ты томишься, сердце?..» (Невольные мысли. 4) . . . . .	291
«Чем похвалишься? Да нечем!..» . . . . .	473
«Чем с тобою сейчас поделиться?..» . . . . .	287
«Черна ограда, а за нею...» . . . . .	38
«Черный дрозд пробегает в траве...» . . . . .	79
«Черный перрон...» (Бьющий свет) . . . . .	116
Читая старую книгу... . . . . .	22
«Что еще вспомнить и что еще встретить...» . . . . .	230
«Что ж ты, алея от гнева...» (Муза) . . . . .	205
«Что ж ты, ворон, сидишь на суку...» (Ворон) . . . . .	396
«Что же случилось со мной...» . . . . .	355
«Что за птица ко мне прилетала...» . . . . .	133
«Что я не видел и где я не был?..» . . . . .	336
«Шарманка играет “Разлуку”...» . . . . .	445
«Эти книги, что я не прочел...» . . . . .	480
«Этих дней мятущаяся толочь...» . . . . .	213
«Это право твоё на цветы...» (Лето) . . . . .	454
«Это птичье прощание с краем...» (Осень) . . . . .	435
«Это странно, но, лишь повторяя...» (Слово) . . . . .	145
«Это только весенняя слякоть...» . . . . .	35
«Этой песней мне душу потешь-ка...» (Песня) . . . . .	434
«Этот мир в его основе...» . . . . .	183
«Этот мир в переменах суровый и женственный...» . . . . .	141
«Я боюсь – в одной из тихих комнат...» (Ад) . . . . .	34
«Я бы запил, да пить не могу...» . . . . .	489
«Я все просил то гнева, то любви...» . . . . .	296
«Я думал: Творец, зачем же...» (Невольные мысли. 2) . . . . .	289
«Я еще могу бродить по лужам...» (Без тебя) . . . . .	381
«Я запомнил себя на “Герцена”...» (Герцена) . . . . .	404
«Я к разлуке губами приник...» . . . . .	432

«Я любил романы, где злодеи...» (Старинные романы. 2) . . . . .	398
«Я люблю тебя! – еще не веря...» . . . . .	300
«Я находил в лесу глухом...» . . . . .	344
«Я не знаю, что пригрезится...» . . . . .	474
«Я повторяю вновь...» . . . . .	312
Я подумал . . . . .	450
«Я подумал, что больше не будет...» (Я подумал) . . . . .	450
«Я постою еще, я сердце успокою...» . . . . .	231
«Я спал, но даже во сне...» . . . . .	490
«Я сплю, и снится мне, что сплю я в чистом поле...» (Три сна) . . . . .	112
«Я счастливым таким еще не был...» . . . . .	442
«Я тебя почти не вспоминал...» . . . . .	497
«Я уехал и осталось где-то далеко...» . . . . .	428
Январские дни . . . . .	140
Январь . . . . .	374
«Январь, январь!.. Опять январь...» (Январь) . . . . .	374

## С о д е р ж а н и е

### Н Е С В О Е В Р Е М Я

#### С т и х о т в о р е н и я и п о э м ы

«Се вид жизни скоротечной...» . . . . .	5
«Сегодня лето кончится...» . . . . .	7
Сон I . . . . .	8
Сон II . . . . .	9
Сестре . . . . .	10
«Добирался поздно ввечеру...» . . . . .	11
Сад . . . . .	12
В деревне . . . . .	13
«Дожди идут не день...» . . . . .	14
В осеннем лесу . . . . .	15
«Наше веселье и наша печаль...» . . . . .	16
«С ветвей осыпается иней...» . . . . .	17
Над книгой . . . . .	18
Август . . . . .	19
Воздушные шары . . . . .	20
«У домов и у оград...» . . . . .	21
Читая старую книгу... . . . . .	22
После сороковин . . . . .	24
На распутье . . . . .	25
В роще . . . . .	26
На берегу . . . . .	27
Над рекой . . . . .	28
Стихи о лунном вечере . . . . .	29
Дом . . . . .	30
«Миг между тьмою и светом...» . . . . .	32

Ад . . . . .	34
«Это только весенняя слякоть...» . . . . .	35
«Кто там? Кому ответил...» . . . . .	36
Жгут листву . . . . .	37
«Черна ограда, а за нею...» . . . . .	38
«Июль окислялся, как медный кувшин...» . . . . .	39
Ночь («Ночь опускалась угрюмою птицей...») . . . . .	40
Снег . . . . .	41
Гадание . . . . .	42
«Еще не чувствуя беду...» . . . . .	43
Соловей . . . . .	44
Зимний город . . . . .	45
«Мне воды в горсти твоей напиться...» . . . . .	46
«Неясный возглас. Шелест платья...» . . . . .	47
Утро . . . . .	48
Грибник . . . . .	49
Пчелы . . . . .	50
В Хосте . . . . .	51
Град . . . . .	52
Страсть . . . . .	53
Нимфа . . . . .	54
«Пронзительный холод. Осенняя мгла. Листопад...» . . . . .	55
«Медовых зрачков равнодушная ложь...» . . . . .	56
«Дни проходили, шаг чеканя...» . . . . .	57
Дышит поле покоем... . . . . .	58
«Тик-да-так, да-так, да-тик...» . . . . .	60
«Так, наверно, лучше...» . . . . .	62
Блудный сын	
1. Птица странствий . . . . .	63
2. Звезда любви . . . . .	63
3. Возвращение . . . . .	64
«Порой забудется...» . . . . .	66
«Трав искристое сукно...» . . . . .	67
Осенние костры . . . . .	68
«Когда порой осеннею...» . . . . .	70
«Из праха вышли и были прах!..» . . . . .	71
«Мы исчезнем со временем оба...» . . . . .	72

«Из долгих странствий возвратясь...» . . . . .	73
«На душе темно и тихо...» . . . . .	74
«Птица дневная услышит ночную...» . . . . .	76
«Жизнь сурова, но о том не плачу...» . . . . .	77
Миндаль . . . . .	78
«Черный дрозд пробегает в траве...» . . . . .	79
«Проезд в снегу глубоком...» . . . . .	80
«Подкрашен небосклон...» . . . . .	82
«Высокий дом самоубийц...» . . . . .	83
«День да ночь...» . . . . .	84
«Заката павлинье цветет перо...» . . . . .	86
Старуха . . . . .	88
Кошка . . . . .	90
«В просторе голубом...» . . . . .	93
После грозы . . . . .	95
Стирка . . . . .	96
«Дай мне гнева и любви...» . . . . .	97
«Все, что так трудно исправлялось...» . . . . .	98
«В колею струящийся песок...» . . . . .	99
«Моя любовь горька, остра...» . . . . .	100
В степи	
1. «Проскакали кони...» . . . . .	101
2. «Пронеслись, столкнулись грудью...» . . . . .	101
Из старой путевой книжки . . . . .	102
Мирт . . . . .	103
«С гор стекает туман голубой...» . . . . .	104
«Путь не дальний, да грязь глубока...» . . . . .	105
«Прощай мои надежды...» . . . . .	106
«Где в жизнь прорастает искусства...» . . . . .	108
«Воздух темных аллей, как гранатовый сок...» . . . . .	109
Осина . . . . .	110
«Уезжаю, приезжаю...» . . . . .	111
Три сна . . . . .	112
«Не все преходяще – и значит...» . . . . .	114
«В случайные следы...» . . . . .	115
Бьющий свет . . . . .	116
«Бледные сумерки марта...» . . . . .	128



«И горделивое, и резкое...» . . . . .	129
«В горячем саду остаются слова без ответа...» . . . . .	130
«Был – пламя и ветер...» . . . . .	131
«Ограда. Яблоня за нею...» . . . . .	132
«Что за птица ко мне прилетала...» . . . . .	133
Июль-сенокосник . . . . .	134
«Удержаться ускользнувшую тень...» . . . . .	135
«Плеск волны, на песок набегающей...» . . . . .	136
«Улыбнись мне печально и строго...» . . . . .	137
«Вдоль опушки ель, осина...» . . . . .	138
Сорока . . . . .	139
Январские дни . . . . .	140
«Этот мир в переменах суровый и женственный...» . . . . .	141
Вольтер . . . . .	142
Сальери . . . . .	143
«Сбрось и тоску и усталость!..» . . . . .	144
Слово . . . . .	145
В храме . . . . .	146
«Лень говорить, и читать неохота...» . . . . .	147
«Жизнью былою судьбы настоящей...» . . . . .	148
«В купель огневую!..» . . . . .	149
Из бездны . . . . .	150
«К вечеру море утихло и волны уже не выносит...» . . . . .	162
«Те века, что когда-то здесь тропы торили...» . . . . .	163
Тишина . . . . .	164
«Роза цветет у дороги...» . . . . .	165
«Теплого ливня порывы...» . . . . .	166
Ласточки . . . . .	168
Князь Всеслав . . . . .	169
Ольга . . . . .	170
«Растаял снег. В саду ручей струится...» . . . . .	174
«Стужи дыханье, на окнах испарина...» . . . . .	175
«Ветер дальнего юга...» . . . . .	176
«Все, что ночью душною бормочется...» . . . . .	177
«Высокие травы, густая малина, цветущая слива...» . . . . .	178
«Были порывы...» . . . . .	179
«Зима ручьями унесла...» . . . . .	180

«В пору ту лениво-золотую...» . . . . .	181
«Этот мир в его основе...» . . . . .	183
«Себя преодолеть, в себе найти опору...» . . . . .	184
«С умытых лип струящаяся свежесть...» . . . . .	185
«Нет счастья, это так! Но радость есть, я знаю...» . . . . .	186
Месяцеслов . . . . .	
I. «В доме свечи мерцают на ели...» . . . . .	187
II. Вьюжной ночью закутавши плечи...» . . . . .	188
III. «Осыпаются с шишки еловой...» . . . . .	189
IV. «Вновь снега отряхает природа...» . . . . .	190
V. «Здравствуй, май! Веселый месяц года!..» . . . . .	191
VI. «Зацветает шиповник – ну, что же!..» . . . . .	192
VII. «Созревает черника – устало...» . . . . .	193
VIII. «Взгляд спокойней, уверенней голос...» . . . . .	194
IX. «На земле белеет паутина...» . . . . .	195
X. «Еще легко течет река...» . . . . .	196
XI. «Облетели заросли малины...» . . . . .	197
XII. «Опускаются сумерки рано...» . . . . .	198
«Лист кувыркком пронесется по площади...» . . . . .	200
«Молчи, молчи!.. Я не могу молчать!..» . . . . .	201
«Перелесок невзрачный, низина...» . . . . .	202
«Мне снятся мертвые друзья...» . . . . .	203
«Куда мы торопимся? Кто нас...» . . . . .	204
Муза . . . . .	205
Строитель корабля . . . . .	206
Художник . . . . .	207
«Поезд промчится в рыданьях и в грохоте...» . . . . .	208
«Люблю ли? Не знаю, не знаю...» . . . . .	210
«Ничего не осталось в душе...» . . . . .	211
«Право, и слезы уже не прольются...» . . . . .	212
«Этих дней мятущаяся толочь...» . . . . .	213
Еще раз . . . . .	214
«Давно померкла синева...» . . . . .	215
В зоопарке . . . . .	216
«Счастье грядущее, боль миновавшая...» . . . . .	217
«Как ты любишь рассуждать...» . . . . .	218
Восточный мотив . . . . .	219

«С той поры прошло немало дней...» . . . . .	220
«Никто на земле не спасет никого...» . . . . .	221
«Вот и опять заворчалось...» . . . . .	222
«Угли стреляют, сгорая...» . . . . .	223
Хлеб. . . . .	224
Урия . . . . .	225
«Вижу прошлое: из окон...» . . . . .	226
Стансы . . . . .	228
«Что еще вспомнить и что еще встретить...» . . . . .	230
«Я постою еще, я сердце успокою...» . . . . .	231
«Ну, что ж, если радостей нету...» . . . . .	232
«Прощай! Не маши торопливо рукою!..» . . . . .	233
«Не только то, что там...» . . . . .	234
Овидий . . . . .	235
«За часы былых свиданий...» . . . . .	236
«Слышу и слышу я – тикают часики...» . . . . .	237
«Снова в сердце ребячливом радость...» . . . . .	238
«Сел мой голос летучий. От водки, ты шепчешь? От ветра!..» . . . . .	239
«Живу не печалюсь...» . . . . .	240
«А все-таки я хотел бы...» . . . . .	241
«Мы воспевали труд и добродетель...» . . . . .	242
«О слияние молнии с громом...» . . . . .	243
«Только стыд, которым лето...» . . . . .	244
Романс . . . . .	245
«Пух тополевой пороши...» . . . . .	246
«Усилюем страдающей мысли...» . . . . .	248
«Была гадать тебе охота!..» . . . . .	249
«Возле дома снег, а на дороге...» . . . . .	250
Вавилонская башня. . . . .	251
«Куст герани на окне...» . . . . .	254
«От солнечных ярких пятен...» . . . . .	255
На погосте	
1. «Мысль и тут лишь собой занята...» . . . . .	257
2. «Жизнь бессмысленна, но не пуста...» . . . . .	257
3. «Жизнь, наверное, слишком проста...» . . . . .	259
4. «Жизнь без смерти была бы пуста...» . . . . .	260

«Один в одинокой стране...» . . . . .	262
«Цветут необъятные липы...» . . . . .	265
«Невыпитая чаша...» . . . . .	266
«Разве я унижу...» . . . . .	268
«Дай вдохнуть...» . . . . .	270
«Странность воспоминаний...» . . . . .	271
«Слово – серебро. Молчанье...» . . . . .	272
«Душа обернулась звездой...» . . . . .	273
Молитва . . . . .	274
«Было время, что не было времени...» . . . . .	275
«Убегают к лесу провода...» . . . . .	276
«Стряхнуть отупение, выйти...» . . . . .	278
«Как можно требовать от других...» . . . . .	279
«Позабытою песней встревожит мой слух...» . . . . .	280
«Час за часом, день за днем...» . . . . .	281
Два голоса . . . . .	282
«Не заплачу и не затоскую...» . . . . .	283
Пьяные стихи . . . . .	284
«Лист бумаги увижу, и тянет к перу...» . . . . .	286
«Чем с тобою сейчас поделиться?..» . . . . .	287
«Понапрасну, без смысла и цели...» . . . . .	288
Невольные мысли	
1. «Опять от невольных мыслей...» . . . . .	289
2. «Я думал: Творец, зачем же...» . . . . .	289
3. «Какое сырое утро!..» . . . . .	290
4. «Чего ж ты томишься, сердце?..» . . . . .	291
5. «Какое сырое утро!..» . . . . .	291
6. «Царит тишина в округе...» . . . . .	292
«Ты спроси, тебе отвечу...» . . . . .	294
«Нет никого, кто мог...» . . . . .	295
«Я все просил то гнева, то любви...» . . . . .	296
«Слева сосны, а справа кладбище...» . . . . .	297
«Слышу я, что охвачены мы распадом...» . . . . .	299
«Я люблю тебя! – еще не веря...» . . . . .	300
«Птичий свист не тревожит пространство...» . . . . .	301
Прощание с Ялтой . . . . .	302
«Встретились, сидели, говорили...» . . . . .	303

«Много лет я не вижу деревья, что я посадил...» . . . . .	304
«Снова лязганье стали во мгле...» . . . . .	306
Петру Рейнгардту-Никулину	
1. «Ты прости, что тебя растревожу я...» . . . . .	307
2. «Утро новое встанет насуплено...» . . . . .	307
«Ничего не надо, кроме, может...» . . . . .	309
«Декабрь, а как апрель!..» . . . . .	310
«Я повторяю вновь...» . . . . .	312
Крым . . . . .	313
Накануне парада (У памятника Пушкину) . . . . .	315
«Не оттого, что глаза заблестели...» . . . . .	319
«Вишня на склоне июньского дня...» . . . . .	321
«С чего начать? Начну с конца...» . . . . .	323
«Время сплошных неудач...» . . . . .	324
«Начинаю словно об одном...» . . . . .	325
«Солнца шар раскаленный...» . . . . .	327
«Засыпаю, крепко сплю, и снится...» . . . . .	328
«Не о вечном!.. О вечном успеется...» . . . . .	329
«Колышется сердца заброшенный пруд...» . . . . .	330
О цветах . . . . .	331
«Звонко пелось, беспечно дышалось...» . . . . .	332
«И в эту ночь почти не спавши...» . . . . .	334
«Мне бы от злобы уйти...» . . . . .	335
«Что я не видел и где я не был?..» . . . . .	336
«Снег в саду синей, чем молоко...» . . . . .	337
«Все, что можно, и все, что нельзя...» . . . . .	338
«Время не может, увы, ничему научить...» . . . . .	341
«Вспомнил вечером я тебя...» . . . . .	342
«Никто не лучше никого...» . . . . .	343
«Я находил в лесу глухом...» . . . . .	344
О цветах, о бабочках, о пчелах . . . . .	345
«Потерять можно то, что нашел...» . . . . .	346
«Давным-давно исчезла ты...» . . . . .	347
«Все покинуло, даже Муза...» . . . . .	348
«Жизнь утекает водой из горсти...» . . . . .	349
«Мир подьмлет лицо на рассвет...» . . . . .	350

«Вот и последние – два! – облетели...» . . . . .	351
«Жизнь меня на ходу подменила...» . . . . .	353
«Не оттого, что сказать больше нечего...» . . . . .	354
«Что же случилось со мной...» . . . . .	355
«От прошлого не отказываясь...» . . . . .	357
«Доживаю, но жизнь не клянусь...» . . . . .	358
«Луна замерзает, как белая мышь...» . . . . .	360
«Только в зеркале вырвет из мрака...» . . . . .	361
«Усталые ноги еще идут...» . . . . .	363
«Кому-то нравится одно...» . . . . .	364
«Рельсы прижмутся к шпалам...» . . . . .	365
«На тему вечную предательства...» . . . . .	366
«Ни на что глаза не закрываю...» . . . . .	368
«Много мелких сыпучих предметов...» . . . . .	369
«Не под забором я умру...» . . . . .	370

#### С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я . 1964–2021

Стихотворения из книг, не  
вошедшие в избранное  
« Не свое время »

#### Из книги «Лунный вечер». 1972

Из окна . . . . .	373
Январь . . . . .	374
На обрыве . . . . .	375
Кони . . . . .	376
«Пускаю бумажную птицу...» . . . . .	378
В пути. . . . .	379
«Огонь лизнул, и сморщились колени...» . . . . .	380

#### Из книги «Сад». 1982

Без тебя. . . . .	381
«Придет пора — и ты, как многие...» . . . . .	383
«...Ну, а нет ее пока...» . . . . .	384
«То страсть сумасбродного лета...» . . . . .	385
«Еще сады листвою не одеты...» . . . . .	386
«Синее небо бездонное...» . . . . .	387

Из книги «Месяцеслов». 1987	
«Правда хорошо, а счастье лучше...» . . . . .	388
«Прекрасный летний день...» . . . . .	389
«До сих пор я помню! — снова...» . . . . .	390
«Какие новости услышаны...» . . . . .	391
Сотворение собаки . . . . .	392

Из книги «Бьющий свет». 1992	
В Сестрорецке . . . . .	394
Ворон . . . . .	396

Из книги «Погост». 2000	
Старинные романы	
1. «Когда неудачи вокруг...» . . . . .	397
2. «Я любил романы, где злодеи...» . . . . .	398
«Дом на снос – и мы ломаем...» . . . . .	399
Ремонт . . . . .	400

Из книги «Сто стихотворений». 2013	
«Вот тут-то и вспомнишь, что больше не молод...» . . . .	401

### Не изданное и несобранное

#### Из машинописного сборника «Стихотворения». 1967

I. По вехам	
Свисток . . . . .	402
Март («И саксы плакались утробно...»). . . . .	402
Март («Куда-то едешь за пятак...»). . . . .	403
Герцена . . . . .	404
У моря. . . . .	404
«Ацетоном пахнут ананасы...» . . . . .	405
Дождь . . . . .	405
«По вехам со смехом...» . . . . .	406
«Резкие звуки хлестнули по нервам...» . . . . .	407
II. Мир древних цифр	
«Каждый живет, как и все живут...» . . . . .	408
«Солдатская песня взорвется...» . . . . .	409

«И опять просыпаясь радостно...» . . . . .	410
«Цветы догорали, как свечи...» . . . . .	411
«Пахнут горькими травами руки...» . . . . .	411
«В зеленоватый полумрак...». . . . .	412
Осеннее . . . . .	413
«Мир древних цифр...» . . . . .	414
Кольцо . . . . .	415
«Будут слова славить...» . . . . .	416
Дед . . . . .	417
Провода . . . . .	418

### III. Опыты

Рондель («Пойми меня и не жалея...») . . . . .	420
Рондель («Ты сидела одна у огня...»). . . . .	420
Рондо . . . . .	421
Розы . . . . .	421
«Король с королевой сидели...» . . . . .	422
«Любимая. В нашей любви...» . . . . .	422
Кармен . . . . .	423
«Постылая слава пирата...» . . . . .	424
«Уйду туда, где Одиссей...» . . . . .	424
«Сумбурные строфы моих побед...» . . . . .	425

#### Из рукописного сборника «САД». 1969

«Кто с тобою сравнится удачей...» . . . . .	426
«Средь ужасов мирного края...». . . . .	426
«Не жду я хорошего слова...» . . . . .	427
«Я уехал и осталось где-то далеко...» . . . . .	428
«Проливные помидоры августа...» . . . . .	430
Бабушкам . . . . .	430
Баллада. . . . .	431
«Я к разлуке губами приник...» . . . . .	432
«Горький запах твоих волос...» . . . . .	432
«Инне. . . . .	433
Песня . . . . .	434
Осень . . . . .	435
«Натруженный рокот машины...» . . . . .	435
Разлука. . . . .	436

«Палисадник. Фонарь над забором...» . . . . .	437
«Где слог найду, чтобы воспеть девчонок...» . . . . .	437
«Старик прикорнул на пороге...» . . . . .	438

#### Стихотворения разных лет

Король и принцесса . . . . .	439
Груши . . . . .	440
«Мы поэты – до многого голодны...» . . . . .	441
Ночь («Ночь была синяя, ты – голубая...») . . . . .	442
«Я счастливым таким еще не был...» . . . . .	442
«В этом что-то от древнего мира...» . . . . .	443
«Того, кто лежит на постели...» . . . . .	444
«Шарманка играет “Разлуку”...» . . . . .	445
Осенняя элегия . . . . .	446
*«День не сгорел. Он тянулся, как жвачка воловья...» . . . . .	446
«Не все начиналось с дороги...» . . . . .	447
«Хорошо приехать рано...» . . . . .	448
«Движенья неясный намек...» . . . . .	448
На море . . . . .	449
Я подумал . . . . .	450
«Спустилась ночь – и снова...» . . . . .	450
«Только небо, в котором проносятся...» . . . . .	451
*«И любви, и печали...» . . . . .	452
«За окном бушует вьюга...» . . . . .	453
Лето . . . . .	454
*«Дом уснул. Проулок пуст...» . . . . .	455
«Крутой тропинкой спустишься к реке...» . . . . .	456
«Все вернулось и не исчезает...» . . . . .	456
*«Люблю тебя, но жизнь давно...» . . . . .	457
Воспоминание . . . . .	457
«Бывает вдруг нахлынет...» . . . . .	458
Последние каникулы . . . . .	459
«Ах, сколько в Америке было бизонов...» . . . . .	461
*«Сад себя перерос, за ограду...» . . . . .	462
«До будильника проснись...» . . . . .	462
«Жизнь не тем ли прекрасна...» . . . . .	463

Простуда . . . . .	464
«От ночного кошмара давящего...» . . . . .	465
*«Печаль под вечер смолкла...» . . . . .	465
«Тряхни яйцо – повалит снег...» . . . . .	466
*«Ни тебе ни покрышки, ни дна...» . . . . .	466
*«Жизнь могла бы сложиться не так...» . . . . .	467
«День весенний пасмурен и зябок...» . . . . .	467

#### Н а б р о с к и

«Трепещущий путь светляка над кустами глухой ежевики...» . . . . .	469
«Нас трескучая ждет работа...» . . . . .	469
«И к тополи, и к вязу...» . . . . .	469
«Долгие годы хотелось хоть угол какой-нибудь свой...» . . . . .	470
«Рвутся последние связи горючие...» . . . . .	470
«Хлопья пушистые памяти тающей...» . . . . .	471
«Опять весна. Хотя вокруг людей...» . . . . .	471
«Когда не строка к строке...» . . . . .	472
«Абазур. Под клеенкою стол...» . . . . .	472
«В ряби озера отблеск железа...» . . . . .	472
«Мокрая улица. Грязный вокзал...» . . . . .	473
«Утро. Кофе. Сигарета...» . . . . .	473
«Чем похвалишься? Да нечем!..» . . . . .	473
«Я не знаю, что пригрезится...» . . . . .	474
«Погоди, не надо, милая...» . . . . .	474
«В путь-дорогу собираюсь...» . . . . .	475
«Если б не было бы вечности...» . . . . .	475
«Жизнь не сжата, но юность рассказана...» . . . . .	475
«Злость беспричинная! Так ли?..» . . . . .	476
«Обезьяна человеком стала...» . . . . .	476
«А вечер был такой, что больше не приснится...» . . . . .	476
«Много тоски и печали...» . . . . .	477
«Не будь вещей важнее поэзии...» . . . . .	477
«Благословенный Богом край...» . . . . .	477
«Атласный выгянет – и ластом...» . . . . .	477
«Здания мокрые, скучные, серые...» . . . . .	478
«Мне бы легче, наверное, было...» . . . . .	478

«Нет, уж лучше ничего не буду...» . . . . .	478
«Пятипалые листья каштана...» . . . . .	479
«Молчу, скрываюсь и таю...» . . . . .	479
«Все куда-то ушло, подевалось...» . . . . .	479
«Вечер в окне, как сиреневый пепел...» . . . . .	479
«Эти книги, что я не прочел...» . . . . .	480
«Думалось – будет легко...» . . . . .	480
«...от станции» . . . . .	481
«День ушел, а я остался...» . . . . .	481
«Репов нельзя, ну а яблоков можно...» . . . . .	481
«Знаю сам, не сетуй...» . . . . .	481
«Повторяю глаголы модальные...» . . . . .	482
«Собирать бутылки у ларьков...» . . . . .	482
«Хочу увидеть разное...» . . . . .	483
«Зябкий север, юг горячий...» . . . . .	483
«Бог свет, но он и больше света...» . . . . .	483
Бьющий свет 2. . . . .	484
«Ничего уже...» . . . . .	485
«Здесь тишины и в ночи не услышать...» . . . . .	485
«Как все-таки странно, как странно...» . . . . .	486
«Цвели магнолии в аллее...» . . . . .	486
«Средь сумятицы, толочи...» . . . . .	486
«Ночью одно, ну а утром иное...» . . . . .	487
«Мне воспеть тебя хотелось...» . . . . .	487
«Жизнь прошла, а до нас не дошла...» . . . . .	487
«Бьют часы на Спасской башне...» . . . . .	488
«Все вернется на круги своя...» . . . . .	488
«Приснилось мне, что умер я...» . . . . .	488
«Не надо о грустном, не надо...» . . . . .	489
«Я бы запил, да пить не могу...» . . . . .	489
«Как представлю себе расстояния...» . . . . .	489
«О этот шмелиный гуд...» . . . . .	490
«Я спал, но даже во сне...» . . . . .	490
«Для того ль я брел, сбивая ноги...» . . . . .	490
«Никого в земной ночи...» . . . . .	491
«На желтой бумаге (а белую берегу)...» . . . . .	491
«Никогда ничего не любил...» . . . . .	491

«Страна махнула в эмиграцию...» . . . . .	492
«Никого не жалко мне, а плачу...» . . . . .	492
«Думал, бросил писать, но опять...» . . . . .	492
«Когда ветра подуют с севера...» . . . . .	492
«Не майся душа моя, полукалека...» . . . . .	493
«Бросил пить для уюта в дому...» . . . . .	493
«От одиночества, от гула...» . . . . .	493
«Приближался декабрь к середине...» . . . . .	495
«То снег, а то туман...» . . . . .	495
«...тачанки в клубах пыли...» . . . . .	495
«Совсем обмелело за лето...» . . . . .	495
«Время песен одноразовых...» . . . . .	496
«Мне сегодня снился странный сон...» . . . . .	496
«А что поделатъ, если всё...» . . . . .	496
«Ладно, может, еще я и как-нибудь выживу...» . . . . .	497
«Ну, а если все получится...» . . . . .	497
«Я тебя почти не вспоминал...» . . . . .	497
К о м м е н т а р и и . . . . .	498
А л ф а в и т н ы й у к а з а т е л ь	
с т и х о т в о р е н и й . . . . .	554

Геннадий Васильевич ФРОЛОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ  
И  
ПОЭМЫ

Редактор *Б.Н. Романов*  
Верстка *Л.А. Шелковой*

Буки Веди  
Тел. 8(495) 926-63-96  
E-mail: [www.bukivedi.com](http://www.bukivedi.com), [info@bukivedi.com](mailto:info@bukivedi.com)

Подписано в печать 18.11.2022. Формат 60x90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага 80 г  
Гарнитура «SchoolBook». Печ. л. 36,75. Тираж 300 экз. Заказ

ISBN 978-5-4465-3724-2



9 785446 537242 >

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»  
117393, г. Москва, вн. тер. г. Муниципальный округ Обручевский  
ул. Профсоюзная, д. 56, этаж 3, помещение XIX, ком. 321.  
Тел.: (495) 926-63-96, [www.bukivedi.com](http://www.bukivedi.com), [info@bukivedi.com](mailto:info@bukivedi.com)